СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ КИРОВ

ЕН242
К376

воспоминания ленинградских рабочих

ЛЕНИЗДАТ
1939

Вся партия, весь рабочий класс и весь народ нашего Советского Союза будет свято чтить, будет беречь, как зеницу ока, память о товарище Кирове, и он, наш народ, поставит великий памятник товарищу Кирову. Это будет не только необходимое увековечение его памяти, которое связано с наименованием именем товарища Кирова городов, областей, фабрик и заводов. Мы, партия и рабочий класс, поставим памятник Сергею Мироновичу в делах социализма, в победном шествии коммунизма вперед.

А. А. ЖДАНОВ

★

МУЗЕЙ С. М. КИРОВА

СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ КИРОВ

ВОСПОМИНАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКИХ РАБОЧИХ

Материалы собрал и обработал Н. А. Ходза
Под общей редакцией С. И. Аввакумова

ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЕ И КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО СОВЕТА РК и КД
1939

ЕН242
К376
51437

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Непоколебимый ленинец	13
Он боролся с врагами по-сталински	28
Большевистское слово	35
Наш Мироныч	43
Трибун революции	51
На Невдубстрое	55
Из кустарной мастерской в гигант мирового значения	58
Мы учились работать у Кирова	61
Детище Кирова	65
Ему мы обязаны своими победами	69
На Гдовских сланцах	72
Выполнить план во что бы то ни стало!	79
Помощь Кирова	83
На приеме в Смольном	85
Изобретайте и учитесь	89
Наглядный урок	92
Мы с вами жизнь заново перекраиваем	95
Заботливый хозяин социалистического города	98
У нас не должно быть окраин	102
Важна правда, а не красота	106
Слова простые и великие	113
На съезде колхозников	114
Письмо Кирова	117
Ваша жизнь нужна партии	120
Встреча в Казахстане	127
Две поездки	133
Великое сердце	141
Охота — любимый отдых Мироныча	143
Любимый друг, товарищ, руководитель	149
Письмо товарищу Сталину от старых рабочих Ленинграда	157
Проходя мимо гроба Кирова... (письмо старейших рабочих з-да им. Сталина)	159
Товарищу Сталину от 200 тысяч рабочих и работниц Кировского района г. Ленинграда	160
Письмо краснопутиловцев-большевиков товарищу Жданову	163

ПРЕДИСЛОВИЕ

Любимец партии и рабочего класса, любимец всего советского народа Сергей Миронович Киров особенно близок был ленинградским рабочим. Девять лет работы товарища Кирова на посту руководителя ленинградской организации большевиков — это девять лет его теснейшей связи с ленинградскими рабочими и работницами. Возглавляя стотысячную партийную организацию, товарищ Киров знал по имени не только секретарей парткомов крупных заводов, но и многих цеховых парторгов, старых рабочих-производственников, ударников, всех тех рабочих и работниц, с которыми хотя бы раз ему пришлось встретиться.

Первое знакомство ленинградских рабочих с товарищем Кировым произошло сразу же после XIV съезда ВКП(б), в дни ожесточенной борьбы с подлейшей сворой двурушников-зиновьевцев. Впервые услышали тогда ленинградские рабочие-большевики вдохновенные выступления пламенного трибуна в защиту генеральной линии партии. Этими первыми выступлениями товарищ Киров прочно завоевал сердца рабочих города Ленина. В последующие годы любовь ленинградских рабочих к товарищу Кирову неуклонно возрастала.

Полный глубочайшей уверенности в правоте учения Ленина—Сталина о возможности победы социализма

в нашей стране, Сергей Миронович вдохновлял ленинградских рабочих на победоносное социалистическое строительство. Он неустанно разъяснял массам ту исключительную роль, которую должна сыграть ленинградская промышленность в деле социалистической индустриализации нашей страны.

«Все объективные условия говорят за то, — говорил товарищ Киров, — что **город Ленинград и ленинградская промышленность в деле индустриализации страны должны будут сыграть, примерно, ту же самую роль, какую этот город и пролетарии Ленинграда сыграли во всех этапах нашей великой революции».** [1]

Товарищ Киров непосредственно руководил социалистической стройкой в Ленинграде. Подлинным хозяином приходил Сергей Миронович в цеха заводов и фабрик, на каждое новое строительство. Рабочие, мастера, начальники цехов, инженеры, директора предприятий хорошо знали, что всякое новое мероприятие находится под неусыпным наблюдением товарища Кирова. Когда рабочие «Красного Путиловца» осваивали серийное производство тракторов «Фордзон путиловский», ижорцы осваивали производство первого советского блюминга, рабочие завода «Электросила» работали над первым советским электроприводом для блюминга, рабочие металлического завода имени Сталина строили мощные турбины, Сергей Миронович требовал, чтобы ему сообщали о каждом шаге работы, о каждом затруднении; он сам звонил по телефону на предприятия утром и днем, вече-

---

[1] С. М. Киров, Статьи, речи, документы, том III, стр. 246.

ром и ночью, часто и без предупреждения появлялся на заводах, особенно в ответственные для производства моменты. Сергей Миронович умел приободрить людей, во-время дать совет, оказать необходимую помощь, а когда нужно — и дать нагоняй за нерадивость. Каждое посещение производства товарищем Кировым вливало новую энергию в рабочих, помогало преодолевать трудности. Когда ему жаловались на трудности, приводили «доводы» о невозможности выполнить задание в установленный срок или заявляли о технической невыполнимости задания вообще, Сергей Миронович давал замечательный ответ: «Не знаю, как технически, но по-коммунистически это может и должно быть сделано».

Рабочие-краснопутиловцы вспоминают, как они в 1933 году бились за своевременное изготовление запасных частей для тракторов. Плохо ладилось с производством поршневых колец. Вместо выработки 300 тысяч колец за февраль и март, с трудом изготовили в феврале 60 тысяч колец. Сергей Миронович прежде всего разъяснил рабочим политическое значение производства запасных частей. «А потом он негромко, как-то так задушевно добавил: „Знаете, товарищи, ведь я дал слово Политбюро и правительству, что Ленинград выполнит программу по запчастям“. И мы не подвели Сергея Мироновича: не пришлось ему краснеть за нас. 28 марта — досрочно — наши краснопутиловцы сделали все 300 тысяч поршневых колец».

Вникая в детали производственной жизни заводов, Сергей Миронович умел поднять каждую «мелочь» производства на принципиальную высоту, умел разъяснить

рабочим неразрывную связь их работы с большими политическими задачами. Когда в 1934 году на том же «Красном Путиловце» осваивалось производство тракторов-пропашников, Сергей Миронович говорил рабочим, что неполадки объясняются прежде всего непониманием того, что такое пропашник.

«Вот эта машина, — указал товарищ Киров на собранный трактор, — не просто пропашник. Это, товарищи, политика партии. А на этом конвейере вы осуществляете политику партии. Растолкуйте всем связанным с производством пропашника рабочим, что пропашник, посланный вами в Среднюю Азию, — это больше хлопка. Больше хлопка — это больше мануфактуры. Больше мануфактуры — это больше белья, рубах, простынь, платков — это больше зажиточных рабочих и колхозников. Вот когда вы все это разъясните по-настоящему, по-большевистски, вот тогда и дело у вас пойдет по-большевистски, по-сталински».

Неустанную, подлинно сталинскую заботу товарища Кирова о людях ощущали непосредственно на себе широкие рабочие массы. Этой заботой о людях, строящих социализм, пронизана была вся огромная работа Сергея Мироновича по социалистической реконструкции Ленинграда. На прежних рабочих окраинах сооружались мощные жилмассивы с светлыми, удобными квартирами для рабочих, создавались замечательные дома культуры, клубы, кино, театры, школы, детские ясли и очаги, фабрики-кухни, заливались асфальтом улицы и площади. Сергей Миронович мог с законной гордостью сказать на XVII съезде партии, что «...в Ленинграде остались

старыми только славные революционные традиции петербургских рабочих, все остальное стало новым».

Сергей Миронович находит время не один раз позвонить на завод имени К. Маркса и удостовериться, что рабочим-изобретателям тт. Карасику и Семенову созданы необходимые условия для работы. Он находит время ответить на письмо рабочего 25-тысячника тов. Денисова, посланного в деревню, когда у того встретились трудности в работе. Товарищ Киров заботится о сооружении знаменитой перемычки на улице Стачек, из-за отсутствия которой так страдали рабочие-краснопутиловцы. Заботливым хозяином появляется он на субботниках рабочих Выборгской стороны по озеленению Лесного проспекта. Загруженный большой партийной и государственной работой, он находит возможность уделить внимание горю молодой девушки, бывшей домработницы, когда та осталась без работы, и помогает ей получить и работу и место в общежитии. Когда работница тов. Васильева, выступавшая ходатаем за девушку, благодарит Сергея Мироновича, товарищ Киров ответил ей: «Тебе спасибо, что заботишься о людях. И дальше так работай».

Каждый ленинградский рабочий, в той или иной мере соприкасавшийся с Сергеем Мироновичем, испытывал на себе огромное обаяние Кирова — товарища, друга, учителя и вождя.

Сергей Миронович Киров был верным до конца учеником Ленина, стойким соратником Сталина, беззаветно преданным делу рабочего класса и беспощадным к классовым врагам. «Он был в самой передовой шеренге

руководителей победоносной социалистической революции в нашей стране» (А. Жданов).

Товарища Кирова — любимца партии и рабочего класса — люто ненавидели классовые враги. Товарищ Киров стал жертвой самого гнусного злодеяния. Тройное проклятие шлют рабочие и все трудящиеся подлейшим троцкистско-бухаринским выродкам, убийцам товарища Кирова!

Дело, за которое боролся и отдал свою славную жизнь Сергей Миронович, непобедимо.

Имя товарища Кирова будет жить в веках!

С. Аввакумов

„Под руководством тов. Кирова Ленинградская организация в кратчайший срок сумела разгромить презренных врагов партии и народа — зиновьевцев, каменевцев, троцкистов. Он сумел в 1926 году организовать лучших передовых людей Ленинградской организации, собрать их силы, сколотить партийный актив и двинуть массы в бой за великие задачи поставленные партией перед Ленинградской организацией. Сергей Миронович добился того, что Ленинградская организация в кратчайший срок преодолела и разгромила контрреволюционную зиновьевщину".

А. А. ЖДАНОВ

НЕПОКОЛЕБИМЫЙ ЛЕНИНЕЦ

Сергея Мироновича Кирова я видел неоднократно. Еще до приезда Кирова в Ленинград я встречался с ним и слышал его выступления на партийных съездах. Впечатление от речей Сергея Мироновича было всегда настолько огромным, что я до сих пор помню их содержание.

Отчетливо помню первую встречу с Кировым. Она произошла на первом Всесоюзном съезде Советов, когда создавался и оформлялся Союз Советских Социалистических Республик. Выступление товарища Кирова на этом съезде было таким страстным и темпераментным по форме, таким глубоким по содержанию, по знанию жизни горцев, что казалось — перед нами выступал настоящий горец, переживший все тяготы угнетенного народа.

Личное мое знакомство с Сергеем Мироновичем произошло в Ленинграде, когда туда прибыла группа членов ЦК для разъяснения решений XIV съезда партии.

В конце декабря 1925 года ЦК ВКП(б) направил группу товарищей из Свердловского университета, а в их числе и меня, в Ленинград для борьбы с зиновьевской оппозицией. Я приехал в Ленинград 18 декабря 1925 года, и меня сразу же направили работать в Московско-Нарвский район, где была инициативная группа сторонников ЦК. Я принял участие в борьбе с оппозицией на «Красном Путиловце». Мне и моим товарищам вскоре удалось сколотить изрядный актив из сторонников ЦК — иногда нас собиралось около тридцати человек. Это не значит,

конечно, что с решениями ЦК были согласны только 30 человек; эти товарищи активно занимались пропагандой решений съезда.

Само собой разумеется, что собирались мы конспиративно, на квартирах старых большевиков-путиловцев. Если бы оппозиционное руководство завода узнало об этих собраниях, мы были бы разогнаны. Впрочем, однажды так и случилось. Во время совещания на квартире путиловца Ипатова нас разогнали самым насильственным образом.

К моменту приезда Сергея Мироновича в Ленинград зиновьевцы продолжали самым наглым образом преследовать сторонников ЦК. Условия создались такие, что никакая съездовская литература не могла быть распространена в партийных организациях. Наглость оппозиционеров доходила до того, что «виновник», распространявший съездовские решения, сплошь и рядом исключался из партии. Сторонники генеральной линии партии на партсобрания не допускались вообще. Если же кто-либо из большевиков и проникал на собрания, то выступать на них иногда было просто невозможно. Активные оппозиционеры применяли поистине бандитские приемы, чтобы заглушить слова подлинных большевиков. Я хорошо помню случаи, как сторонников ЦК, выступавших на собраниях, зиновьевцы силой стаскивали с трибуны, оттесняли куда-нибудь в конец помещения и там избивали.

Трудно поверить теперь, какими гнусными методами лжи и демагогии пользовались зиновьевцы, чтобы ввести в обман рядовых членов партии. Мне припоминается один из зиновьевских агитпропов «Путиловца» — Тарханов, который, собрав путиловскую парторганизацию, рассказывал ей с серьезным видом об «ужасном положении ленинградской делегации» на XIV съезде ВКП(б). Истощив на вранье всю свою фантазию, он под конец заявил, что на съезде кормят московских делегатов пирожками

с мясом, а ленинградским дают только пирожки с капустой.

В первых числах января Сергей Миронович Киров вызвал к себе в Европейскую гостиницу группу товарищей, активно боровшихся против зиновьевцев.

Знакомясь с нами, Сергей Миронович детально расспрашивал о существующем положении дел:

— Расскажите, — обратился он к нам, — к каким манипуляциям и методам прибегает оппозиция, чтобы так нагло обманывать партийные массы.

Услышав от нас, что партийные организации лишены правдивой информации и вынуждены питаться только антипартийной ложью зиновьевцев, Киров заметил:

— Но ведь мы же направляем в Ленинград массу партийной литературы и документов, из которых отчетливо видна правда.

Мы привели Сергею Мироновичу многочисленные факты настоящего гонения на большевистскую литературу и на тех, кто распространяет ее.

Тогда Сергей Миронович попросил рассказать о методах борьбы зиновьевцев с преданными сторонниками ЦК.

Мы рассказали и об этом.

Так же обстоятельно знакомился товарищ Киров с нашей работой: есть ли у нас настоящий актив и что он делает.

Узнав, что у нас есть актив и что я, выступая на партийном собрании путиловцев, разоблачал гнусную демагогию Сафарова и Тарханова, Киров спросил, сколько человек голосовало за нашу резолюцию. К великому нашему стыду мне пришлось ответить, что мы даже и не предлагали никакой резолюции.

Товарищ Киров задал еще несколько вопросов, а затем четко изложил нам основное направление нашей дальнейшей борьбы с оппозицией.

— Это правильно, — сказал Сергей Миронович, — что вы, минуя все препятствия, пробирались на квар-

тиры к рабочим, вели с ними беседы. Но нельзя ограничиваться одними выступлениями. Сейчас нужно, не теряя драгоценного времени, поднимать борьбу на принципиальную политическую высоту. Нужно, чтобы партийные массы не только знали выступающих против оппозиции и верили им, — нужно, чтобы эти массы открыто реагировали на такие выступления, отражали бы свою большевистскую точку зрения в резолюциях, которые мы обязаны предлагать на собраниях.

Затем Сергей Миронович обязал нас ежедневно составлять сводки о проделанной работе.

Мы вышли от Сергея Мироновича воодушевленные, ясно представляя себе задачи борьбы с врагами партии.

И хотя нас попрежнему на завод не пропускали, мы стали проводить свои резолюции через партийцев, работающих постоянно на «Красном Путиловце». К нашей великой радости постепенно одна за другой низовые партийные ячейки принимали резолюции, выражающие недоверие оппозиции и одобряющие решения XIV съезда партии. Это была огромная победа, которой мы достигли за короткое время с помощью Сергея Мироновича. Рядовые коммунисты стали открыто, полным голосом, клеймить раскольническую, предательскую политику зиновьевцев. В эти дни мы встречались с Сергеем Мироновичем очень часто. Его кипучая энергия давала нам огромную зарядку. Товарищ Киров торопил нас с созывом общезаводского партийного собрания.

— Это важно, очень важно, — повторял Сергей Миронович. — Поймите, ведь вы краснопутиловцы!...

Вдохновляемые Кировым, мы работали без устали и день и ночь, чувствуя себя так, точно мы находились в обстановке гражданской войны. Несмотря на многие трудности и отдельные срывы, я не помню, чтобы когда-нибудь чувствовал такую удовлетворенность своей работой, как тогда.

Когда стало ясно, что большинство коммунистов

«Красного Путиловца» стоит на позициях XIV съезда партии, представилось возможным официально созвать цеховые партийные собрания, которые должны были заклеймить оппозиционеров и окончательно пресечь их преступную деятельность на заводе.

И хотя к этому времени мы формально имели все документы на право входа в завод и на посещение партийных собраний краснопутиловцев, — фактически мы этого права были лишены: оппозиционное партийное и хозяйственное руководство завода категорически запретило охране пропускать нас на территорию завода. Когда начались собрания цеховых ячеек, Губернский Комитет партии выделил для участия в собраниях ряд товарищей и снабдил их специальными мандатами за подписью секретаря Губернского Комитета. Однако, оппозиционеры, почуявшие свою близкую гибель, наглейшим образом отказались пропустить нас даже по мандатам, подписанным Кировым. Тогда Сергей Миронович предложил нам пойти на некоторую хитрость:

— Надо пробираться на завод не всем сразу. Попробуйте пройти по одному.

Мы так и сделали. Это было 12 января 1926 года. Соблюдая интервалы, мы один за другим стали входить в проходную. Я попал туда не то третьим, не то четвертым. Вхожу с независимым видом, предъявляю командировку Губкома на партийное собрание краснопутиловцев. Но меня не только не пропустили на территорию завода, но даже арестовали. Арестованы были и те товарищи, которые пришли до меня с мандатами Губкома. И первым, кого я увидел сидящим под охраной, был Иван Иванович Газа. Громко, на всю проходную, тов. Газа дал весьма внушительную оценку жандармским приемам зиновьевцев. Когда меня привели в кутузку, приставленный оппозиционерами цербер позвонил к Александрову. Александров был выкормышем Зиновьева и в этот момент возглавлял парторганизацию «Красного Путиловца».

51437

БИБЛИОТЕКА

Охранник сообщил Александрову, что «арестован еще один, пришедший с мандатом Губкома». Скоро наша кутузка пополнилась еще тремя товарищами.

Вместо того чтобы присутствовать на собрании и возглавлять борьбу с врагами, вся наша группа оказалась арестованной. Разумеется, мы начали активно протестовать. Потребовали от охранника, чтобы дали нам возможность переговорить по телефону с секретарем Губкома — Сергеем Мироновичем Кировым. Но охранник, получив, вероятно, соответствующую директиву, никого из нас к телефону не допускал. Тогда мы начали требовать, чтобы он сам позвонил в Губком и сообщил о нашем аресте. Напор наш был настолько внушителен и категоричен, что охранник срочно позвонил (правда, не в Губком, а к Александрову) и сообщил ему о наших требованиях. Александров, поняв, очевидно, что теперь уже не декабрь 1925 года, когда в Губкоме владычествовала свора зиновьевцев, приказал охраннику пропустить к нему одного из задержанных. Товарищи решили послать меня, как руководителя инициативной группы.

Под охраной, точно преступника, меня провели по всему заводскому двору в партийный комитет. Александров встретил меня криками и угрозами:

— Вы дезорганизаторы! Вы раскольники! Мы не признаем ваших мандатов! Среди нас самих есть члены Губкома.

Не обращая особого внимания на выкрики зиновьевца, я потребовал, чтобы мне дали возможность переговорить по телефону с Сергеем Мироновичем. Но дать мне в руки телефонную трубку Александров побоялся. Он соединился с товарищем Кировым и с поразительной наглостью стал лгать ему при мне:

— Сергей Миронович, никаких у нас партийных собраний сейчас нет. А раз нет собраний, мы никого из посторонних в цеха пропускать не имеем права.

Дальше Александров развел притворную истерику по

поводу «недоверия», «раскола», т. е. снова пустил в ход весь заезженный зиновьевский багаж демагогии.

Присутствовавший при этом разговоре путиловский рабочий-большевик заявил:

— Ты врешь, Александров: у нас в вагонной мастерской сегодня состоится партийное собрание.

Его перебил член парткома, оппозиционер Семенов. Истошным голосом он вопил:

— Я при царском режиме был смертником! Пусть только из вас кто-нибудь еще раз покажется на заводе: убью — и ничего мне не будет!

На этом закончились мои «переговоры» с Александровым. Под охраной меня привели тем же путем обратно в проходную. Всех нас, арестованных, вышибли с завода, не пустив на партийные собрания.

Задание Сергея Мироновича, таким образом, мы выполнить не сумели.

Выслушав наш печальный отчет, Сергей Миронович тут же дал нам указания о немедленной перестройке нашей работы.

— Нужно с сегодняшнего же дня перестать ограничивать свою борьбу с врагами обычными посещениями завода и устной информацией коммунистов о съезде партии. Во что бы то ни стало нужно немедленно вооружить путиловских коммунистов съездовской литературой.

Сергей Миронович объяснил нам, что литература сразу же на многое откроет глаза рабочим.

— Пусть враги партии, — закончил товарищ Киров, — попробуют отнять у краснопутиловцев съездовскую литературу.

Указания Сергея Мироновича были для нас руководством к действию. Мы тотчас же начали обдумывать способы, при помощи которых можно было бы снабдить завод бюллетенями съезда. Оппозиционеры боялись съездовской литературы, как чумы, и прибегали к самым

свирепым ухищрениям, чтобы лишить коммунистов этих правдивых и ценнейших материалов.

Пришлось действовать самым настоящим конспиративным путем, как действовали в свое время большевики при царском режиме.

Активные путиловцы-коммунисты прятали в одежде съездовские бюллетени и, придя на завод задолго до гудка, раскладывали литературу по рабочим ящикам. Обнаружив это, зиновьевские молодчики начали слежку за всеми, кто приходил на завод раньше начала работы.

Тогда мы использовали другую возможность. В Московско-Нарвском райкоме партии работал молодой товарищ по фамилии Михайлов. Отец Михайлова — старый беспартийный рабочий — был пожарником на «Красном Путиловце». Его пост находился у одних из ворот завода. Мы нагрузили несколько пудов съездовских бюллетеней, и ночью товарищ Михайлов провез их через ворота, которые охранял его отец. Литературу мы разложили по цехам на заранее условленных местах. Так как «виновников» проникновения литературы обнаружить было невозможно, наши товарищи открыто брали материалы съезда и тут же раздавали их членам партии. Эффект такого массового, единовременного распространения бюллетеней съезда и отдельно изданного доклада товарища Сталина был исключительно велик. Материалы съезда с предельной отчетливостью обнажали антипартийное лицо Зиновьева, Каменева и их сподручных. Напрасно теперь зиновьевские ставленники на «Красном Путиловце» прибегали к угрозам и репрессиям: истина стала ясна, благодаря правдивой, обличающей врагов большевистской печати. Эту истину нельзя было заглушить никакими окриками, никакой демагогией. Этот момент можно считать решающим, переломным этапом в истории борьбы с зиновьевцами на «Красном Путиловце». Так Сергей Миронович указал нам наиболее короткий и эффективный путь, который привел к массо-

вому и решительному отходу путиловских большевиков от оппозиции.

В этот период мы встречались с Сергеем Мироновичем уже не в гостинице, а в Смольном, где помещалось Севзапбюро ЦК партии. Там намечались и все мероприятия по созыву общезаводского собрания коммунистов «Красного Путиловца»...

Всячески торопя нас с созывом этого решающего собрания, товарищ Киров внимательнейшим образом прислушивался к голосу тех, кто хорошо знал настроения рабочих. В противовес Сергею Мироновичу, Подвойский не хотел считаться ни с какими фактами: он настаивал на немедленном созыве собрания. Когда мы, сославшись на ряд важных обстоятельств, предложили собрание несколько отсрочить, товарищ Киров заметил Подвойскому:

— Николай Ильич, надо все-таки с мнением товарищей считаться. Они бывают на заводе, видятся с людьми, знают обстановку. Так нажимать нельзя. Давайте подождем еще два дня.

Сергей Миронович придавал этому собранию совершенно исключительное значение. Громогласное осуждение зиновьевцев путиловскими большевиками должно было моментально оказать огромное, решающее влияние на все заводы, где врагам удавалось еще при помощи лжи и демагогии удерживать около себя кое-каких сторонников. Поэтому, когда мы пришли к выводу, что для созыва собрания почва уже подготовлена, Сергей Миронович занялся с нами всеми деталями проведения этого собрания.

Прежде всего он указал нам, что зиновьевская сволочь будет принимать все меры, чтобы сорвать собрание, на котором подавляющее большинство стоит на принципах ЦК.

— Поэтому, — заметил Киров, — вы особенно успехами не увлекайтесь, а подумайте, как сделать, чтобы все прошло гладко.

— Да все уже подготовлено, товарищ Киров, — уверяли мы. — В таком-то цеху большинство за нас, в таком-то — все коммунисты тоже идут за нами, какие же могут быть неожиданности?

— А вот один раз уже не пустили вас на партийное собрание, так чем вы гарантированы, что такая же история не повторится вновь? Надо сделать так, чтобы на этом собрании хозяевами были подлинные представители партии. Нужно обдумать мельчайшие детали и обратить особое внимание на охрану: сколько ворот на Путиловском заводе, кто охраняет эти ворота, нет ли каких-нибудь неизвестных нам проходов и калиток.

Дальнейшие события показали, что эта «мелочь», о которой заботился Сергей Миронович, определила собой весь ход партийного собрания.

В день открытия общезаводского партийного собрания на «Красном Путиловце» вся прежняя охрана была нами заменена. У ворот стояли люди, которые целиком были преданы великому делу коммунизма. Люди, носившие два и три ромба, превратились в сторожей у ворот Путиловского завода. Это были настоящие часовые, охранявшие от врагов народа завод, всегда бывший крепостью большевизма.

Стоявшие у ворот пропускали на территорию завода только по рабочим пропускам и по удостоверениям Районного и Губернского Комитетов ВКП(б). Предвидя, что такая постановка дела несомненно вызовет среди оппозиционеров взрыв ярости, товарищ Киров решил, что правильнее установить в данном случае единоначалие, чтобы в спорных случаях вопрос разрешался только одним человеком. Для этой работы мы выделили тов. Высоцкого. Познакомившись с Высоцким, Сергей Миронович одобрил наш выбор.

И действительно, Высоцкий как нельзя лучше справился с порученным ему трудным и ответственным делом: наша охрана решительным образом преградила путь

на собрание всем зиновьевцам, не работавшим на «Путиловце». У Высоцкого беспрерывно звонил телефон. Я отчетливо запомнил один из таких телефонных разговоров. Какой-то тип начал истерично орать в трубку:

— Как вы смеете меня не пропускать!? Я пять лет работаю на заводе пропагандистом! Это безобразие!!!

Высоцкий спокойно, невозмутимо спрашивает:

— Вы, значит, состоите на учете заводской партийной организации?

— Нет, но я...

— Может, вы член Райкома?

— Нет, но я...

— Может, вы член Губкома?

— Нет, но я...

— «Чижолое» ваше положение, — заключает разговор Высоцкий: — на завод вас пропустить не могу.

Благодаря предусмотрительности Сергея Мироновича, пришлые зиновьевцы на собрание не попали. Это повергло местных оппозиционных вожаков в неописуемую ярость. Считая вполне нормальным арестовывать и сажать в кутузку коммунистов с мандатами Губкома, они никак не могли примириться с тем, что на завод не пропустили людей, не имеющих ничего общего с местной партийной организацией.

Чувствуя свое бессилие, предатели прибегли к помощи жандармских погромных методов. Они проломили тараном стену, разломали дощатую перегородку, и две-три сотни «обработанных» зиновьевцами комсомольцев ворвались на завод.

Собрание проходило в напряженной обстановке. Зиновьевцы вели себя по-хулигански. Криками, топотом и завываниями они пытались прервать собрание, не давали выступать членам ЦК.

Но ни демагогия, ни хулиганство помочь уже зиновьевцам не могли. За несколько недель рабочие отлично разобрались, в какую трясину тянет их преступная оппо-

зиция. Большинство общезаводского партийного собрания «Красного Путиловца» голосовало за резолюцию XIV съезда ВКП(б). Крупнейший завод Советского Союза, идущий всегда в авангарде русского революционного движения, категорически заявил о своей преданности бессмертному делу Ленина—Сталина. Роль товарища Кирова в успешном проведении этого исторического собрания переоценить невозможно. Если бы не повседневное руководство Сергея Мироновича, если бы не кировская принципиальность и проницательность, краснопутиловские большевики, вероятно, не смогли бы так быстро обезвредить себя от антипартийных махинаций зиновьевцев.

Сергей Миронович не успокоился на этой победе. Он попрежнему требовал от нас активной и неутомимой работы по пропаганде решений партийного съезда, проведения бесед и докладов, разоблачающих преступное лицо оппозиции. По настоянию Сергея Мироновича я и группа товарищей переселились на завод. Разместились мы в конторе завода. С утра до вечера мы были в цехах и знали политическую жизнь завода до мельчайших деталей. Это было совершенно необходимо, т. к. оппозиционное бюро партийного коллектива распущено было не сразу.

Разгромленные предатели не желали признавать себя побежденными. Уйдя в подполье, они готовили новые преступления против рабочего класса, против революции. В октябре 1926 года на ленинградском горизонте вновь замаячила ненавистная фигура Зиновьева. Обнадеженный кучкой своих единомышленников, он явился в клуб имени Нариманова на партийное собрание рабочих Путиловского завода. Краснопутиловцы встретили его гробовым молчанием.

Докладчиком на этом собрании был Сергей Миронович. Я уже раньше несколько раз слышал Кирова, но на этом собрании его выступление буквально потрясло

меня. Невозможно передать то чувство, которое охватило краснопутиловских большевиков, слушавших кировскую речь. С какой-то предельной ясностью увидели мы пропасть, в которую скатилась оппозиция и куда она с преступным упорством пыталась вовлечь всю партию. Громовая овация покрыла последние слова докладчика, в которых Киров призывал партию к единству на основе непримиримой борьбы с врагами трудящихся — оппозицией.

После речи Кирова Зиновьев неожиданно для всех потребовал слова для содоклада. Собрание встретило это требование столь враждебно, что Зиновьев счел нужным «мотивировать» свою просьбу. Ему, оказывается, мало установленных для выступлений в прениях 10 минут, ему нужно — минимум — 40 минут. Когда председатель сообщил, что Зиновьев требует 40 минут, партийное собрание весьма спокойно, но решительно предложило обанкротившемуся вожаку оппозиции подчиниться общему регламенту. Зиновьев упорно настаивал на своем. Тогда президиум поставил вопрос на голосование, и общее собрание постановило: дать Зиновьеву слово на общих основаниях. Приняв самый беззаботный вид, предатель поднялся на трибуну. Несомненно, в тот момент Зиновьев не понимал еще, что он не пользуется у рабочих никаким авторитетом и что его враждебная и антипартийная деятельность ясна для абсолютного большинства коммунистов. Поговорив десять минут, он непринужденно потребовал дать ему еще двадцать минут. Не вступая ни в какие споры, председатель поставил просьбу Зиновьева на голосование, и общее собрание весьма хладнокровно и единодушно постановило вновь: никаких исключений в принятом регламенте для Зиновьева не допускать.

Результаты голосования ошеломили Зиновьева. Не ожидая такого решения, он простоял несколько секунд недвижимо, точно прикованный к трибуне, потом сделал

шаг, остановился и затем, еле передвигая ноги, направился к своему месту. Он сидел, опустив на грудь лохматую голову, бессильно свесив руки. В продолжение всей этой сцены в зале господствовала гробовая тишина. Вид Зиновьева, глядящего на множество рук, голосовавших против продления ему времени, почему-то напомнил мне виденную еще в детстве картину в журнале «Нива». На этой картине художник изобразил Абдул-Гамида — турецкого султана-деспота — в тот момент, когда ему объявляют о его низвержении. Так бесславно кончилась одна из попыток оппозиции подменить ленинизм контрреволюционной зиновьевщиной.

Говоря о борьбе Сергея Мироновича с оппозицией, нельзя не вспомнить об одном знаменательном эпизоде, лишний раз показавшем изумительную политическую проницательность товарища Кирова. В дни десятилетия Великой пролетарской революции зиновьевские и троцкистские подонки вновь выползли на сцену. В торжественный день 7 ноября они попытались организовать антисоветскую демонстрацию. Перед всеми партийными организациями встал вопрос о новом сокрушительном отпоре продажным перерожденцам. И вот за четыре дня до открытия районной конференции тогдашний секретарь Московско-Нарвского райкома партии, ныне разоблаченный лютый враг народа, Кадацкий вдруг заявил, что бороться с оппозицией он не может. Все мы — члены бюро Московско-Нарвского райкома — были растеряны и потрясены такой антипартийной позицией секретаря. Узнав о нашей растерянности, Сергей Миронович позвал нас к себе на квартиру для беседы.

— Пусть вас не удивляет и не обескураживает поведение Кадацкого, — пояснил нам Киров. — Надо помнить, что Кадацкий принадлежит к тем типам рабочих-аристократов, от которых можно ожидать всяческих выпихов. А кроме того, — добавил Сергей Миронович, — Кадацкий постоянно якшается со Шляпниковым и это его

к добру не приведет. Я не очень удивлюсь, если в трудную для партии минуту он займет двурушническую, непартийную позицию.

В повседневной своей работе Киров неустанно на практике учил нас бдительности, предостерегал от огульного доверия к раскаявшимся оппозиционерам, к перекрасившимся мерзавцам. Помню случай, когда я работал заворгом Московско-Нарвского райкома партии. Нам понадобился секретарь партийного коллектива на фабрику «Скороход». Райком выдвинул кандидатуру некоего Соловьева, который был когда-то членом ЦКК и чуть ли не секретарем партийного коллектива на заводе «Большевик». Эти обстоятельства позволили нам довольно легкомысленно отнестись к тому факту, что Соловьев был активным сторонником оппозиции. Мы решили, что его публичное покаяние вполне позволяет нам направить Соловьева на ответственную партийную работу. В Горкоме партии нам сказали, что мы поступаем легкомысленно. Мы, однако, упорствовали. Нам вторично отказались утвердить Соловьева как партийного руководителя фабрики «Скороход». Тогда я поехал к Сергею Мироновичу с претензией, что нам не дают нужного партийного работника.

Товарищ Киров терпеливо, долго и подробно говорил со мной.

— Надо понимать,—сказал мне Сергей Миронович,— существо нынешних оппозиционных методов и приемов борьбы. Нам мало того, что они раскаялись на словах. Мы должны убедиться на их практической работе, что эти раскаяния заслуживают доверия, что они полностью отошли от оппозиции. И уже меньше всего должны мы направлять раскаявшихся зиновьевцев на партийную работу. Пусть они вначале поработают на хозяйственном фронте. Поэтому и Соловьева Горком вам не утвердит до тех пор, пока не будет вполне уверен в его искренности.

Эта беседа Кирова дала мне на всю жизнь единственно правильный ключ в подходе к оппозиционерам. Все последующие события подтвердили неоспоримую истину кировских слов. «Раскаявшиеся» когда-то зиновьевцы превратились впоследствии в наемных убийц, шпионов, диверсантов, в предателей нашей социалистической родины.

Я. М. КАРПУХИН
бывш. наборщик

ОН БОРОЛСЯ С ВРАГАМИ ПО-СТАЛИНСКИ

Уже в конце октября 1925 года, когда в Ленинграде начались районные партийные конференции, на нашем заводе имени Егорова стало известно о наметившихся разногласиях между тогдашней верхушкой ленинградского партийного руководства и всей партией во главе с ее Центральным Комитетом. Правда, эти сведения были пока что отрывочны, иногда противоречивы, и по ним еще трудно было догадаться о той преступной, предательской линии, на которую пыталась перетащить партию группа оппозиционеров, выродившихся впоследствии в банду наймитов иностранных разведок.

Картина разногласий стала довольно ясна во время губернской партийной конференции. Одновременно с ленинградской губернской конференцией работала московская, которая обратилась к ленинградской с письмом. Это письмо отчетливо расшифровало все разногласия и отвратительную роль Зиновьева.

Я в тот период работал мастером на заводе имени Егорова, был членом партии и вел активную пропагандистскую работу. Ознакомившись с письмом московской партконференции, я без всяких колебаний, открыто стал осуждать предательскую линию, занятую тогдашней вер-

хушкой ленинградского руководства. На заводе горячо дебатировались вопросы разногласий. Большинство товарищей уже тогда отшатнулось от гнилой платформы зиновьевцев и открыто осуждало ее.

С самого начала работы XIV съезда партии не только коммунисты, но и весь народ, все сознательные беспартийные с захватывающим вниманием следили за газетами, изучали материалы съезда, читали и вновь перечитывали доклад товарища Сталина.

Подобно грому среди ясного дня, ошарашил нас содоклад со стороны оппозиции. Самый факт — появление содоклада в противовес генеральному докладчику Сталину, олицетворявшему волю всей партии, — был неслыханным в истории партии.

Часть тогдашней оппозиционной ленинградской делегации еще до заключительного слова товарища Сталина сорвалась со съезда и приехала в Ленинград делать «доклады» о работе съезда. Такое собрание было и у нас на заводе. Докладчик — бывший секретарь коллектива — Абрамов всячески клеветал на съезд, возводя на ЦК чудовищные обвинения.

Как только в печати появилось заключительное слово товарища Сталина, многие колеблющиеся, действительно заблуждавшиеся коммунисты решительно отошли от оппозиции, поняв ее антипартийный характер. В тот же день мы организовали на заводе так называемую инициативную, цекистскую группу. Наша группа, выдерживая ожесточенные бои, с каждым днем крепла и разрасталась. Бюро коллектива, где засели зиновьевцы, пыталось заставить нас замолчать путем окриков и угроз. Нам выносили выговоры, грозили исключением из партии. И все же каждый день приносил нам новые победы, новых сторонников.

Наконец, наступил период, когда по решению съезда в Ленинград прибыли члены Политбюро и члены ЦК,

чтобы рассказать ленинградским коммунистам настоящую правду о съезде...

В течение всего этого времени я и председатель завкома тов. Александров тайком проносили на завод отпечатанные материалы съезда — доклад и заключительное слово товарища Сталина, выступления товарищей Молотова, Ворошилова, Кирова, Калинина. Все эти материалы зиновьевские заправилы всячески скрывали от партийных масс.

По заводам начались доклады членов ЦК об итогах съезда. Все мы с огромным нетерпением ждали приезда руководителей партии на наш завод. Наконец, этот день наступил. Оппозиционеры заволновались и, как всегда, решили пустить в ход «содокладчиков». Благодаря «хлопотам» местных оппозиционеров, к нам прибыли два таких «содокладчика»: Сафаров и Минин. Кроме них был направлен на наш завод наш бывший директор Левин, который в то время работал директором Путиловского завода.

До начала собрания оппозиционное бюро коллектива устроило совещание, пригласив на него Сафарова. К большому неудовольствию бюро, на это совещание пришли и мы — руководители цекистской инициативной группы. Там мы явились свидетелями того, как Сафаров и наши местные зиновьевцы, разводя отчаянную и бессовестную демагогию, «накачивали» актив, чтобы обеспечить поддержку гнилой линии ленинградской оппозиции.

Время, когда должно было начаться общее партийное собрание, уже наступило. Воспользовавшись этим, бюро коллектива открыло собрание, не ожидая приезда члена ЦК. Волнуясь, я вышел встречать запоздавшего докладчика ЦК. После нескольких минут ожидания я увидел приближавшегося ко мне невысокого плечистого человека. Я поспешил ему навстречу:

— Не вы ли докладчик?

— Я прислан ЦК докладчиком на ваш завод. Моя фамилия Киров.

Мне, как и всему партийному активу, известно было имя Кирова. Я знал, что Киров — старый работник нашей партии, что он работает на Кавказе. Однако, рядовые коммунисты-рабочие знали Кирова еще недостаточно. Между тем, момент был необычайно ответственным. От удачного выступления представителя ЦК зависел весь ход дальнейшей борьбы с зиновьевцами на нашем заводе. Не зная еще изумительного таланта Кирова-трибуна, я, тревожась за исход собрания, выпалил довольно решительно:

— Я боюсь, что Вы нам завалите все дело. Вас народ знает недостаточно, а на собрание к нам приехали такие зиновьевские «столпы», как Сафаров и Минин.

Киров на минуту задумался, потом похлопал меня по плечу и, ничуть не обидевшись, сказал:

— Может быть, вы и правы. Ну, пойдем вызывать докладчика...

Мы направились к главной конторе. Нужно было найти комнату, из которой можно было бы поговорить по телефону, не будучи никем услышанным. Я дернул дверь директорского кабинета — она оказалась закрытой. Открыть кабинет я не решился, так как директор был ярый оппозиционер и ему достаточно было малейшего предлога, чтобы избавиться от меня на заводе. Тогда я направился в соседнюю комнату главного бухгалтера. Там шло совещание с участием специалистов и главного инженера. Присутствие рядом со мной уверенной фигуры Кирова и ответственность момента придали мне смелости. Я вошел в комнату, где шло совещание, и весьма решительно предложил собравшимся поскорее очистить помещение. Присутствовавшие растерялись, — они решили, что с моей стороны это была просто глупая шутка. Но когда я повторил свое предложение, они

с недоуменным видом поднялись и молча разошлись. В комнате остались Киров и я. Сергей Миронович подошел к телефону и соединился с Европейской гостиницей, где тогда остановились приехавшие из Москвы члены Политбюро и ЦК. Киров вызвал Михаила Ивановича Калинина. В коротких словах Сергей Миронович посвятил Калинина в суть дела: на заводе собралась оппозиционная шатия, его, Кирова, на этом заводе знают недостаточно, необходимо, чтобы на таком собрании выступил член Политбюро.

Калинин ответил, что его ждут на Северной верфи.

— Сейчас я поговорю с Ворошиловым, — закончил разговор Калинин.

Я проводил Кирова на собрание. Он скромно уселся в задних рядах.

Приехал Ворошилов. Климент Ефремович строил свой доклад, базируясь на материалах съезда, подкрепляя свои выводы богатым фактическим материалом. Товарищ Ворошилов вскрыл основные разногласия ленинградской оппозиции с партией, доказал всю гибельность пути, на который толкала страну оппозиция.

Собравшиеся слушали товарища Ворошилова с большим вниманием, но группа оппозиционеров, по заданию своих вожаков, всячески пыталась сорвать выступление докладчика. Особенно отличалась кучка так называемых «зеленых» коммунистов (так мы именовали комсомольцев, ускоренно перед съездом принятых в партию заправилами ленинградской партийной организации). Эта часть членов партии позволяла себе прямо-таки антипартийные выходки. Всю эту шатию возглавлял тогдашний их организатор Подбелло, впоследствии выродившийся в стопроцентного бандита. Коммунисты пытались унять «зеленых», но это было чрезвычайно трудно: «зеленые» сидели в зале компактной массой и действовали сообща.

После доклада товарища Ворошилова выступил Сафаров. Это был обычный поток клеветы и дешевой демагогии.

К 11 часам вечера страсти разгорелись с необычайной силой. Выступление каждого оратора встречали криками и аплодисментами. Я заметил, что выступлениям сторонников ЦК аплодировали старые члены партии, выступлениям оппозиционеров — «зеленые» коммунисты и какие-то незнакомые нам люди. Позднее присутствие на закрытом партийном собрании этих никому не знакомых лиц объяснилось полностью. Чувствуя, что большинство рабочих-коммунистов нашего завода раскусило капитулянтскую сущность зиновьевцев, оппозиционное бюро привлекло к себе на помощь оппозиционеров с других заводов. Проделать этот жульнический маневр было для них не трудным делом, так как контроль за явкой коммунистов на собрание был всецело в руках оппозиционеров.

В самый разгар страстей выступил в прениях Сергей Миронович Киров. Его речь была не длинной: он не был докладчиком и не хотел нарушать регламента. И вот свершилось поистине какое-то чудо. После четырех-пяти фраз Кирова воцарилась тишина, давно уже незнакомая партийным собраниям этого бурного периода. Замолкли даже «зеленые» коммунисты и оппозиционные вожаки. Киров говорил таким проникающим в душу партийным языком, что даже самые отсталые коммунисты могли по его убедительно ясной речи легко понять, где правда.

Когда Киров закончил свою речь, бо́льшая часть собрания выразила свое одобрение громкими аплодисментами. Мы заметили при этом, что Кирову аплодировали также некоторые коммунисты, которые до сего времени были в рядах колеблющихся. Уже в этом коротеньком выступлении Сергей Миронович предстал перед нами, как блестящий большевистский оратор, трибун революции.

Партийное собрание нашего завода ознаменовалось также и выступлением Михаила Ивановича Калинина. Собрание встретило его очень тепло и слушало с большим вниманием. Тогда оппозиционеры пустились на провокацию. Придравшись к какой-то фразе товарища Калинина, местная оппозиционерка Кочуева закатила истерику с визгом, плачем и криками. Ей по мере своих сил помогал и Подбелло.

Собрание затянулось до половины пятого утра. Оно длилось двенадцать часов, но никто из присутствующих не ушел, не покинул собрания...

Резолюцию оппозиции читал оппозиционер Сусленко. Она начиналась с лицемерного заявления, что единство партии должно быть сохранено во что бы то ни стало.

Когда начали голосовать эту резолюцию, голоса разделились абсолютно поровну. И все же это разделение голосов дало нам твердую уверенность в скорой победе над зиновьевцами. Дело в том, что половина людей, голосовавших за нашу резолюцию, состояла из кадровых рабочих-коммунистов, прошедших длительную школу классовой борьбы, в то время как за оппозиционную резолюцию в большинстве своем голосовали «зеленые» коммунисты и привлеченные на это собрание люди со стороны.

Когда товарищи Ворошилов, Киров и Калинин направлялись к машине, «зеленые» неожиданно подхватили Климента Ефремовича на руки и понесли. Товарищ Ворошилов, усмехнувшись, сказал:

«Подождите, придете в армию, там мы из вас сделаем людей, настоящих большевиков. А если вы и в армии не исправитесь, — значит, дороги наши разойдутся навсегда».

И. СТЕРНИН
бывш. мастер
з-да имени рабочего Егорова

БОЛЬШЕВИСТСКОЕ СЛОВО

Я был в числе тех коммунистов, которые увидели Сергея Мироновича Кирова почти в первые же дни после его приезда в Ленинград. Это были напряженные послесъездовские дни, когда главари зиновьевской банды пытались сбить с ленинского пути нашу великую партию, стремились поставить под удар дальнейшую судьбу пролетарской революции.

Я работал тогда на заводе «Русский дизель». Выборгская сторона была коренным пролетарским районом Питера, и неудивительно поэтому, что первые же попытки оппозиционеров внести в партию раскол получили здесь резкий отпор.

В феврале 1926 года состоялась партийная конференция Выборгского района, на которой стоял вопрос о разногласиях на съезде. Вступительное слово перед открытием конференции делал Сергей Миронович Киров. Конференция встретила Кирова горячими аплодисментами. Мы не знали еще тогда всех изумительных качеств Мироныча, но уже по предшествующим его блестящим выступлениям против оголтелой банды зиновьевцев коммунисты почувствовали в его лице выдающегося деятеля нашей партии, непримиримого борца за великое дело Ленина — Сталина.

Киров взошел на трибуну в простом темном френче, в русских сапогах. Он отлично знал, что на конференцию пробрались одиночки из зиновьевских головорезов, и выступал прямо и резко. Сергей Миронович рассказал собравшимся о капитулянтской линии оппозиционеров, об их преступной деятельности против партии, о недопустимой раскольнической политике их на съезде.

— Мы призываем к единству, — говорил Мироныч, — но мы призываем к единству на одном незыблемом условии — полного и безоговорочного подчинения партийной дисциплине, искреннего и честного признания своих

ошибок. Партия не мстит, но мы будем решительно и беспощадно гнать из наших рядов трусливых капитулянтов, которые на радость всей белогвардейской мрази хотят внести раскол в нашу великую партию Ленина...

Эти слова Мироныча были покрыты громкими аплодисментами. Трудно сейчас вспомнить дословно выступление Сергея Мироновича. Одно только помнится твердо: после слов Кирова вся предательская работа оппозиции стала для нас, выборгских большевиков, настолько ясна, что нам противно было не только их слышать, но и видеть. Поэтому, когда один из подобных типов вышел на трибуну, мы зашумели, не желая слушать всем известную, опротивевшую нам «пластинку». Зиновьевец еще хорохорился. Он ждал, когда утихнет шум. Но поняв, что дождаться такого момента ему не удастся, он стал выкрикивать какие-то фразы. Сидевшие в первых рядах разобрали, что этот прохвост жалуется на «произвол»: ЦК партии снял некоторых вожаков-оппозиционеров с руководящей партийной и военной работы. Когда мы увидели эти крокодиловы слезы, наше терпение лопнуло. Со всех сторон понеслись крики:

— Погоди, всех вас вышибут!

— Правильно делают, что гонят!

— Мы вам больше не верим — вы обманщики!

— Долой его с трибуны, довольно мы наслушались зиновьевских прихвостней!

Зиновьевец смекнул, что никакая демагогия ему уже здесь не поможет. С видом оскорбленной невинности он сошел с трибуны и вскоре вообще исчез с конференции. Евдокимов, впоследствии разоблаченный как злейший враг народа, присутствовал на этой конференции, но после выступления Кирова не решился даже попросить слова. Он, очевидно, понял, что ясные, правдивые слова Кирова неизгладимо запечатлелись в нашем сознании и что все ухищрения предателей будут безрезультатны.

Он повертелся некоторое время в коридоре и тоже исчез.

Мы обменивались впечатлениями о Сергее Мироновиче.

— Вот это руководитель, — говорили участники конференции, — что ни слово, то удар по черепу зиновьевских прохвостов!

Второй раз я встретил Сергея Мироновича в Детском Селе (ныне город Пушкин), на первом выпуске курсантов Дома партийного просвещения. Это было 26 мая 1928 года.

У всех нас, кончающих учебу, было приподнятое настроение.

Этот выпуск давал нашей партии 257 большевиков, овладевших основами марксистско-ленинской теории. Трудно передать нашу радость, когда мы узнали, что наш выпуск будет приветствовать вождь ленинградских большевиков товарищ Киров. За 10—15 минут до торжественного заседания все выпускники были уже в зале. Нескончаемыми аплодисментами встретили мы Мироныча. Он стоял на трибуне — коренастый, широкоплечий и оглядывал нас веселыми глазами.

Наши аплодисменты продолжались бы, по всей вероятности, еще очень долго, если бы не страстное желание услышать поскорее слова Кирова. И вот Киров заговорил.

— Дом Партийного просвещения, — сказал Сергей Миронович, — со своей задачей справился. Он дал теоретическую подготовку партийным кадрам, имеющим неоценимый практический опыт трех русских революций. Теперь эти товарищи, получив и теоретические познания, имеют полное право считать себя в первых рядах бойцов за большевизм.

Оценив так высоко значение Дома партийного просвещения, Сергей Миронович тут же предупредил нас о вреде всякой самоуспокоенности. Он потребовал са-

мокритического отношения к своей работе, к своим познаниям и несколько раз подчеркнул, что приобретенные нами познания — это лишь начало очень серьезной и упорной работы над собой.

— Только тот имеет надежду что-нибудь хорошо познать, кто работает над собой постоянно и повседневно. Так работали Маркс, Энгельс, Ленин. Так работает Сталин.

Эти заключительные слова Кирова я запомнил навсегда. Никогда не забуду я и тех нескольких фраз, которые Киров сказал в этот вечер лично мне.

Товарищи избрали меня в президиум, и на торжественном заседании я оказался рядом с Сергеем Мироновичем. Для президиума была поставлена обычная скамья, а сидеть на ней должны были 9 человек. Мироныч слегка потеснился и сказал мне:

— Двигайся, старина, сюда, а то другим некуда будет сесть.

А дальше у нас произошел такой разговор.

— Ну, старина, — спрашивает меня Мироныч, — какое на тебя впечатление произвела учеба? От молодых не отставал? Не жалеешь, что пошел учиться? (Мне было тогда 55 лет, и я был в этом выпуске старше всех).

— Не только не жалею, а готов еще учиться, — отвечаю я Миронычу. — Я пережил три революции, кое-что практически в классовой борьбе смекаю, а теоретически, откровенно признаюсь, мало что до сих пор понимал. Эта учеба принесла мне огромную пользу, да и другим товарищам тоже. Только многие наши молодые ребята прятались от методики работы над книгой.

— Прятались? — переспросил Киров. — Это скверно. Очень плохо. Ведь понял же ты, что даже тому, кто прошел три революции, необходима кропотливая учеба. А о молодых и говорить нечего, им надо многому учиться с азов.

Киров замолчал, а потом шопотом, чтобы не мешать докладчику, сказал мне улыбаясь:

— Ты только не воображай, что теперь тебе и учиться больше нечему. Обязательно продолжай свою политическую учебу. Не ленись над собой работать.

После торжественного заседания состоялся товарищеский обед. В простой черной косоворотке, в русских сапогах, Киров ничем не выделялся — ни по своей одежде, ни по своему поведению. Он все время шутил за обедом, рассказывал много смешных историй, безустали разговаривал с соседями. Такого веселого обеда я за всю свою долгую жизнь ни разу не видал. Со всех концов стола к Миронычу неслись вопросы. То и дело было слышно:

— Сергей Миронович! Товарищ Киров! Мироныч!

И Киров успевал всем отвечать. Каждый его ответ даже на самый простой, с первого взгляда, вопрос открывал нам глаза на очень многое. Можно сказать, что за этим обедом мы усвоили некоторые вопросы лучше и глубже, чем на лекциях кое-каких «прославленных» теоретиков. Беседа с товарищем Кировым за обедом оставила во мне настолько неизгладимое впечатление, что когда я попал в Дом партийного просвещения второй раз, я всегда старался заниматься по вечерам в том самом кабинете, где раньше была столовая и где мы обедали с Сергеем Мироновичем.

После этого я неоднократно видел товарища Кирова на многих городских и районных партийных активах и конференциях...

На одном из таких собраний кто-то задал Миронычу вопрос: кого считать аккуратным плательщиком партийных членских взносов? Отлично помню ответ Мироныча.

— Аккуратным плательщиком, — сказал товарищ Киров, — надо считать такого коммуниста, который вносит партийный взнос за прошедший месяц в первую получку текущего месяца.

Это определение Кирова мне очень пригодилось. Я долгое время работал сборщиком партийных взносов. И, как всегда, находились отдельные коммунисты, которые платили взносы очень неаккуратно. Ссылаются на разные «объективные» причины, начнут говорить про квартплату, про кассу взаимопомощи, про детишек. Выслушаешь, бывало, все их объяснения, а потом и скажешь вдруг:

— А ты знаешь, что Мироныч говорил, когда должен коммунист вносить членский взнос?

— Когда?

Тут-то я ему и приводил слова Кирова об аккуратном плательщике. И что самое поразительное: не было у меня ни одного случая, чтобы, узнав об этих словах Мироныча, кто-нибудь из коммунистов отказался заплатить очередной взнос. Вот какое действие имели слова Мироныча!

П. А. КОЧЕРГИН
инспектор по оборудованию
на з-де „Светлана"

„Сергей Миронович во главе организации ринулся в бой за восстановление, за реконструкцию и дальнейшее развитие ленинградской промышленности. Сейчас ленинградская промышленность представляет собою могучее оружие, которое в руках партии помогает всей нашей стране овладевать новой техникой. Ленинградская промышленность является одним из самых передовых отрядов социалистической индустрии — она дает новую технику, дает технические кадры для всей страны. И это есть дело Кирова! Именно он поднял и двинул вперед ленинградскую промышленность, вникая в каждую деталь, в каждую мелочь. Именно он добился того, что ленинградская промышленность заняла то место, которое она занимает сейчас в деле социалистической реконструкции народного хозяйства".

А. А. ЖДАНОВ

НАШ МИРОНЫЧ

В дни самой напряженной борьбы с врагами партии, товарищ Киров ни на минуту не забывал об огромном значении ленинградской промышленности, которая по решению ЦК партии должна была сыграть большую роль в деле индустриализации страны.

В апреле 1926 года Сергей Миронович выступил на VIII губернском съезде ленинградских металлистов. Прошло совсем немного времени с момента появления Мироныча в Ленинграде, но металлисты многочисленных заводов города Ленина успели горячо полюбить этого невысокого коренастого человека, неожиданно появлявшегося в цехах, на рабочих собраниях, на митингах в обеденные перерывы. И вот металлисты с огромным нетерпением ожидали появления на трибуне знакомой фигуры Мироныча.

Выступлению товарища Кирова металлисты придавали особое значение еще и потому, что за последние месяцы подлые зиновьевцы начали распускать новые провокационные слухи. Агенты Зиновьева и Каменева демагогически кричали на всех перекрестках, что «Московский ЦК» не ставит ни в грош ленинградский пролетариат и обрек ленинградскую промышленность на запустение и консервацию. Эту контрреволюционную ложь Киров разоблачил с трибуны съезда металлистов. Обрисовав общие задачи народного хозяйства страны на ближайшие годы, Сергей Миронович перешел к характеристике той роли, которую должна была сыграть ленинградская промышленность в индустриализации всей страны. Напряжение делегатов съезда достигло наивысшего предела.

И когда Мироныч сказал, что в момент перевода нашей страны на рельсы индустриализации ленинградская промышленность имеет все права, и исторические и фактические, занять исключительное место, — всем нам, старым рабочим, стало сразу легко и радостно.

Вот она, где правда, — подумали мы. — Врут эти чертовы путаники — оппозиционеры!

А Мироныч, прохаживаясь вдоль рампы, бросал в залу долгожданные слова:

— Вся наша партия, — гремел голос Сергея Мироновича, — а вместе с нею и весь рабочий класс сосредоточат исключительное внимание на ленинградских заводах, на ленинградских фабриках! Это, несомненно, самый кратчайший путь, при котором мы добьемся производства средств производства.

Так сказал нам Мироныч на нашем съезде. Эта простая и страстная речь запомнилась так, точно она была произнесена вчера. Делегаты ушли со съезда, полные энергии и стремления отдать все силы на благо любимой родины. И надо сказать, что после этого съезда зиновьевцы основательно побаивались начинать в цехах разговоры о «забвении ленинградской промышленности».

Вскоре пролетариат города Ленина убедился воочию в том, что у Кирова слово никогда не расходится с делом. Было просто непостижимо, как этот человек успевал повсюду бывать, за всем следить, быть всегда в курсе всех заводских дел и событий.

...Редкий день проходил без того, чтобы рабочие какого-либо завода Ленинграда не встретили в цехах руководителя ленинградских большевиков. Ночью у директора завода или секретаря заводского парткома звонил телефон: это Киров требовал сведений о ходе работ, о выполнении ответственных заданий. Заводы «Красный Путиловец», металлический завод имени Сталина, «Электросила», завод имени К. Маркса, «Большевик», «Крас-

ный Треугольник» и другие заводы-гиганты знали, что все их ответственные работы находятся под неусыпным надзором Сергея Мироновича.

В 1926 году «Красный Путиловец» получил ответственнейшее задание: освоить абсолютно новое для советской промышленности серийное производство тракторов „Фордзон-путиловский". Нелегкое это было дело. Опыта у нас никакого не было, на освоение каждой мелочи приходилось тратить уйму сил. А тут еще — другое серьезное препятствие: техническое руководство завода оказалось злостным подпевалой оппозиции. Под шумок, чтобы не вызвать подозрение, технические руководители всячески старались внушить рабочим, что самим нам с такой задачей не справиться, что нужно итти на поклон к Форду.

Но происки врагов не увенчались успехом. Недаром Мироныч бывал в этот период на нашем заводе почти каждый день. Киров сразу же понял контрреволюционный смысл такой агитации. Все оппортунистическое руководство на заводе было смещено.

— Довольно нам фордов, — говорил Сергей Миронович путиловским рабочим. — Учиться мы готовы хоть у самого чорта, если эта учеба идет на пользу социалистическому строительству. Но кто утверждает, что победивший пролетариат никогда ничему на сможет научиться, ничего не сможет освоить, — тот дурак или враг. А когда народ строит социализм — ни дуракам, ни врагам ходу на этой стройке давать нельзя!

И тут же Мироныч рассказывал нам о всем величии, всей грандиозности нашей задачи — выпустить за год 12 тысяч тракторов.

— Это будут изумительные посланцы города в деревню. Сотни тысяч крестьян на деле почувствуют великую помощь города в преобразовании отсталой деревни. Дело не только в том, что трактор сразу же увеличит урожай, но и в том, что трактор изменит психологию и

культуру всей нашей деревни. С трактором мужик наплюет и на Николу-чудотворца, да и про Ильин день забудет. Вот как обстоит дело.

И заканчивал Сергей Миронович такие беседы очень хорошо и памятно:

— Не знаю, — говорил Мироныч, — как технически, но по-коммунистически это может и должно быть сделано!

И это было сделано. Трудно передать, с какой энергией и энтузиазмом боролись рабочие-путиловцы за выполнение кировского задания. На наших глазах уходили в область предания старые, допотопные методы работы, неузнаваемо менялись запущенные цеха завода.

В мае 1926 года Сергей Миронович сказал, что Путиловскому заводу нужно реорганизовать мастерские, установить новые станки и машины.

— А то в некоторых мастерских, — говорил Киров, — днем ночь и ночью ночь. Такая там темень, точно у нас и революции не было.

Потрудились мы над тракторами не мало. А как только у нас что «заест» — Мироныч уж тут. И уж коли заметит, что у кого-нибудь из мастеров или рабочих появилось сомнение или кто-либо пасует перед трудностями — ни за что не уедет, пока не добьется перелома. Он и от партийных, и от профсоюзных организаций, и от дирекции требовал, чтобы рабочие не просто выполняли заказ, не просто собирали машину, а чтобы обязательно знали детально, куда этот заказ пойдет, каково его политическое и хозяйственное значение. Так было, конечно, и с тракторостроением. В один из приездов к нам Мироныч объяснял:

— Государственное это дело — трактора. Ведь это основная база для переделки нашей отсталой деревни. Будут у нас сельскохозяйственные машины — стащим мы советскую деревню с дедовских обычаев на рельсы коллективизации. Это во-первых и самое главное. И о вто-

ром помнить надо: осваивая тракторное производство, мы одновременно технически перевооружим завод. А это — тоже наша внеочередная большевистская задача.

Так рассказывал нам Мироныч, наш заботливый учитель и друг, о каждом новом серьезном задании. И нет поэтому ничего удивительного, что наш большевистский завод с честью справился с тракторостроением, с переоборудованием завода.

Прошло немного времени, всего около двух лет, а деревня наша стала уже неузнаваемой. Все в ней начало меняться, требования ее росли. И вот однажды товарищ Киров сообщил нашей партийной организации, нашим руководителям, что страна требует от завода выпуска пропашников.

— В кратчайший срок надо переключиться и освоить это производство, — предупреждал Мироныч. — Страна наша торопится расти, и нет у нее времени на ожидания.

Нелегкое это было дело — выпуск пропашников. До всего приходилось доходить своей смекалкой. Наши инженеры разрабатывали проекты и технологические процессы, мастера подготовляли инструментарий и обучали рабочих.

О всех наших трудностях Мироныч знал от рабочих, мастеров, инженеров, с которыми у него всегда была дружеская, тесная связь. Подбодрял он нас частенько, но скидки на трудности не давал. К апрелю 1932 года мы должны были сдать первую сотню пропашников, однако выполнить этой программы мы не сумели. Мироныч, как всегда в таких случаях, заявился в цеха. Что говорить— каждый приезд Сергея Мироныча превращался для нас в радостный праздник. Все мы тянулись к нему, как зелень к солнцу. А только на этот раз тяжело было у нас на сердце, — стыдились мы посмотреть в глаза нашему лучшему другу. Не оправдали мы его доверия.

От Мироныча не укрылась никакая мелочь. Да и не

любил он это слово — «мелочь». Он знал, что в производстве «мелочь» может иной раз решить судьбу важного дела. Прежде всего он обратил свое внимание на станки и сразу же обнаружил, что они работают далеко не в полную нагрузку. Попало тут нам не мало. Ругал он нас за это безобразие без всякого снисхождения.

— Плохо вы все до конца продумали, — говорил товарищ Киров. — Сами вы работаете до пота, а станки «прогуливают». Не сумели все до конца предвидеть. Долго раскачивались, ходили все вокруг да усики покручивали...

И за «мелочи» досталось. Взял он одну деталь для пропашника, осмотрел внимательно, даже во внутрь ее заглянул.

— Вы американскую отливку видели?

— Видели...

— По внешности ваша отливка не хуже. Хорошая, аккуратная работа. А только почему в вашей отливке такие толстые стенки? Американцы это делают гораздо экономнее. А мы тем более обязаны беречь металл. Стране нужна уйма металла. А такая отливка — расточительство.

После этой беседы «нажали» мы как следует на станки, на рационализацию, на организацию труда, и дело у нас пошло. Однако трудностей еще было немало, новое производство осваивалось с большим напряжением, и товарищ Киров неослабно продолжал держать под своим наблюдением производство пропашников.

Однажды, в мае 1934 года, Сергей Миронович долго ходил по нашему цеху. Он беседовал с бригадирами, мастерами, рабочими, начальником цеха о выпуске тракторов-пропашников. Мироныч внимательно присматривался к работе конвейера на сборке, и ни одна мелочь не ускользнула от его зоркого глаза.

— Ну, как идет работа? — спросил Сергей Миронович начальника первого механосборочного цеха.

— Туго что-то, Сергей Миронович, плохо почему-то получается, — ответил мастер.

— Плохо получается, — повторил Мироныч слова начальника, — а по-моему, — обратился он к окружившим его рабочим и бригадирам, — у вас в цеху недостаточно еще понимают, что такое пропашник. Вот эта машина, — указал Киров на собранный трактор, — не просто пропашник. Это, товарищи, политика партии. А на этом конвейере вы осуществляете политику партии. Растолкуйте всем связанным с производством пропашника рабочим, что пропашник, посланный вами в Среднюю Азию, — это больше хлопка. Больше хлопка — это больше мануфактуры. Больше мануфактуры — это больше белья, рубах, простынь, платков — это больше зажиточных рабочих и колхозников. Вот когда вы все это разъясните по-настоящему, по-большевистски, вот тогда и дело у вас пойдет по-большевистски, по-сталински.

И дело у нас пошло, пошло так, как требовал этого Сергей Миронович. Наши отечественные пропашники бороздят теперь необъятные поля РСФСР, Украины, Таджикистана, Узбекистана, Туркмении, Кара-Калпакии. И на всех этих великолепных машинах красуется имя нашего любимого Кирова.

Много заказов поручали выполнять краснопутиловцам партия и правительство.

На январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1933 году было вынесено решение об изготовлении запасных тракторных частей. С пленума Сергей Миронович вернулся 2 февраля и, не заезжая ни домой, ни в Смольный, явился прямо в цеха тракторного завода. Самым тугим местом нашей тогдашней программы было производство поршневых колец. Нужно было за февраль и март дать их 300 тысяч, а мы еле-еле справлялись с 60 тысячами в месяц.

Мироныч сразу же прошел на участок, где изготовлялись поршневые кольца. Он молча шел по всей ли-

нии, подолгу останавливался у какого-нибудь станка и, не отрываясь, следил за его работой. Пройдя всю линию, Мироныч спросил руководителя:

— Выполните план?

— Не осилим, Сергей Миронович.

Мироныч нахмурился:

— Коли так будете работать — ясно, не осилите. А план надо выполнить. Проверьте свои резервы. Сосредоточьте все внимание цеха на этом боевом задании. Если тормозят какие-нибудь иные задания — перебросьте их на другие участки.

И, как всегда, Мироныч раскрыл перед всеми собравшимися политическое значение этого дела.

— Не подготовились вы к новому заданию, товарищи, — сказал Киров, — да и мощности своего оборудования не изучили как следует. А знаете вы, что такое запасные части? Это окончательный удар по кулаку, это значит — дать снова жизнь десяткам тысяч тракторов, выпущенных вами.

А потом он негромко, как-то так задушевно добавил:

— Знаете, товарищи, ведь я дал слово Политбюро и правительству, что Ленинград выполнит программу по запчастям.

Мироныч дал слово! А ведь это значило, что он поручился за нас перед Сталиным. Этого было достаточно, чтобы мы взялись за дело с удесятеренной энергией. И мы не подвели Сергея Мироновича. Не пришлось ему краснеть за нас. 28 марта — досрочно — наши краснопутиловцы сдали все 300 тысяч поршневых колец.

Мироныч знал в лицо и по фамилии сотни путиловцев, а уж про ведущих инженеров и конструкторов и говорить не приходится.

Сергей Миронович разбирался в таких специальных тонкостях и деталях, ссылался на такие технические

труды, о которых наши инженеры и знали-то только по наслышке.

Мироныч изо дня в день учил нас работать по-сталински. Каждый его приезд, каждая его беседа ознаменовывалась новыми производственными победами, новым подъемом социалистического соревнования и ударничества.

Для нас, краснопутиловцев, Киров был отцом и самым близким товарищем. Сотни рабочих могли бы рассказать, как Мироныч приходил им на помощь в трудную минуту жизни, отправлял лечиться, улаживал жилищные дела, помогал получить пенсию, устраивал на работу, командировывал в вузы, промакадемию и т. п. Рабочие нашего завода с гордостью носят имя человека, который был одним из ближайших соратников и учеников великого Сталина.

А. Д. МОИСЕЕВА, орденоносец
и М. Г. СКОРОХОД
рабочие Кировского з-да

ТРИБУН РЕВОЛЮЦИИ

С товарищем Кировым я встретился на V областной и II городской ленинградской партийной конференции. Это было 17 января 1934 года. Я сидел в президиуме, невдалеке от Мироныча и с нетерпением ждал, когда он выступит. Никогда еще мне не приходилось слышать Сергея Мироновича, но от моих товарищей — рабочих завода имени Сталина — я знал, что Киров — один из лучших большевистских ораторов!

И вот — на трибуне Киров. Трудно сейчас передать, что в этот момент делалось в зале и президиуме конференции. Это надо видеть и пережить самому. Ленинградские большевики стоя приветствовали своего руко-

водителя, любимца партии, любимца Сталина. Крики: «да здравствует товарищ Киров!», «да здравствует сталинский ЦК!», заглушались громовыми и несмолкаемыми аплодисментами. В течение нескольких минут Мироныч не мог произнести ни одного слова. Он поднимал вверх руку, всячески пытался успокоить нас, но все было напрасно: в зале бушевала овация и каждый из нас выражал, как умел, свою любовь и уважение к соратнику великого Сталина.

Наконец, Кирову удалось произнести первое слово, великое слово революции: «товарищи!»..., и сразу же в зале воцарилась тишина. Стало так тихо, точно во всем зале был единственный человек — на трибуне. Все наши взоры, наш слух устремились к Кирову. Сергей Миронович говорил без всякого напряжения: ровно, спокойно, просто. Он сошел с трибуны и, прохаживаясь вдоль президиума, рассказывал ленинградским большевикам о великих победах нашей страны.

— Когда-то, — говорил Киров, — Маркс писал, что призрак коммунизма бродит по Европе. Ныне же коммунизм не призрак, а могучая сила, и эта сила нашла свое воплощение в СССР — цитадели мировой революции.

Киров приводил в своем докладе много цифр. Но он знал какой-то «секрет»: его цифры звучали по-необычному, они оживали, приобретали плоть и кровь. Впервые из доклада Кирова я отчетливо и ясно представил себе весь победоносный ход социалистического строительства, все те огромные достижения, которые иногда не замечаешь на фоне повседневной жизни...

— А ведь всего несколько лет назад, — гремел голос Кирова, — троцкисты и правые оппортунисты — Рыков, Томский, Бухарин, Угланов и другие — пророчили нам гибель и позорный провал нашей пятилетки. Буржуазные перерожденцы, поганенькие капитулянты обви-

няли нас в том, что мы изменили ленинизму и марксизму.

— Камня на камне не осталось от этих пророчеств. Сейчас они пишут покаянные статьи, они заявляют о торжестве генеральной линии партии, они каются в своих ошибках...

Великое презрение, ненависть и гнев звучали в этих словах Мироныча. Он ясно видел, что покаяние этих мерзавцев не стоит ломаного гроша. Но он, как и весь наш народ, вся наша партия, не мог предполагать и тысячной доли всех преступлений, всей мерзости души этих бандитов, от подлой руки которых он пал в том же году.

Доклад товарища Кирова часто прерывался аплодисментами конференции. Я заметил, что когда после какого-нибудь меткого и язвительного кировского замечания весь зал громко смеялся, Мироныч не выдерживал и широко, весело улыбался сам...

Киров подробно рассказал конференции о гигантской роли товарища Сталина во всех наших исторических победах.

— С тех пор, как мы работаем без Ленина, — говорил Киров, — все повороты в нашей работе, все сколько-нибудь крупные начинания, лозунги — все это делается по инициативе товарища Сталина. Товарища Сталина, — сообщал нам Мироныч, — интересуют не только большие вопросы, но и третьестепенные и даже десятистепенные вопросы.

Бурные аплодисменты прервали слова Кирова, когда он сказал, что всеми успехами по обороне нашей страны советский народ целиком обязан Сталину. Когда Киров окончил свой доклад, все участники конференции, как один человек, поднялись со своих мест. Стены старинного дворца дрожали от оваций и восторженных возгласов. Кто-то запел «Интернационал», его сразу же под-

хватили все делегаты и пропели этот родной нам, пролетарский гимн с необычайным вдохновением. Он звучал после доклада Кирова, как итог легендарных побед советского народа, как призыв к борьбе за счастье и радость всего человечества...

После доклада Кирова начались прения. Но я был слишком взволнован словами Кирова и вышел в соседнюю комнату. Я стоял, прислонившись к стене, курил, думал о слышанном и не заметил, как кто-то подошел ко мне. Вдруг я почувствовал на своем плече чью-то руку:

— Наверное, старый питерский рабочий?

Передо мной стоял Киров. Я растерялся от неожиданности, но потом, оправившись от смущения, ответил, что работаю с 1882 года.

— Почтенный стаж, — заметил Сергей Миронович. — А сейчас где работаете, папаша?

— Сейчас на заводе Сталина.

— И давно на этом заводе?

— С 1893 года.

— Ого! — улыбнулся Мироныч. — Порядочно!

Расспросил он меня о делах в цеху, а потом поинтересовался:

— Расскажи, товарищ Сихвонен, как тебе в старое время работалось.

Я рассказал Сергею Мироновичу, как работал на Охтенской бумагопрядильной фабрике.

— Начал я мыкать там горе с 13 лет. Работа начиналась с 5 часов утра и кончалась в 8 часов вечера.

Покачал Мироныч головой:

— Ну, а сколько же за такую каторгу платили?

— Платили, — говорю, — сначала 20 копеек в день, а потом, как несколько лет проработал, стал получать 45 копеек.

Рассмеялся Мироныч невесело:

— Жирно платили. Поди, рабочие не знали, куда и деньги девать...

А потом стал расспрашивать, какая у меня семья, где работают дети, что старуха делает. И так это он все умел спросить, что видно было — не ради простого любопытства интересуется, а нужно ему все знать для нашего общего дела.

Не знаю, долго ли еще продолжалась бы наша беседа. Кто-то прервал ее — позвал Мироныча в президиум. Пожал мне Киров на прощанье руку, обернулся в дверях и приветливо сказал:

— Встретимся еще, папаша, у тебя в цеху!

В. Я. СИХВОНЕН
рабочий металлического з-да
-втуза имени Сталина

НА НЕВДУБСТРОЕ

С первых же дней своего приезда в Ленинград много внимания уделял товарищ Киров металлическому заводу имени Сталина. В декабре 1926 года, выступая на партийной конференции Московско-Нарвского района, Сергей Миронович сказал:

— Завод имени Сталина успешно осваивает новую для нашей промышленности постройку мощных паровых турбин.

Когда мы на заводе читали эти строки из доклада товарища Кирова, каждый из нас думал: «Осваиваем и освоим. Да и как не освоить, если Мироныч так много внимания отдает нашему заводу».

Не раз и не два бывал Сергей Миронович на нашем заводе. Инженеры, мастера, сотни рабочих много раз встречались и беседовали в цехах с руководителем большевиков города Ленина.

Отлично помню встречу с Сергеем Мироновичем на Невдубстрое. Это было в 1932 году. Я руководил рабо-

той по монтажу первой дубровской турбины, мощностью в 50 тысяч киловатт. Сергей Миронович приехал на Невдубстрой, чтобы самому ознакомиться со всеми деталями строительства.

Товарищ Киров подходил к рабочим и заводил с ними разговор об их жизни и работе.

— Ну, каково вам здесь живется? Какие неудобства и трудности?

Вскоре Киров дошел и до меня:

— Ты монтируешь турбину?

Как только я увидел, что ко мне подходит Мироныч, я почему-то заволновался. Но Киров задавал свои вопросы так просто и так деловито, что я сразу же почувствовал: со мной говорит не только один из виднейших руководителей партии, но и товарищ, который болеет душой за мою работу, как и я сам.

С большим знанием всех тонкостей дела расспрашивал меня Мироныч о деталях монтажа, а напоследок поинтересовался:

— А как думаешь, товарищ Тимофеев, хорошо будет работать турбина?

— Думаю, что хорошо, — ответил я Сергею Мироновичу.

Киров был самым близким человеком, у которого можно было получить во всех случаях поддержку и совет. Его посещения Невдубстроя, разговоры строителей с Кировым по прямому проводу и поездки к нему за поддержкой — все это облегчало нашу задачу. Мироныч абсолютно не считался с своим временем, лишь бы скорее дать ленинградской промышленности ток в 100 тысяч киловатт.

Никогда не забуду я одного дня. Первая наша турбина в 10 тысяч киловатт была уже на стенде. Я проводил тогда на заводе все дни до поздней ночи. И вот, часов в одиннадцать вечера, вдруг зовет меня подручный.

— Что такое? — спрашиваю. — Кому вдруг ночью понадобился?

— Идите, Николаич, к турбине, — говорит подручный. — Товарищ Киров ее уже рассматривает.

Бросился я к турбине. А Мироныч уже влез на турбину и трубкой, как доктор больного, стал тщательно ее прослушивать.

Я, конечно, глаз с Мироныча не спускал. По лицу его хотел узнать — доволен ли он или нашел какие-нибудь грехи.

Слез товарищ Киров с турбины довольный, улыбающийся.

— Ну, товарищ Тимофеев, — говорит Мироныч, — долго ли строили эту игрушечку?

Ответил я Кирову, а сам думаю: «Да ты, Мироныч, лучше меня знаешь, сколько ее строили».

— А куда будете отправлять турбину-то? — опять спрашивает Мироныч.

Очень интересовался он всеми подробностями испытания, долго расспрашивал, какие в турбине детали, какие усовершенствования в дальнейшем думаем ввести в это дело.

Очень прост был Мироныч. Много смеялся, шутил.

Не забывал товарищ Киров наш завод, частенько наезжал в цеха и всегда неожиданно, никого не предупреждая о своем приезде. Со мной уж разговаривал, как со старым знакомым, тепло, по-товарищески.

Спросит, бывало:

— Ну, мастер, давай — выкладывай, чего тебе нехватает, с чем подзатерло.

Отвечаешь ему, бывало:

— С патрубками, мол, плохо, да и с клапанами беда.

Мироныч сейчас в карман, за книжечку: была у него такая специальная книжечка, красненькая. Запишет в книжечку, и уже можешь быть спокоен, что через день-другой детали появятся, словно из-под земли.

И вот что интересно: умел как-то Мироныч незаметно перевести разговор о нашем заводе на другие заводы Советского Союза, на новостройки. И каждый рабочий начинал сразу понимать, что турбину, которую мы строим, ждут с нетерпением многие тысячи людей, что эта турбина сослужит великую службу всему нашему народу.

Особенно много заботился Сергей Миронович о нуждах Невдубстроя. И, когда станция была построена, все рабочие единогласно, от души заявили о своем желании, чтобы станции было присвоено имя товарища Кирова.

С. Н. ТИМОФЕЕВ,
старший монтажный мастер
з-да имени Сталина

ИЗ КУСТАРНОЙ МАСТЕРСКОЙ В ГИГАНТ МИРОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

Заграничные приборы и машины Мироныч частенько похваливал, а только считал, что нам свои машины и приборы надо делать, а не выписывать их из-за границы.

— Раз капиталисты могут делать, то уж нам-то сам «бог» велел освоить любое производство, — говорил Сергей Миронович.

И, конечно, если бы не приезд в Ленинград Сергея Мироновича, наш завод еще долгое время плелся бы в хвосте заграничной оптики. Теперь-то для нас ясно, что оппозиция, которая пуще смерти боялась побед социализма, умышленно не давала возможности нашему заводу избавиться от иностранной зависимости, от разных иностранных фирм. Не малые денежки получили зарубежные капиталисты по милости преступной политики предателей-зиновьевцев.

До приезда товарища Кирова ни о каком самостоятельном производстве на нашем заводе и речи не было.

А то, что выпускали, выпускали медленно, с опаской. Счет продукции вели не на тысячи, а на сотни, если не на десятки.

Сергей Миронович это дело круто повернул. В скором времени мы могли уже кое-чем похвастать и «утереть нос» иностранным капиталистам. Рабочие освоили киноаппарат ТОМП-4, кинопередвижку ГОЗ, фотоаппарат 9×12, бинокль 6×30 и еще кое-какие сложные виды оптического производства.

Однако, развернуться в своей работе как следует мы еще не могли. Мешала старая административная структура. Дело в том, что мы находились в системе «Союзкино». А некоторые чиновники из «Союзкино» смотрели на нас, как на пасынков, и всячески тормозили нашу работу под предлогом, что мы обслуживаем не только их, но и ряд других областей промышленности. Долгое время занимались мы всяческой перепиской, заседали, совещались — ничего не помогало. Очевидно, кое-кому из заправил «Союзкино» было не по нутру, чтобы ленинградский завод стал на собственные ноги.

Тогда наша партийная организация решила рассказать все подробно Сергею Мироновичу и просить его помощи. Послали к Кирову своего представителя. Сергей Миронович выслушал нашу жалобу, подробно обо всем расспросил, записал что-то в блок-нот и вдруг сказал:

— Завтра я еду в Москву, к Серго Орджоникидзе. Пусть ваш представитель захватит соответствующие материалы и едет со мной. По-моему, вы правы насчет структуры: оптическое дело — это не только «киношное дело».

Отправился наш делегат в Москву. Явился к товарищу Орджоникидзе, а Мироныч уже там. Киров сам все рассказал товарищу Серго и заодно пожаловался, что работники ВСНХ мало помогают нашему заводу.

И товарищ Серго и товарищ Киров никогда не откладывали решений в долгий ящик. После небольшого

совещания тут же постановили: выделить оптическую промышленность из системы «Союзкино» в самостоятельную административную организацию под названием ВОМП.

Эта неоценимая и мгновенная помощь Мироныча сразу же развязала нам руки. Планы наши заметно увеличились, началась большевистская борьба за освоение новых видов продукции.

В 1932 году, без всяких предупреждений, мы вдруг увидели на заводе Сергея Мироновича и товарища Серго. Они ходили из цеха в цех, от станка к станку; они подолгу рассматривали кинопроекционные аппараты и некоторые агрегаты, сравнивали их с иностранными, детально расспрашивали мастеров об освоении звуковой аппаратуры.

Всем известно, что когда Мироныч приезжал на завод или беседовал где-нибудь с рабочими, он интересовался не только одной техникой. И сейчас, расспросив все о производстве, Киров сразу же перевел разговор на быт, на материальное обеспечение. Спросил, сколько вырабатывает квалифицированный рабочий, какой оклад у мастера, какая система зарплаты у инженеров. У некоторых рабочих Мироныч расспрашивал, бывают ли они в театрах и кино, какие картины видели за последнее время. А у мастера спросил, пользуется ли кто в цеху библиотекой, какие книги любят читать рабочие.

Товарищ Серго и товарищ Киров оба остались довольны нашим заводом. Рабочие слышали, как Мироныч сказал Серго:

— Этот завод надо оборудовать по последнему слову техники, он имеет для этого все основания.

Прощаясь с нами, Сергей Миронович заявил:

— Ваш завод — будущий гигант оптической промышленности. Надо, чтобы в ближайшие же годы он не только удовлетворил потребности нашей страны в оптике, но и взял бы одно из первых мест на мировом рынке.

Большевистский был размах у этого лучшего ученика Сталина. После отъезда дорогих гостей мы узнали, что товарищ Орджоникидзе, по просьбе Мироныча, распорядился перевести нашему заводу специальные средства на его расширение и оборудование по последнему слову техники.

— Когда получите деньги, — сказал Мироныч администрации, — часть средств из них обязательно выделите на улучшение культурно-бытовых условий рабочих.

Деньги завод сразу же получил. Ровно через год, когда мы заканчивали строительство культкомбината, Сергей Миронович снова навестил нас. Он осматривал стройку нашего прекрасного комбината, и чудесная улыбка не сходила с его лица. Он останавливался перед строящимися корпусами и одобрительно кивал головой.

— Подходящее для большевиков дело. Социализмом пахнет.

Это была наша последняя встреча с родным Миронычем, который превратил наш завод из кустарной мастерской в гигант мирового значения.

Е. А. ВАСИЛЬЕВ
рабочий з-да имени ОГПУ

МЫ УЧИЛИСЬ РАБОТАТЬ У КИРОВА

На протяжении 1930—1933 годов я был членом Ленинградского Областного Комитета ВКП(б). В эти годы я очень часто встречался и разговаривал с Сергеем Мироновичем. Встречи и беседы происходили обычно на пленумах Обкома. Что и говорить, — каждая беседа, каждая реплика Кирова на многое открывали нам глаза и облегчали практическую работу. А выступления Кирова! Речи его зажигали нас не потому, что Мироныч красиво говорил. Не в этом была сила его слова. Особенность его выступлений заключалась в том, что умел

Киров осветить любой вопрос так глубоко, так просто и понятно, что после его выступлений все уходили с одной мыслью: как же мы сами не додумались до этого — все так ясно, все так просто.

И вот, помню, в конце 1930 года на одном из пленумов Обкома выступил Киров. Он говорил о задачах ленинградских заводов в связи с обострением военной опасности.

Мироныч давал указания, как должны партийные и хозяйственные организации дополнять одна другую, помогать друг другу и совместной работой крепить обороноспособность Советского Союза. Тема эта была не нова, но удивительное дело: каждый из заводских представителей был уверен, что Киров дает директивы, исходя из существующей обстановки на его, слушателя, отдельно взятом заводе. Так умел Киров схватить основное, характерное для всех предприятий. Во время заключительного слова Сергея Мироновича произошло следующее. Киров, как всегда, начал свою речь ровным и спокойным голосом, но постепенно, увлекаясь сам, он настолько захватил своих слушателей, что все мы не могли уже оставаться в неподвижном, сидячем положении и, не замечая того, начали вставать со своих мест. Так, в течение 40—50 минут, пока говорил Киров, мы стояли наэлектризованные, горящие страстным желанием претворить в жизнь каждое слово своего вождя.

По дороге домой я вспомнил, что однажды уже переживал подобное чувство сверхъестественного подъема. Это было в 1917 году на Васильевском острове. 8 тысяч питерских коммунистов слушали выступление своего великого вождя и учителя Ленина. Как зачарованные, ловили мы каждое слово Ильича, и нам казалось, что нет такой враждебной нам силы, которую не мог бы сокрушить народ, руководимый гениальным Лениным.

Поразительно, как хорошо знал Киров обстановку на заводах Ленинграда.

Помню такой случай. После выходного дня, утром, встречаю Сергея Мироновича в коридоре Смольного. С места в карьер Киров задает вопрос:

— Товарищ Крэла, что у вас случилось в инструментальном? Расскажи подробно.

Вопрос застал меня врасплох. Накануне выходного дня я ушел с завода, не заходя в партком. Стало ясно, что я что-то прозевал. Смущенный, я ответил:

— Не знаю.

Киров нахмурился:

— Плохо, очень плохо. Ты, партийный работник завода, обязан знать все, что делается на твоем предприятии.

Расстроенный выговором, я молча смотрел на Кирова.

— Ведь вот я же не работаю на «Красной Заре», а еще позавчера все узнал, — продолжал Сергей Миронович, — куда же к чорту годится такая постановка партийной работы, что член заводского парткома узнает все в последнюю очередь.

Приехав на завод, я узнал, что перед выходным днем в инструментальном цеху несколько бывших эсеров и меньшевиков выступили с контрреволюционной клеветой на партию. И, разумеется, Мироныч, который имел теснейшую связь не только с парткомами, но и с десятками тысяч ленинградских рабочих, был сразу же уведомлен об этой вражеской вылазке агентов буржуазии.

Эта поразительная осведомленность Кирова не раз приводила в изумление всех с ним встречавшихся. Однажды я пожаловался Сергею Мироновичу на плохое снабжение нашего завода материалами. Вдруг Мироныч мне заявляет:

— Да как же у вас не будет плохо со снабжением? Разве так можно расставлять людей, как это сделали вы? Ведь у вас во всем отделе — один единственный коммунист. Изучите внимательно своих людей, переставьте их, проверьте их работу, и дело должно сдвинуться.

Я уверен, что если бы в то время спросить врасплох любого нашего члена парткома: сколько у нас в отделе снабжения коммунистов — вряд ли он назвал бы правильную цифру. А Киров, в отличие от нас, был об этом хорошо осведомлен.

Прекрасный учебой были для нас заседания Обкома, когда ими руководил Киров. С исключительным тактом и остроумием умел он заставить оратора не отвлекаться в своей речи в сторону мелочей, не относящихся к существу вопроса. Он умел одной фразой сразу же направить в должное русло речь оратора, раскрыть ему глаза на главное и основное. Как-то я посетовал ему на то, что плохо владею русской разговорной речью и поэтому стесняюсь выступать перед рабочими.

Киров серьезно посмотрел на меня и вдруг широко улыбнулся:

— Слушай, товарищ Крэла. Сила большевистского оратора, пропагандиста не в том, что он говорит гладко и красиво. Нет! Могущество его в том, что он правильно понимает и правильно излагает директивы партии, решения Центрального Комитета. Вот в чем сила агитатора-большевика. И пусть тебя не смущает, что некоторые слова ты говоришь не совсем правильно. Лишь бы они правильно излагали идеи партии.

Кирова я видел не только у нас на заводе и в Смольном. Как и очень многие рабочие, я видел его на улице в районе новостроек. Летом 1933 года я встретил Кирова на проспекте имени Карла Маркса у завода «Русский дизель». Он стоял среди окружавших его плотным кольцом рабочих и о чем-то сосредоточенно им говорил. Подойдя к собравшимся, я услышал заключительную фразу Мироныча:

— На этом участке работу надо ускорить. Учтите, что здесь живет много рабочих, которым справедливо надоел грязный вид их проспекта. Нажмите, товарищи...

«Кировская школа», с которой мне выпало счастье столкнуться, принесла и приносит мне до сих пор огромную помощь. Недавно я был выдвинут с работы формовщика на ответственную работу начальника литейного цеха. В трудные минуты я вспоминаю Мироныча, его неоценимые указания руководителям, хозяйственникам, партработникам и черпаю из этих указаний большевистскую настойчивость, упорство и правильное решение новых для меня вопросов.

Г. К. КРЭЛА
начальник цеха
на з-де „Красная Заря"

ДЕТИЩЕ КИРОВА

Наш Ижорский завод стоит от Ленинграда километрах в двадцати пяти, но это не мешало Сергею Мироновичу быть у нас частым гостем. Впрочем, какой же он был гость! Это был настоящий советский хозяин, который болел душой за работу каждого станка на всех наших социалистических заводах.

Вот как-то весной 1930 года приехал Мироныч на наш завод, походил по цехам и зашел под конец во 2-й цех. А цех в этот момент, откровенно говоря, очень был неказистым. Большая часть его только-только вышла из консервации. Программы твердой и постоянной у цеха не было, дисциплина была так себе. Походил Киров по цеху, поговорил с рабочими, инженерами, и вся картина стала для него ясна, как на ладони.

— По-моему, так вы закисли тут без дела, — заявил Мироныч, — и рабочие у вас бродят какие-то сонные. Надо вам дать хорошее задание, чтобы вы все встряхнулись, чтобы было над чем подумать и рабочим, и инженерам, и техникам. Приготовьтесь, товарищи, к серьезной, ответственной работе.

Очень скоро рабочие узнали, что Киров имел тогда в виду блюминг. Прошло немного времени, и мы присту-

пили к созданию первого советского блюминга. Сергей Миронович постоянно был в курсе этой для всех нас новой работы. Он звонил по телефону, вызывал к себе администрацию, партийных работников и требовал исчерпывающих сведений о ходе работ.

Когда начали формировать первую станину блюминга, Киров снова приехал на завод.

И сразу заявил нам:

— Нужно очистить мастерскую.

И впрямь, грязь в мастерской была невообразимая. Мы-то на нее в горячке не обращали особого внимания, а Мироныч недовольно сморщился.

Начальник цеха, который сопровождал Кирова, подозвал меня и сказал:

— Вот наш мастер товарищ Кириллов.

Ну, — говорит мне Сергей Миронович, — рассказывай, старина, как дела идут, показывай мне свое царство.

Повел я Мироныча по своему токарному участку. Рассказываю ему, где какие станки, как и что обрабатывать собираемся. Мироныч слушает внимательно, на лету всю суть ловит. Это уж я по его вопросам понял. Довел я его до конца отдела. А там лежала большая кованая шестерня, огромная, тонн на 60. Киров около шестерни остановился и спрашивает меня:

— Где же вы такую махину обрабатывать будете?

— Вот на этом старом станке, — отвечаю.

— Да что вы, — усомнился Мироныч, — можно ли на таком старом станке этакую шестерню обработать!

Тут я воспользовался случаем и говорю:

— Конечно, для этого дела не такие станки нужны. Грубую-то обработку кое-как и на старом станке провести можно, а вот начисто — прямо и не знаю, как быть.

Понял Мироныч, к чему я клоню:

— Что ж, — говорит, — придется раздобыть для вас новый станок. Уж больно важное дело вы делаете.

Когда шли обратно по цеху, вдруг спросил меня Мироныч:

— Давно работаете на Ижорском?

Узнал, что с 1897 года, — поинтересовался:

— Раньше-то как с производительностью труда дело обстояло?

Я рассказал, как мы до революции по пять лет один плохонький миноносец делали.

— Вот поэтому-то мы и отстали, — заявил Мироныч. — Теперь надо догонять без передышки.

Уехал Мироныч, а о своем обещании не забыл, сдержал свое слово: через пару недель получил я новый мощный станок «Вальдрих».

Через три дня после того, как поругал нас Мироныч за грязь в цеху, мы снова увидели у себя Кирова. На этот раз уже цех сиял чистотой, пол такой был, что хоть босым пляши.

Мироныч сразу к мастеру:

— Молодец, — и похлопал его по плечу.

Удивительно, как Киров обо всем знал, что производства касается, — и о главном, и о второстепенном.

В этот свой приезд он говорил, например, секретарю цехячейки:

— Надо, чтобы ты знал, какую воду рабочие пьют. Если тебя спросят, какая вода, а ты не будешь знать, какой же ты руководитель.

Говоря о воде, Киров имел в виду, что в этом цеху воду следует кислить, так как там постоянно держится очень высокая температура.

Когда отлили мы, наконец, первую станину и сообщили об этом Миронычу, Киров был очень доволен. Он сказал:

— Прекрасно сдвинули дело. Это большой плюс для вашего завода.

Когда рабочие вынимали станину, Киров все беспокоился: нет ли где трещин. И все сам проверял, все сам хотел посмотреть.

В станинах блюминга нужно было просверлить дыры, а у нас на Ижорском заводе не было подходящего станка. Об этом узнал Мироныч и очень взволновался:

— Смотрите, не запорите станину. Возьмите соответствующий станок с «Дизеля».

Очень мы тогда поразились. В самом деле: руководит человек всей политической жизнью огромного города, огромной области и знает не только состояние каждого завода, но и какие где станки имеются.

И действительно, на «Русском дизеле» мы достали специальные станки, которыми и просверлили станины.

Когда мы справились со вторым блюмингом, на душе у всех нас было радостно и легко. С большим удовлетворением читали мы приветствие Кирова:

«Привет ижорцам, строителям советских блюмингов. Большевистское упорство и пролетарский энтузиазм ижорцев включили в железный инвентарь советской индустрии второй блюминг.

Ленинградский Областной Комитет ВКП(б) приветствует ударников и инженерно-технический состав Ижорского завода с крупнейшей победой на фронте социалистического машиностроения. Первый блюминг был блестящей пробой сил. Второй блюминг — это уже прочная основа советского блюмингостроения.

Штурмуйте крепость науки и техники! Организуйте новые победы!

Да здравствуют ижорцы — строители советских блюмингов!

Секретарь Областного Комитета ВКП(б)
С. Киров».

Ижорские блюминги — это детище Кирова. Это ему должны быть, в первую очередь, благодарны заводы Макеевки, Златоуста, Дзержинки, на которых установлены наши блюминги.

Был у нас на заводе старый заброшенный эллинг. Ну и решили мы построить в этом эллинге хотя бы

пару буксиров. Интересно, думаем, как к этому делу Мироныч отнесется. Сообщили ему об этом замысле. И что же? Мироныч прямо загорелся этой мыслью. Приехал он к нам на завод, и завязалась у нас жаркая беседа.

— Что вам два буксира — возня одна! Делать—так делать, с большевистским размахом! Прочно, много, дешево.

В заключение Сергей Миронович предложил нам создать специальную мастерскую, делающую паровые машины для проектируемых буксиров.

А через некоторое время мы получили из Наркомтяжпрома твердое задание: дать стране в 1934 году 5 буксиров, а в 1935 году — 40.

И вот теперь по многим водам Советского Союза ходят наши ижорские буксиры, созданные благодаря неисчерпаемой, кипучей энергии нашего незабвенного Мироныча.

В. Я. КИРИЛЛОВ
мастер Ижорского з-да

ЕМУ МЫ ОБЯЗАНЫ СВОИМИ ПОБЕДАМИ

Множество рабочих Балтийского завода видело Мироныча в своих цехах. Появлялся он всегда неожиданно, никого не предупреждая о своем приезде. Интересовался он всем, начиная заводской читальней и кончая сложнейшими техническими вопросами. Не терпел на заводе грязи и запущенности. А у нас, надо сказать, на это дело не очень-то обращали внимание. И вот однажды приехал к нам Сергей Миронович, стал подыматься по деревянной лестнице, а там почему-то из стены гвоздь торчит. Зацепил Мироныч за этот гвоздь свой плащ, да и разорвал его. Большой нагоняй дал он за этот беспорядок нашей администрации и парткому:

— Один только раз, — говорит, — полез я сюда и то пальто разорвал. А что же делается с вашими рабочими? Рабочие тоже рвут одежду?

После этого случая стали мы наводить на нашем заводе чистоту и вскоре добились образцового порядка.

По заданию Кирова Балтийский завод выполнял для Нивастроя ряд ответственнейших заказов. Мироныч взял их под свое личное наблюдение. Зная об этом, мы не только выполнили заказы в срок, но и послали несколько бригад на заполярную стройку, чтобы они на месте смонтировали патрубки.

Большой праздник был на заводе, когда мы выполнили досрочно в 1933 году свою производственную программу. К Миронычу, конечно, поехала с рапортом целая делегация. Поздравил нас Киров, расспросил о работе, о настроениях и тут же сел писать приветствие нашим рабочим. Писал старательно. Два раза рвал черновики и только третий вариант его удовлетворил. Вот что написал нам Сергей Миронович:

«Передайте ударникам — рабочим и работницам, инженерам и техникам — балтийцам поздравление с новой победой на фронте индустриализации. Проводя генеральную линию нашей партии и указания вождя партии большевиков товарища Сталина, вы выполнили задание к XVI годовщине Октябрьской революции.

Областком и Горком ВКП(б) призывают весь коллектив Балтийского завода еще выше поднять знамя соцсоревнования и ударничества для выполнения дальнейших задач второй пятилетки.

Стройте корабли быстрее, дешевле, прочнее, овладевайте высотами совершеннейшей техники судостроения.

Под знаменем ВКП(б), руководимой ее славным ЦК во главе с великим организатором наших побед товарищем Сталиным, за несокрушимость пролетарской диктатуры, вперед к новым победам».

Нечего и говорить, как мы были горды этим одобрением верного соратника Сталина.

Интересно рассказать, как Мироныч осматривал нашу столовую. У нас на «Балтийце» две столовые: во вто-

ром этаже обедают инженерно-технические работники, в третьем — рабочие. Осмотрел Киров второй этаж, как-будто остался доволен: в зале чисто, скатерти белые, цветы на столах. Вдруг говорит:

— Покажите мне служебные помещения.

Оказалось, что в служебных помещениях — другая картина: грязь, беспорядок. Здорово досталось за это кому следует.

Поднялись на третий этаж. Прежде всего Мироныч заинтересовался, сколько берут с рабочего за обед. А когда узнал, что обед в рабочей столовой обходится дороже, чем в столовой для инженеров, — помрачнел он и такую прочел нотацию товарищам из нашего завкома, что они от стыда места себе не могли найти.

Сергей Миронович всегда гордился ленинградскими заводами и рабочими нашего города. Когда кто-нибудь начинал ему жаловаться на трудность заказа, он с упреком отвечал:

— Да кому же с этим справиться, как не ленинградским рабочим?

Прямо диву даешься, как этот человек все умел видеть, за всем успевал следить. Ведь к нему обращались не только ленинградские заводы, но и все, кто был связан с ленинградской промышленностью. Ни один крупный заказ не проходил на нашем заводе мимо внимания и участия Сергея Мироновича.

Когда стало известно, что на помощь челюскинцам должны выйти ледоколы «Красин» и «Ермак», стал вопрос об их срочном ремонте. За это дело хотели взяться англичане, которые решили было поднажиться на чужом несчастье. Они потребовали два миллиона рублей золотом и два месяца времени.

Наши рабочие возмутились и по наказу Кирова сами взялись за ремонт ледоколов. Составили мы график работ и передали Миронычу. Мироныч был очень доволен, что мы взялись закончить работу за восемнадцать

дней. Каждый день требовал он от нас сводки о ходе ремонта ледоколов, звонил ночью по телефону, беседовал с начальниками цехов, с партийными работниками. Все рабочие, занятые на ремонте, знали, что Мироныч горячо интересовался ходом работ, и это придавало им новые силы и энергию. Велика была радость всего нашего коллектива, когда ровно в назначенный срок мы отправили Кирову рапорт об окончании ремонта обоих ледоколов.

Киров сейчас же позвонил в партком и поздравил рабочих с выполнением правительственного задания:

— Молодцы! — радостно хвалил нас Мироныч. — Англичанам-то нос утерли. Расскажите-ка, как это вам удалось в такие рекордные сроки.

Киров остался очень доволен, что всю нашу работу мы провели, соревнуясь между собою. Его заинтересовала новизна самой формы соревнования. Никаких особых письменных договоров у нас не составлялось. Каждому рабочему рассказывалось на словах об объеме и сроках его работы. Этим, конечно, мы не ограничивались. Ввели гласную широкую отчетность и проверку. Во всех цехах и даже у ворот завода всякий мог ознакомиться с показателями работы и узнать, как выполняет свои обязательства каждый рабочий. Помимо этого мы выпускали ежедневные бюллетени.

Киров остался доволен тем, что мы, как он выразился, «довели до сознания каждого рабочего политическую значимость этого дела».

Б. Б. ШЕНКМАН
начальник технической школы з-да имени Орджоникидзе

НА ГДОВСКИХ СЛАНЦАХ

Весной 1934 года группа ленинградских комсомольцев была послана работать на Гдовские сланцевые рудники. В числе комсомольцев была и я. Мы приехали на рудники к моменту, когда начались работы по подготовке

к пуску первой шахты имени товарища Кирова. Нечего и говорить, что мы с первого же дня приезда приложили все усилия, чтобы включиться в эту работу. И своего мы добились.

Почетное задание — приготовить шахту к пуску — было поручено нам, ленинградской бригаде комсомольцев. Началась горячая работа. Мы работали много, не покладая рук.

Однако, кое-что было нам не по душе. Не нравилось нам, например, что администрация рудников не уделяла почти никакого внимания бытовым условиям рабочих, не вела и не пыталась вести какую-нибудь культурную работу. Это не могло не отражаться на производительности труда и настроении рабочих. Особенно были скверными жилищные условия. Крыши в бараках, где жили рабочие, протекали (а лето, на беду, было дождливое). Сколько мы ни говорили с администрацией о необходимости улучшить жилищные условия рабочих, ничего не помогало. Нам это показалось подозрительным. Так равнодушно относиться к нуждам рабочих могли лишь люди, которым, по меньшей мере, было безразлично кировское детище — гдовские сланцы.

Убедившись в том, что все наши требования остаются безрезультатными, мы решили обо всем написать Сергею Мироновичу. Писали коллективно, продумывая каждое слово. Отправили письмо, и сразу как-то легче стало на душе. Мы знали, что Сергей Миронович откликнется и поможет нам.

Ровно через два дня после отправки письма мы вдруг услышали весть, которой вначале не поверили:

— На сланцы приехал Киров!

Очевидно, Сергей Миронович уже давно собирался проверить работу на сланцевых рудниках, а наше письмо ускорило его приезд. Мироныча здесь уже знали. Знали не только по рассказам и газетам, но и лично. В 1932 году, вот так же, как и в этот раз, на рудниках неожиданно

появился Сергей Миронович. Об этом приезде так рассказывал нам бурильщик Ширяев.

Вот приехал Киров и первым долгом просит:

— Спустите меня в шахту.

Спустился Мироныч, осмотрелся, взял кайло и стал пробовать кровлю. Ударил кайлом, прислушался и вдруг недовольно говорит:

— Бунит!

А я, по совести сказать, и не знал, что это слово означает. Киров, конечно, сразу заметил, что это слово для меня темное.

— Не понимаешь, — говорит, — что значит «кровля бунит»? Какой же ты после этого горняк?

И Сергей Миронович ударил кайлом по кровле еще раз. Послышался глухой протяжный звук.

— Вот это и значит, что кровля бунит, — пояснил Ширяеву Киров. — И это очень опасно для рабочих. Необходимо немедленно же ее закрепить. Мы не имеем права рисковать не только жизнью, но и здоровьем рабочих.

И в этот, второй свой приезд на гдовские сланцы Сергей Миронович прежде всего спустился в шахту. На этот раз он знакомился с работой шахты, носящей его имя. Проверив работу шахты, Киров принялся за «мелочи». Зашел в столовую для рабочих, посмотрел, что в ней за порядок, чем и как народ кормят. Потом прошел на кухню и очень внимательно проверил, из каких продуктов готовится пища для рабочих. Не миновал его внимания и кооперативный ларек. Сергей Миронович подошел к ларьку и очень сосредоточенно стал рассматривать ассортимент товаров на витрине и на прилавке. А продавец, конечно, и не подумал, что этот человек — Киров. Принял его за покупателя.

— Плохо торгуете, хозяин, — говорит продавцу Киров.

Тот, конечно, в споры: ничего, дескать, не плохо, товар весь распродается, залежей не бывает.

— Что у вас товар идет хорошо, — отвечает Мироныч, — это не ваша заслуга. Рабочий у нас культурный, зарабатывает хорошо, вот он и покупает себе все, что можно купить. А вот вы торгуете — лишь бы продать. Смотрите, как у вас расположены на прилавке товары: бесвкусно, некрасиво, неаппетитно. Свалено все в одну кучу. Сразу и не поймешь, что есть, чего нет в вашем ларьке. Товар на витрине надо так расположить, чтобы необходимые предметы сами в глаза бросались.

Этот эпизод с ларьком очень понравился рабочим.

— Вот это руководитель, — переговаривались между собой рабочие. — Все видит, стоглазый какой-то, честное слово!

Наконец, настал торжественный момент, которого мы, комсомольцы, ждали с таким нетерпением. Киров пригласил нас к себе для беседы.

Он запросто сел на скамью, и мы окружили его плотной стеной.

Сергей Миронович рассказал нам свои впечатления о сланцевых рудниках, а потом перешел к задачам комсомольцев на Гдовских сланцах:

— Вы, комсомольцы, присланы сюда рабочим классом как авангард. Это очень почетная роль, но она обязывает вас ко многому. Вы действительно должны быть во всех вопросах в авангарде, вместе с коммунистами. Смотрите вокруг себя самым внимательным образом, вникайте во все мелочи. Вы ведь знаете, на каком участке вы работаете. Вы живете и работаете у самой границы. Враг ходит около, глядит на вас с завистью и злобой. Смотрите в оба, не проник бы он к вам. Больше всего бойтесь в работе зазнайства. Встречаются еще у нас такие «горячие» комсомольцы, которые думают, что можно с нахрапа выполнить любое дело. Не будьте такими. Учитесь без всякого ложного стыда у старых рабочих. Это пойдет на пользу всей нашей стране.

Мне кажется, что если бы Сергей Миронович говорил до утра, мы бы до утра стояли не шелохнувшись. Но Киров поднялся со скамьи, широко улыбнулся нам и сказал:

— Ну, а теперь говорите, чего вам не хватает, чтобы работать хорошо, по-большевистски, со страстью.

А у нас в это время было очень плохо со спецодеждой и инструментами. Мы, конечно, сказали об этом. Сергей Миронович вынул небольшую книжечку и записал наши претензии. Тут произошел забавный случай, который всех нас рассмешил. Среди нас была комсомолка Марта. Она была очень невысокого роста и фигурой напоминала подростка. И вот, когда мы жаловались Сергею Мироновичу, что нам не присылают рабочей обуви, Марта вдруг осмелела и тоненьким голоском пропищала:

— Посмотрите-ка, Сергей Миронович, я в них всегда сама себе наступаю на ноги.

Мы посмотрели на ноги Марты и увидели, что она в галошах, которые, по крайней мере, были номеров на пять-шесть больше ее ног. Вид у Марты был страшно смешной. Все мы рассмеялись. Смеялся и Киров. Потом он весело сказал:

— Ладно, не горюй, этому горю пособить можно. Как-нибудь, общими силами, справимся с твоей бедой.

Когда мы покончили с производственными вопросами, Сергей Миронович вдруг спросил:

— Ну, а как вы здесь живете? Как вы отдыхаете, что делаете в свободное время? Кругом здесь леса да болота, и что-то сдается мне, что вы здесь скучаете. Давайте, подумаем вместе, как бы устроить вашу жизнь получше, повеселее.

Киров попал в самую точку. Очень обрадовались ребята этому вопросу Сергея Мироновича. Все наперебой закричали:

— Школу надо построить!

— Хоть бы артисты приехали!

— Баянов нет, гитар тоже нет!

— Фотоаппаратов бы нам. Здесь виды красивые.

— Правильно, с фотоаппаратами веселее было бы, — закричали многие.

Мы больше уже не стеснялись Сергея Мироновича. Все мы почувствовали в нем близкого друга, чуткого и отзывчивого старшего товарища.

Поговорив еще немного, Киров поднялся с места:

— Хорошо с вами, ребята, но я еще хочу осмотреть общежития рабочих.

И он пошел к баракам. Все шахтеры — и старики и молодые — хотели во что бы то ни стало, чтобы Киров зашел именно к ним. Они наперебой приглашали его к себе, и Сергей Миронович заходил ко всем, успевал поговорить со стариками, пошутить с молодыми, поздороваться и расспросить о жизни знакомых рабочих.

Наконец, Киров вошел в наш барак, где жили девушки-комсомолки. А мы за своим общежитием смотрели как следует. Хотя построено оно было скверно — текла крыша, в стенах щели — но внутри мы старались держать его в порядке, сделать его уютнее. Сергею Мироновичу понравились чистота и порядок в нашем общежитии.

— Кто здесь староста? — спросил Киров.

Я назвалась.

— Молодец, — сказал Сергей Миронович. — Хорошо у вас: уютно и чисто. Вы попробовали бы во всех бараках завести такой порядок...

Киров оставил рабочих гдовских сланцев полными энергии и решимости добыть из неприветливого гдовского болота все, что в нем было полезного и нужного для нашего социалистического хозяйства.

Прошло 10—12 дней со дня отъезда нашего дорогого гостя, а мы уже получили те инструменты и спецодежду, на отсутствие которых жаловались ему.

Больше всех была довольна маленькая Марта. Сергей Миронович прислал ей новые ботинки и галоши и как раз по ноге. Прошло еще несколько дней, и комсомольцы получили посылку с фотоаппаратами и письмо:

«Посылаю обещанные мною фотоаппараты. Один фотоаппарат передайте комсомольцам 1-го рудника; один — комсомольцам 2-го рудника и два аппарата комсомольцам и работникам опытного рудника.

Привет *С. Киров*».

Не забыл Сергей Миронович и других наших просьб. К нам стали приезжать артисты, кинопередвижки. В кооперативе появились музыкальные инструменты. А вскоре открылась и общеобразовательная школа.

Осенью 1934 года мне с моей подругой Ниной пришлось не надолго побывать в Ленинграде. Когда мы уезжали, ребята строго-настрого приказали нам зайти к Сергею Мироновичу и передать ему комсомольский привет со сланцев.

Мы зашли к коменданту Смольного за пропуском.

— А товарищ Киров вас вызывал? — спросил нас комендант.

— Нет, не вызывал. Мы приехали со сланцев.

— Со сланцев? Со сланцев, тогда пожалуйста. Товарищ Киров со сланцев принимает вне очереди.

И комендант любезно вручил нам пропуска. В приемной Кирова повторилось то же: как только мы сообщили, что приехали со сланцев, нас сразу же пропустили в кабинет Сергея Мироновича.

Товарищ Киров видел нас до этого только один раз. Но у него была превосходная память. Как только мы вошли, он сразу же узнал нас.

— А, комсомол! Ну, как вы там теперь живете? Посылки получили? Все ли вам прислали, что нужно?

— Все прислали, Сергей Миронович. Мы пришли вас

поблагодарить и передать привет от комсомольцев гдовских сланцев.

Киров сейчас же начал расспрашивать нас о добыче сланцев, о выполнении планов, о механизации производства. Узнав все, что его интересовало, он завел разговор о нас лично. Его интересовало, есть ли у нас родители, кто они, где мы учились, учимся ли сейчас, нет ли у нас каких-нибудь забот, которые мешали бы нам работать в полную нагрузку.

А у Нины как раз было очень трудное положение. В Ленинграде у нее жила больная мать, которую она содержала. Нину всегда угнетала мысль о том, что старая женщина живет без всякого присмотра. И вот вижу я, что Нина спрашивает меня глазами, можно ли рассказать об этом Сергею Мироновичу. Я незаметно кивнула. И Нина поделилась с товарищем Кировым своими заботами. Сергей Миронович записал в блок-ноте фамилию и адрес Нининой мамы и успокоил Нину:

— Что-нибудь придумаем.

Не успели мы еще уехать из Ленинграда, как больная женщина была обеспечена полным покоем и уходом. А Нина после этого точно переродилась: стала веселой, общительной и не раз показывала пример, как надо работать на производстве.

А. В. МАКСИМОВА
работница з-да „Красный Треугольник"

ВЫПОЛНИТЬ ПЛАН ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО!

Последний раз на нашем заводе Сергей Миронович был 24 октября 1934 года. Обходя завод, он зашел и в механический цех, где работал я. Наш цех тогда только-только начал осваивать машину для буксиростроения. Правительственный заказ на эти машины был довольно большой. В тот день, когда товарищ Киров

посетил наш завод, две из этих машин, ещё незаконченные, стояли в механическом цеху. Сергей Миронович заинтересовался ими, стал расспрашивать меня о ходе работ. Во время моего рассказа он часто задавал мне вопросы о технических деталях. Подобные вопросы впору было задавать опытному инженеру с большим практическим стажем. Когда я кончил, Киров спросил, сколько таких машин включено в наш план и в какую сумму они обходятся государству. Я поделился с Миронычем своими сомнениями:

— По плану нужно сделать двадцать машин, а сделали только десять. Вряд ли мы выполним этот план.

Но для Кирова утвержденный план был законом. Поэтому он явно неодобрительно отнесся к моим словам:

— План надо выполнить во что бы то ни стало. А в 1935 году нужно сделать не менее 35 машин.

Тогда я привел, в виде оправдания, нашу нужду в кровельном железе:

— Мы заказали прокатку ряду заводов, но они выполняют наш заказ через пень в колоду. Помогите Вы нам, Сергей Миронович.

Киров остановился (мы шли по цеху):

— Как тебе не стыдно, товарищ Громов? Работаешь на таком заводе и не можешь найти стана для прокатки кровельного железа! Даю тебе два дня сроку. За это время потрудись найти стан и позвонить мне.

— Не найти, Сергей Миронович, — говорю я. — Я наш завод хорошо знаю. Нет у нас прокатного стана.

— Найдешь, — отвечает Киров уверенно. — Захочешь найти, найдешь...

На этом мы расстались. Пришел я домой, задумался. Раз Киров приказал, надо выполнять. Но где же достать этот стан?

На другой день я явился на завод раньше обычного.

Сразу же пошел рыскать по всем цехам — искать стан. Обошел уже почти весь завод, нет ничего похожего. Остался еще цех ширпотреба, но на него надежды было еще меньше, чем на другие цеха. Все-таки, для очистки совести, зашел и туда. Осмотрел все кругом и вдруг, прямо глазам своим не верю, вижу в углу прокатный стан. Обрадовался я ему, как родному. Сразу же принялся ремонтировать его. Через 5 дней стан был готов к работе. Побежал я к директору, чтобы позвонить Кирову, а там мне сообщают:

— Иди скорей к телефону: Киров звонит, хочет с тобой говорить.

Схватил я трубку, слышу далекий, но знакомый голос Кирова:

— Нашел стан?

— Нашел, Сергей Миронович, осваиваю его.

— Хорошо. Звони мне завтра в 10 часов и сообщи, что сделал за день.

На другой день, ровно в десять, я позвонил Кирову и сообщил, что стан освоен и мы приступили к прокатке железа. Киров был явно доволен.

Дней через десять, когда мы прокатали уже достаточно железа, я вновь позвонил Кирову: дескать, дела идут, товарищ Киров. Спасибо, что надоумили меня пошарить под собственным носом. Теперь уж с этим делом нам ни к кому на поклон ходить не надо.

А Мироныч мне в ответ:

— Вот что, товарищ Громов: если я вам помог, так и вы мне помогите. Мне нужно для одного завода 100 тонн кровельного железа.

К 3 или 4 ноября мы прокатали для Сергея Мироновича 100 тонн железа. А через несколько дней опять звонит Сергей Миронович, просит еще 25 тонн.

Вскоре я встретился с Сергеем Мироновичем на партийном активе в Доме Красной Армии и Флота. Увидев меня, Киров сказал:

— Как же это, Громов, до сих пор вы не знали, что на вашем заводе валяется без дела прокатный стан? Ведь за это время сколько железа можно было бы накатать. Все ленинградские заводы нуждаются в кровельном железе, а у ижорцев без толку ценный стан валяется!

Возвращаясь с актива домой, я все время думал об этом удивительном человеке. Его энергия, настойчивость и огромные познания в самых разнообразных отраслях помогли питерским рабочим высоко поднять роль ленинградской промышленности.

Киров не считал малозначимыми так называемые «мелочи». Мне припоминается история с линейкой. Эту историю на нашем заводе знают многие. Дело было так.

Однажды Сергей Миронович приехал на Ижорский завод и, как всегда, пошел в цеха. В механическом цеху он подошел к агрегату, внимательно осмотрел его и вдруг спросил меня:

— А где же линейка?

— Какая, Сергей Миронович, линейка?

— Да ведь на этом агрегате должна быть специальная линейка с делениями. По ней рабочий сразу же видит, как распределяется пар, каково мертвое пространство между золотниками и окном цилиндра.

Я очень смутился: столько лет работаю и ничего про эту линейку не знаю. Киров, конечно, заметил мое смущение. Помолчал немного, а потом сказал:

— Так вы все-таки сходите в технологическое бюро и скажите, что так выпускать подобные агрегаты нельзя. Пусть они немедленно исправят свою халатность.

Я так и сделал. Но еще до приезда Кирова мы выпустили на буксиры десять агрегатов без распределительной линейки. Пришлось этот недосмотр исправлять на ходу. Механики просто не знали, как благодарить Мироныча. И действительно, раньше без линейки меха-

ник, чтобы проверить золотник, должен был обязательно открывать крышку. Теперь ему не нужно было для этого даже и дотрагиваться до машины, достаточно было только посмотреть на линейку.

Когда я узнал, что Киров не имеет специального технического образования, я подумал: тысячу раз был прав Мироныч, когда сказал, что главная наука для большевика — это марксизм-ленинизм. Овладев по-настоящему этой наукой, коммунист будет всегда итти в авангарде всех наук.

П. П. ГРОМОВ
начальник цеха Ижорского з-да

ПОМОЩЬ КИРОВА

Не раз поражал Сергей Миронович старых специалистов своими техническими знаниями и опытом. Однажды товарищ Киров приехал на наш завод во время приемки бронеброшных машин. Он подошел к стенду, взял в руки деталь, посмотрел на нее внимательно и спросил инженера — руководителя цеха:

— Скажите, это — ответственная деталь?

— Ответственная, — отвечает тот.

— А какого она диаметра?

— Четыре миллиметра, — твердо говорит инженер.

— Неужели только четыре? — удивляется Мироныч.— А по-моему здесь все семь наберется. Не тонко ли будет?

Проверили мы деталь и убедились: прав Сергей Миронович, семь миллиметров в детали.

И еще помню я один случай, который окончательно убедил нас всех в глубоком и практическом понимании Кировым всех особенностей производства. Инструментальный цех нашего завода получил задание — изготовить для машинно-тракторных станций раздвижные французского типа ключи «Бако».

Рабочие и общественность цеха остались недовольны этим заказом. Выполнение его не требовало ни особой квалификации, ни длительного опыта. А в нашем цеху рабочие по своей квалификации были как на подбор. Понятно, что ребята ворчали и считали, что такой заказ только засоряет наше производство. Однако, заводоуправление приказало заказ выполнить.

В это время на завод приехал Мироныч. Приехал и видит, что все инструментальщики заняты ключами «Бако». Ну, ясно, Киров сразу же заинтересовался:

— Что это за производство, куда это?

— Ключи «Бако» для машинно-тракторных станций.

Сергей Миронович неодобрительно покачал головой.

— Дело важное — это ясно. Но оно не для вашего цеха — это тоже ясно. Будет лучше всего передать этот заказ в ФЗУ.

Конечно, так и сделали. ФЗУ без всякого особого труда справилось с этой несложной работой.

Никогда не забуду встречу с Кировым в Москве. Как член ВЦИКа я был на XIV Всероссийском съезде Советов. Перед отъездом администрация попросила меня зайти в Наркомтяжпром и закрепить заказ на лесопильные рамы. Сунулся я в Наркомат, зашел в один отдел, в другой, разговаривал с кучей людей, но так и не мог добиться никакой ясности. Тогда во время перерыва на съезде решился я подойти к Сергею Мироновичу и рассказать ему про свои мытарства.

Удивился Киров, что наш завод гонится за такой несложной работой.

— Ладно, — говорит Мироныч, — приходи завтра в 10 часов в Наркомтяжпром, там потолкуем.

Нечего и говорить, что в назначенный час я был на месте. И сразу же получил исчерпывающий ответ:

— Лесопильных рам вашему заводу решено не давать. Взамен мы приготовили вам заказ, соответствующий всем вашим возможностям.

Оказалось, что Сергей Миронович добился для нас заказа на банкаброши и ленточные машины для текстильных фабрик.

П. П. КОБОЗЕВ
рабочий инструментального цеха

НА ПРИЕМЕ В СМОЛЬНОМ

Почти весь 1934 год завод наш находился в глубоком прорыве. И вот в сентябре рабочие решили встретить XVII годовщину Великой социалистической революции перевыполнением производственного плана. Началось соревнование, подлинное социалистическое соревнование между цехами, между отдельными рабочими. Что говорить, потрудились мы не мало. Но зато какая большая радость охватила весь наш коллектив, когда мы узнали, что план на первое октября и на первое ноября перевыполнен. Лучшие ударники захотели, конечно, поделиться своей радостью с любимым Миронычем. Был составлен специальный рапорт, в котором мы написали:

«Дорогой Сергей Миронович,

Полтора месяца назад мы, рабочие-ударники и специалисты станкостроительного завода имени Свердлова, приняли на себя социалистическое обязательство встретить XVII годовщину великого Октября перевыполнением производственного плана.

Эту борьбу за план мы проводили под боевым лозунгом составления октябрьского письма о наших победах тебе, Сергей Миронович.

Каждый из нас ударным трудом завоевал право на подпись почетного для нас документа. Все мы — Матяжкин, Копейкин, Макарочкин, Соховилов и другие пришли к XVII годовщине с перевыполненными производственными показателями.

За эти полтора месяца мы вывели завод из прорыва.

Сентябрь дал 114 проц., а октябрь 104,4 проц. товарной продукции.

Мы поставили в центр борьбу за качество.

За эти полтора месяца никаких рекламаций по выпущенной продукции от потребителя завод не имеет. Мы добились снижения себестоимости с 5,2 проц. за первое полугодие до 19 проц. к 1 ноября.

За последние три месяца у нас освоены четыре новых крупнейших станка и три станка новейшей конструкции закончены разработкой и сданы в производство.

Эти победы достигнуты на основе широкого охвата рабочих и специалистов социалистическим соревнованием и ударничеством, повседневной проверкой принятых обязательств.

Мы заверяем тебя, Сергей Миронович, что ударной работой мы добьемся права рапорта VII съезду Советов.

Мы просим тебя, Сергей Миронович, побывать у нас на заводе.

Да здравствуют наша ленинская партия и ее вождь товарищ Сталин!

Да здравствуют ленинградские большевики и их руководитель товарищ Киров!».

С этим рапортом мы явились 5 ноября 1934 года в Смольный на прием к товарищу Кирову. Никогда не забыть нам того, как по-товарищески тепло и приветливо принял нас Сергей Миронович. При нашем появлении в кабинете Киров быстро поднялся из-за стола и, широко улыбаясь, поспешил нам навстречу. Первыми его словами было:

— Слышал, слышал, что рабочие завода Свердлова неплохо дерутся за выполнение программы!

Сразу же началась беседа, дружеская и деловая.

Мы поделились с Миронычем нашими успехами, рассказали ему о том, что мешает работать нам еще лучше: о недостатках средств на дальнейшую реконструкцию,

о нехватках некоторых материалов, об отсутствии собственного совхоза.

Все наши дела, все мелочи товарищ Киров выслушал с исключительным вниманием.

— После праздников, — сказал Сергей Миронович, — я поеду в Москву и обязательно поговорю о вашем заводе.

Когда мы рассказали Кирову, какие мы делаем станки, Мироныч заметил:

— Вы делаете станки не плохие, но вы должны добиться того, чтобы ваши станки были лучшими станками в мире.

В середине беседы Сергей Миронович поинтересовался:

— Как у вас в части качества?

— Ничего, — отвечаем, — тянемся.

— Станки, я слышал, у вас, свердловцев, по точности хорошие. Ну, а снаружи как они выглядят?

Мы и отвечаем:

— Бояться нечего, мы свои найдем среди заграничных. По наружному виду они здорово отличаются.

Тут Мироныч остался недоволен:

— Вот это наша беда. Советские станки должны конкурировать с заграничными не только по точности, но и по наружному виду. Ясно?

— Ясно, — отвечаем. — Будем тянуться.

Но Киров поправил:

— В 1935 году нужно работать так, чтобы заграничные фирмы перегнать, а не только тянуться. Прошло время тянуться, нужно перегонять.

Сергей Миронович не ограничился только производственными вопросами.

— А как у вас воспитывается молодежь, как идет учеба, — интересовался Киров. — Не забудьте, что молодые люди должны учиться, учиться и учиться. А вы, старые производственники-ударники, обязаны им помогать.

Поразительно, как глубоко Мироныч вникал в быто-

вые «мелочи». Когда мы упомянули, между прочим, что многие наши рабочие устроили себе индивидуальные огороды, Киров сейчас же начал расспрашивать, какие удалось рабочим снять овощи, каков у них урожай, насколько его хватит и как огороды отразятся на бюджете рабочих.

Вообще, материально-бытовым вопросам Сергей Миронович придавал огромное значение. Отчетливо запомнилось одно его меткое замечание: администрация должна заботиться об улучшении материально-бытовых и культурных условий, об улучшении рабочего снабжения так же, как о каждом новом выпущенном станке

— Удивительное дело, — возмущался Киров, — хозяйственники ходят в цеха, узнают, как выполняется программа, но ни один из них не считает своим долгом ходить в рабочую столовую, интересоваться по-настоящему, как и чем питается рабочий.

В этой исторической для нашего завода беседе незаметно прошло около часа. Перед тем, как попрощаться, Мироныч сказал:

— Завод Свердлова — хороший завод, и мы должны его сделать лучшим станкостроительным заводом Советского Союза.

— А когда же приедешь к нам на завод, Сергей Миронович? — спросили мы.

— Приеду, — улыбнулся Киров. — Вот кончатся праздники, вернусь из Москвы и к вам нагряну.

— Не забудь заглянуть в наш литейный цех.

— Обязательно зайду, — пообещал Киров. — Но если в цеху окажется что-нибудь плохо, попадет вам.

Крепко пожал нам Мироныч на прощанье руки и пожелал дальнейших производственных побед. Нечего и говорить, что рассказ о нашей беседе с Кировым вдохновил весь коллектив нашего завода на дальнейшие производственные успехи.

П. МАТЯЖКИН, Ф. С. КОПЕЙКИН
рабочие з-да имени Свердлова

ИЗОБРЕТАЙТЕ И УЧИТЕСЬ

На нашу долю выпало огромное счастье очень близко познакомиться с Сергеем Мироновичем, почувствовать на себе его исключительное внимание, его теплоту и заботу, которые он так просто и так хорошо умел оказывать.

В 1934 году заводу имени Карла Маркса было дано задание освоить производство сетевязальной машины французской фирмы Цанг. Эта машина по своей конструкции оказалась очень сложной, и была выдвинута задача создания своей, советской сетевязальной машины. Мы решили взяться за это дело.

Началась трудная, кропотливая работа. Первые неудачи нас не обескуражили. Мы понимали, что нам, самоучкам, сразу такую задачу не одолеть, но твердо верили в свой опыт, надеялись на него. Особенно нас вдохновляла мысль, что стране нужны такие машины, что их ждут тысячи трудящихся. Вскоре наша предварительная работа увенчалась успехом.

Когда была изготовлена уже небольшая рабочая модель машины, нам сообщили, что Сергей Миронович приглашает нас к себе в Смольный.

И вот, 21 октября 1934 года, сгибаясь под тяжестью модели, мы открыли дверь кабинета товарища Кирова.

Сергей Миронович сидел за столом. Он мгновенно поднялся и воскликнул:

— Давайте-ка я вам помогу, ребята. Тяжеловато, видно.

И он помог нам установить модель машины на стол.

Внимательно выслушав нас, Сергей Миронович стал тщательно осматривать наше изобретение и, оставшись, очевидно, довольным внешним видом модели, пустил ее в ход. Мы стали вращать ручку, и модель начала вязать сетку. Сергей Миронович остановил нас, принялся рассматривать механизм и сравнивать его с другими машинами в отношении кинематики.

После того как Сергей Миронович детально уяснил конструкцию, он взял ручку и начал вращать маховик, следя за работой модели:

— Сейчас попробуем, как ваша машина вяжет сети.

Он осмотрел ячейки, попробовал крепость сетки и одобрительно сказал:

— Если мы сможем освоить и реализовать это изобретение, то мы дадим хороший щелчок кое-каким иностранцам. Надо скорее запускать его в производство.

Окрыленные таким вниманием к нашей работе, мы обещали Сергею Мироновичу освоить машину в ближайший срок.

— Надо, чтобы она была лучше заграничной, — твердо сказал Киров, внимательно смотря на нас.

Потом он стал расспрашивать нас, где мы учимся и кем работаем. Мы ему ответили, что один из нас токарь, а другой слесарь, что мы учились, пока не принялись за изобретение, а сейчас забросили всякую учебу.

— Вот это плоховато, — сказал Киров. — Нужно успевать и учиться и изобретать. Нам до зарезу нужны люди, знающие технику, свои люди. А без учебы мы далеко не уедем.

Потом он заинтересовался, в каких условиях приходится нам изобретать, кто и как нам помогает, не тормозят ли нашу работу.

Мы не скрыли от Мироныча, что условия у нас для работы скверные: директор завода не придавал нашей работе никакого значения, работали мы в каком-то полуподвале, чуть ли не украдкой и, главным образом, по ночам. От работы в цеху нас не освобождали. Никакой практической помощи никто нам не оказывал.

Сергей Миронович остался этим очень недоволен.

— Это положение надо изменить, — сказал он. — Я буду сам следить за ходом вашей работы и помогать вам. А если встретятся какие-нибудь трудности, сообщайте мне.

Когда мы уходили, он крепко пожал нам руки и опять повторил:

— Давайте — работайте, а я буду вам всемерно помогать.

Почти на другой же день мы ощутили практически кировскую заботу. Директора точно подменили. Нас не только освободили от основной работы, но предоставили в наше распоряжение оборудованную лабораторию со штатом рабочих. Отныне все свое время мы могли отдавать совершенствованию своего изобретения.

Сергей Миронович в течение месяца трижды звонил на завод, справляясь, как идет реализация изобретения и не затирают ли нас какие-нибудь неполадки.

Мы обещали Миронычу сделать первую сетевязальную машину к Областному съезду Советов. Это обещание мы выполнили.

Любимому Миронычу не пришлось увидеть завершения нашей работы. Но мы отлично сознаем, что только благодаря его отеческой помощи и заботе нам удалось добиться всеобщего признания нашей машины: ее производительность в два раза выше французской, а стоимость несравненно ниже. Выпущенные 15 сетевязальных машин, работая в три смены, заменяют труд 50 тысяч рабочих.

Кировские теплота и заботливость вдохновили нас на дальнейшую успешную изобретательскую деятельность. В апреле этого года правительство наградило нас за изобретательскую работу орденом Трудового Красного знамени. Принимая эту высокую награду, мы поклялись работать для блага своей великой родины так, как учил нас работать Киров, которому мы целиком обязаны своими успехами и своими знаниями.

Орденоносец А. А. КАРАСИК,
орденоносец В. И. СЕМЕНОВ
рабочие з-да имени К. Маркса

НАГЛЯДНЫЙ УРОК

Все, кто встречался с Сергеем Мироновичем, наблюдал за стилем его работы, не мог не поражаться его умению доводить до конца всякое дело, которое он взял на заметку.

Однажды — кажется, летом 1934 года — рабочий турбинного цеха И. Е. Остряков ехал в трамвае на работу. У шлагбаума, совсем недалеко от Путиловского завода, трамваю пришлось остановиться минут на сорок: маневрировали какие-то товарные поезда.

Как раз в это время к шлагбауму подъехал на машине Сергей Миронович. Острякова товарищ Киров хорошо знал и раньше, потому что тот работал по совместительству в райсовете и Киров неоднократно вызывал его в Смольный для расспросов о деятельности кооперации.

Увидев на площадке трамвая Острякова, Сергей Миронович слез с машины и заговорил с ним:

— Надо, товарищ Остряков, что-нибудь с перемычкой сделать. Сколько времени здесь у народа зря пропадает.

Остряков, конечно, пожаловался, что из-за шлагбаума рабочие частенько не поспевают во-время на работу.

— Обязательно возьмемся за виадук, — сказал Киров.

И вот, вскоре после этой встречи, вызывают меня вдруг в партком. Я тогда временно выполнял обязанности парторга цеха. Вхожу в партком и вижу: около стола стоит Сергей Миронович, а на столе лежит небольшая свинцовая чушка. А надо сказать, что Сергей Миронович виделся и разговаривал однажды со мною в цеху. Но было это в 1930 году. Каково же было мое удивление, когда, поздоровавшись со мной, Киров спросил:

— Ты что, уже руководишь партийной организацией?

— Да, заменяю парторга.

— Ну, садись. Мне надо потолковать с тобою по важному делу.

Я сел. Сергей Миронович начал расспрашивать меня о трудовой дисциплине.

— Объясни, товарищ Скороход, почему у вас народ опаздывает?

— По разным причинам, — говорю, — опаздывает. Кто проспит, а кто и из-за шлагбаума опаздывает.

— А учет опаздывающих из-за перемычки ведется?

Признался я Миронычу, что учета собственно никакого нет.

— Невозможно, — говорю, — такой учет вести. Очень хлопотливо.

— Как невозможно? — удивился Сергей Миронович. — А ты Ленина читаешь?

— Читаю...

— А не встречал ли ты у Ленина такое определение: «социализм — это учет»?

— Встречал.

— Так как же ты после этого говоришь, что невозможно наладить учет всех причин опоздания? Займись этим делом во что бы то ни стало.

После небольшой паузы Киров продолжал:

— Рабочие вашего завода, в том числе и твоего цеха, очень часто опаздывают на работу из-за отсутствия перемычки. Да и другие заводы вашего района жалуются на это. Во что бы то ни стало надо построить на улице Стачек перемычку. А пока что сейчас же прокатайте 12 свинцовых чушек.

А наш цех никогда до сих пор не катал свинца. Я так и ответил Сергею Мироновичу: дескать, вряд ли мы сможем прокатать эти чушки.

Очень удивился моему ответу товарищ Киров:

— Как не сможете? Почему? Революцию сделали, белогвардейцев разгромили, а свинец прокатать не под силу! Да вы объясните рабочим, что это для перемычки. Ведь они же сами из-за того, что нет виадука, по полчаса на работу опаздывают.

Понял я тут, что немного поспешил с ответом. Посмотрел я внимательно на чушку — очень она мне мала показалась.

— Прокатать, — говорю, — можно, Сергей Миронович, но только она будет проваливаться.

— Я буду здесь, — отвечает Киров, — если что не выйдет, — звони сюда.

Из парткома пошел я прямо к начальнику цеха (он потом оказался врагом народа). Объясняю ему, в чем дело. Тот на дыбы:

— Пусть снимут программу, тогда буду катать.

Ладно, думаю, и без тебя обойдемся. Пошел я на стан, рассказал рабочим про задание Сергея Мироновича. Заведующий участком — коммунист-мастер говорит:

— Давай, сейчас прокатаем. Не с такими делами справлялись.

Подъехал трактор, и началась прокатка. Однако, как я и предполагал, чушки оказались очень короткими и проваливались. Тогда я позвонил в партком к Кирову. И что же? Сергей Миронович, нисколько не задумываясь, сразу же по телефону дал правильное решение задачи:

— Отправляй чушки сейчас же в кузницу. Пусть кузница их расплющит, они станут много шире и не будут проваливаться.

Я выполнил этот совет Кирова, и через час мы уже окончили прокатку.

Обрадованный, я поспешил в партком сообщить об этом Сергею Мироновичу.

— Ну как, прокатали? — встретил меня Киров.

— Прокатали, Сергей Миронович!

— Ну, вот видишь. А ты говорил, что не выйдет. Большевики, товарищ Скороход, прежде чем отказаться от полезного дела, должны вначале всеми средствами попытаться осуществить его.

Этот наглядный урок, данный мне Кировым, часто впоследствии помогал мне в затруднительных положениях. Очень часто, когда мне что-нибудь казалось невыполнимым, я вспоминал эти слова Кирова, и работа начинала итти без всяких осложнений.

М. Г. СКОРОХОД
рабочий Кировского з-да

МЫ С ВАМИ ЖИЗНЬ ЗАНОВО ПЕРЕКРАИВАЕМ

Это было много лет назад — кажется, в 1930 году. У нас на заводе «Красная Заря» зашел на рабочем собрании разговор о продовольственных затруднениях. Старые рабочие жаловались на очереди у магазинов, говорили о нехватке папирос и махорки, о перебоях в снабжении картофелем.

Докладчик попался нам какой-то бестолковый. Ничего понятно объяснить не мог, все больше ругал мировых буржуев. Слушали, слушали его старики, да и сказали:

— Все это верно, империалисты — сволочи, а только нельзя ли нам побеседовать с Мироныčем? Уж он, конечно, все знает и толком все объяснит.

Кирову сообщили об этом желании старых рабочих, и он через два дня назначил время для встречи. Сели мы в машину и поехали в Смольный. По дороге нам стало словно бы не по себе. Стали думать: у Мироныча большие дела, а мы едем к нему о махорке толковать. Приехали мы в Смольный, пришли в приемную, говорим секретарю, кто мы такие, а тот, оказывается, уже предупрежден.

— Входите, — говорит, — товарищ Киров вас ждет.

Прошли мы в кабинет. Сергей Мироныч встретил нас, как родных, с веселой добродушной улыбкой.

— Садись, — говорит, — рабочий класс, докладывай, как дела.

А сам не перестает улыбаться.

Кто-то из нас начал разговор, а Мироныч вынул из кармана эбонитовую коробочку с махоркой, свернул папиросу и закурил.

У рабочих аж слюнки потекли. Махорка! Уж сколько дней не могли мы достать ее на Выборгской стороне. Не выдержали мы соблазнительного запаха махорочного дыма.

— Где ты, Мироныч, — спрашиваем, — махорку достаешь? Поди, по блату? А вот мы так никак не можем ее раздобыть.

Сергей Миронович сконфузился и удивился:

— Не знал я, ребята, что вы без махорки сидите. Я себе покупаю в киоске у Смольного. Там всегда есть. Давайте — закуривайте!

И коробочка Мироныча пошла по рукам. Кто-то, закуривая, пошутил:

— Махорку-то, поди, при нас только куришь, а без нас «Казбеком» балуешься!

— Рад бы «Казбек» закурить, — улыбнулся Киров, — да доктора-мучители запрещают курить папиросы. Теперь-то я уже втянулся в махорку, так она мне лучше папирос кажется.

Гости наслаждались куревом. Эбонитовая коробочка опустела. Киров записал что-то в книжечку и огорченно сказал:

— Как же это я не знал, что в рабочих районах махорки нет. Я ведь очень часто хожу по магазинам, смотрю, как наша кооперация снабжает трудящихся Ленинграда. Только вот беда, словно на лбу у меня написано, кто я. Войдешь в магазин, начнешь присматриваться к кооперативным грехам — сейчас же какой-нибудь тип тут как тут: «Здравствуйте, Сергей Миронович!».

Мы засмеялись. Смеялся и Мироныч. Потом он пообещал лично заняться «махорочной проблемой». Обе-

щания своего Киров не забыл. Через день в киосках Выборгской стороны появилась долгожданная махорка.

Началась беседа о других нехватках. Киров внимательно слушал каждого и записывал возникавшие у нас вопросы. А затем стал нам отвечать. Говорил он долго, а мы, затаив дыханье, слушали его.

Он рассказывал нам и о строительстве, и о международном положении, и о партии. Все маленькие заботы о махорке, о картошке, об очередях предстали перед нами как-то по-новому. Ясно стало, что они неразрывно связаны с вопросами огромной политической важности.

— Подумайте, — сказал Мироныч, — бывало, раньше, когда крестьянин хотел самую захудалую избенку построить, он полжизни живот ремнем подтягивал, отказывал себе во всем. Деньжата копил и строил. А мы с вами такую громадную махину строим! Всю землю заново перекраиваем. Новую жизнь создаем.

Под конец беседы Киров повел нас в помещение, где находилась автоматическая телефонная станция Смольного, в то время еще единственная в Ленинграде.

— Вот товарищи, — сказал он, — это — дело ваших рук. Разве подобные автоматы раньше в нашей стране строили?

И он с жаром заговорил о той замечательной, богатой и культурной жизни, которая обязательно должна наступить через несколько лет.

Время летело незаметно. И когда Киров окончил беседу с нами, на дворе уже было совсем темно. Он провел с нами больше четырех часов. На прощанье, пожимая нам руки, Сергей Миронович сказал:

— Спасибо вам, товарищи, что зашли. Такие беседы мне очень помогают.

М. Н. СУХОЦКАЯ
станочница Ленинградского телефонного з-да „Красная Заря"

ЗАБОТЛИВЫЙ ХОЗЯИН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОРОДА

Когда мы асфальтировали и озеленяли Лесной проспект, Сергей Миронович был у нас самым частым гостем. Этот замечательный человек интересовался решительно всем, радовался нашим удачам, помогал нам справляться с трудностями, ликвидировать недочеты в нашей работе.

Особенно много внимания уделял Мироныч субботникам. Как только назначался субботник, я уже знал — сегодня будет Киров. И вот, помню, как-то раз 1200 рабочих Выборгской стороны, окончив свою работу на заводах, заполнили Лесной проспект. Они вышли на субботник, чтобы сделать главную улицу своего района красивой, удобной, нарядной.

Самое трудное в организации субботника заключалось в том, чтобы правильно распределить рабочую силу и обеспечить людей всеми нужными инструментами. Но я имел уже кой-какой опыт, и на этот раз все шло у меня гладко. Работа была в самом разгаре. Я решил пройти к Батениной улице, чтобы проверить, как идут дела на остальных участках.

Не прошел я и квартала, вижу — по другой стороне, в том же направлении, идет Мироныч. В своей, знакомой всем гимнастерке он весело шагает по Лесному, размахивая сложенным вдвое портфелем и чему-то улыбается.

Я наблюдаю за Миронычем и стараюсь по выражению его лица понять, доволен ли он нашей работой. Вот он остановился возле только что посаженных кустов, потрогал их, обошел вокруг, улыбнулся и зашагал опять. Снова насаждения, снова Мироныч критически осматривает каждый кустик и, повиди-

мому, довольный, энергично шагает дальше. Так мы доходим (он по правой стороне, я по левой) до Первого Муринского. Я подхожу к группе рабочих, останавливаюсь и хочу поделиться с ними радостной вестью о приезде Кирова. Но я не успеваю этого сказать, потому что вижу, как Сергей Миронович быстро переходит дорогу и направляется прямо к нам.

Он останавливается около нас и здоровается, как со старыми знакомыми.

— Это что, товарищи, общественность работает?

— Она самая, Сергей Миронович.

Киров все мгновенно подмечает. Он видит, что все рабочие, кроме меня, держат в руках инструменты.

— А вы кто? — обращается он ко мне.

— Бригадир общественного поста, член Совета — Алексеев.

Киров по своей привычке начинает немедленный «допрос».

— Сколько у вас, товарищ Алексеев, работает сегодня человек?

— 1200 человек.

— Изрядно, — одобряет Киров. — А как обеспечен народ инструментами?

— Обеспечены все, Сергей Миронович. Мы уже теперь кое-чему научились.

— Да и пора научиться, — серьезно говорит Мироныч. — У нас времени-то отпущено скупо, на минуты. Но за эти минуты мы должны научиться тому, что другие осваивали за годы. И освоим! — весело оглядывая изрытый Лесной, говорит Киров.

— От Совета ты один занимаешься благоустройством Лесного? — спрашивает Мироныч после небольшой паузы.

— Один.

— Ну, и как? Уверен, что уложишься в сроки?

— Если в отделе благоустройства Ленсовета не будут нам мешать, несомненно закончим, — говорю я.

— Это не ответ, — перебивает меня Киров. — Раз есть сроки, значит в них нужно уложиться.

И Мироныч неожиданно добавляет:

— А в Ленсовете, если мешают, надо кое-кого тряхнуть так, чтобы и другим неповадно было.

Долго глядел я вслед уходившему Миронычу. Хотелось работать так, чтобы в следующий свой приезд Сергей Миронович ушел от нас в прекрасном настроении.

Незадолго до Октябрьских праздников Мироныч вновь приехал в Лесной. Как всегда, он начал с беседы с рабочими. Киров подходил то к одной группе, то к другой, расспрашивал их о работе, шутил, угощал своей любимой махоркой.

Вскоре Киров подошел ко мне. Я стоял рядом с садовником и рассматривал только-что привезенные для посадки кусты. Посмотрев на кусты, Киров безошибочно определил:

— Да ведь это яблони.

— Это — дикая яблоня, — подтвердил садовник.

— Так... Хорошо придумано! Цветет уж очень она красиво.

Сергей Миронович медленно шел вдоль Лесного, знакомясь с ходом работ. Хотелось итти за ним следом, видеть выражение его лица, слушать его голос, ловить в его глазах чудесные искорки кировского веселья.

Через час-полтора после ухода Мироныча я пошел проверять посадку кустов. Она проходила вполне удовлетворительно, но в одном месте мне показалось, что работницы немного поторопились: кусты были посажены как будто не совсем ровно, да и земля была крупновата.

— Не вы ли эти кусты садили? — спрашиваю я работниц.

— Мы, а что?

— А то, что не совсем вы ладно посадили: кривовато малость, да и земля не того...

Работницы как набросятся на меня:

— Скажите, какой глазастый придира выискался! И посажено ему криво и земля крупная. А ты знаешь, кто нашу работу смотрел? Мироныч ее сейчас смотрел! И никаких нам замечаний не сделал. А Мироныч сквозь землю увидит, если что плохо!

Понял я, что попал впросак и поторопился уйти.

Когда мы заканчивали посадку кустов, Сергей Миронович приехал снова. Он прошел Лесной туда и обратно и остался очень доволен работой. Когда прощался со мной, крепко пожал руку и одобрительно сказал:

— Молодцы, товарищи, что выдержали сроки, по-большевистски работали!

Во время работ по благоустройству Лесного проспекта, мне не раз приходилось встречаться с Кировым и на жилищных строительствах. Помню, шел субботник на жилмассиве завода «Красная Заря». Я раздавал работающим инструменты, когда ко мне подбежал один из рабочих и взволнованно сказал:

— Товарищ Алексеев, Киров приехал!

Я поднял голову и сразу же увидел: к нам во двор с Лесного входит Мироныч. Долго ходил Сергей Миронович, осматривая строительство. Он подмечал все детали стройки, осматривал каждый уголок, интересовался «мелочами», вплоть до рисунков дверей.

Когда меня перебросили работать на Батенинский жилмассив, я узнал, что Мироныч уже был на строительстве и давал свои указания. Тем не менее, однажды

часов в 11 вечера, когда работа была уже закончена, Сергей Миронович снова приехал на стройку. Он спросил меня, как прошел субботник, сколько в нем участвовало депутатов, какую помощь оказывает субботникам райсовет, бывает ли кто-нибудь из руководителей райсовета на субботниках.

Некоторые мои ответы Мироныч заносил в записную книжку, с которой он никогда не расставался.

Встречался я с товарищем Кировым и на строительстве Бабуринского жилмассива и на строительстве городка текстилей.

На всю жизнь останется в моей памяти прекрасный образ изумительного большевика, простого и обаятельного человека, требовательного и заботливого хозяина великой социалистической стройки.

Ив. АЛЕКСЕЕВ
начальник цеха з-да имени Энгельса
депутат Верховного Совета РСФСР

У НАС НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ОКРАИН

В течение четырех лет я был членом Ленинградского Совета, работая в жилищной секции. Эта моя общественная работа позволила мне неоднократно видеться с Сергеем Мироновичем, разговаривать с ним, обращаться к нему с разными вопросами. Хочу сразу же сказать, что из всех членов Ленсовета Киров был самым аккуратным посетителем всех заседаний и пленумов. Он никогда не опаздывал к началу заседания, и все остальные члены Ленсовета также старались явиться на заседание во-время.

Мало того, что Мироныч участвовал в работе президиума Ленсовета, он почти всегда выступал в прениях,

а частенько и сам делал доклады. Как мы все любили эти блестящие выступления Кирова! С каким нетерпением ждали мы их, глубоко вбирая в себя каждое кировское указание, каждое его слово.

Огромное место в своих выступлениях Мироныч всегда отводил вопросам жилищно-коммунального хозяйства. Он требовал от нас любви к социалистическому Ленинграду, заботы и бережного отношения к городскому хозяйству, к улице, мостовой, мостам, домам, трамваям. Особенно возмущался Мироныч безобразным отношением к жилищному фонду:

— Живет человек в доме, — говорил Киров, — а думает, что приехал на постоялый двор: переночую, дескать, да и уеду дальше, а остальное меня не касается.

Помню, как в апреле 1932 года Мироныч выступил с большой речью на очередном пленуме Ленсовета. И опять, конечно, не забыл он коснуться вопроса о строительстве рабочих жилищ.

— До тех пор, — заявил Мироныч, — пока в каждом из нас не будет заботы об общественной собственности, до тех пор особых успехов мы в этом деле иметь не будем. Мы должны быть собственниками больше, чем любой капиталист: беречь каждую гайку, холить каждое звенышко народного хозяйства, помнить, что все это наше, завоеванное в кровавых боях.

Все подмечал Сергей Миронович, все видел и умел об этом так сказать, что иногда кое-кому хоть сквозь землю проваливайся! Очень не любил Киров болтунов и ленивых мечтателей. Уж так он их «брал в оборот», что им ничего другого не оставалось, как срочно приниматься за настоящую работу.

— Удивительное дело, — высмеивал их Мироныч, — спросишь, почему мостовые не починены? — Нельзя, — отвечают, — надо, чтобы снег растаял. — Снег растаял —

надо планировать. Пока планируют — опять снег или дождь. А в это время мостовые все разрушаются да разрушаются. А работнички наши — большой портфель подмышку — ходят вокруг да около да все спрашивают: а где тут генеральный план реконструкции всего города Ленинграда? На меньшее мы не согласны.

Вероятно, не было в Ленинграде ни одной крупной жилищной стройки, которую бы не посетил Сергей Миронович. Его посещения никогда не проходили бесследно. Он подмечал недостатки, тут же, на месте, разрешал важные вопросы строительства, беседовал с рабочими, инженерами, архитекторами. Киров не только давал конкретные указания, но и неустанно разъяснял всем строителям, от рабочего до главного инженера, каким вообще должно быть рабочее жилище в стране Советов.

— Забудьте, что у нас есть окраина, — говорил Мироныч. — Рабочая окраина должна быть застроена домами такими же красивыми и удобными, как и центральные улицы.

Когда Киров приехал на стройку жилмассива «Электросилы» и домов на Крестовском острове, попало тогда от него строителям изрядно:

— Кому вы строите такие коробки?! — возмущался Мироныч. — Пора нам отказаться от уродливого, серого стандарта. Рабочий требует, чтобы его окружала красота, а вы здесь возводите какие-то казармы!

Кирова видели во всех концах Ленинграда: и на жилмассиве для рабочих «Красной Зари», и в Лесном, и на Бабуринской стройке, и на Охте. Для Дома работников искусств по улице Красных зорь (ныне Кировский проспект) Мироныч сам выбирал цвет штукатурки. Осматривая строительство набережной Обводного канала, Сергей Миронович забраковал проект деревянных перил и потребовал, чтобы сделали металлические; тут же, на месте, утвердил он образцы тумб и решеток.

Уделяя огромное внимание большим стройкам, Миронович не забывал и мелкие дела. Он вообще считал, что «мелочи» — важное дело. Это отношение Сергея Мироновича к так называемым «мелочам» мне было хорошо известно. Бывало, бегаешь-бегаешь по какому-нибудь жактовскому делу, ничего не выходит: гоняют из учреждения в учреждение, волынят, отказывают. Ладно, — думаю, — есть человек, который мне поможет. И вот, как только соберется заседание Ленсовета, я Миронычу в президиум отправляю записку: «Сергей Миронович, помогите». Он записку прочтет и тут же на обороте напишет резолюцию.

Однажды был такой случай. Один водопроводчик из нашего цеха говорит мне:

— Аким Захарович, ты член Ленсовета, помоги. Ко мне из деревни дед приехал — совсем дряхлый старик. У него в деревне никаких родственников не осталось, вот он ко мне и заявился. А я человек холостой, одинокий и присматривать за ним совсем не могу: то на заводе, то на занятиях, то на общественной работе. Помоги мне устроить его в какой-нибудь дом для престарелых. Мне везде отказали.

— Ладно, — говорю, — попытаюсь. Напиши подробное заявление.

Встретился я вскоре с Миронычем в Ленсовете. Выбрал удобный момент, подошел к нему, подал заявление, а сам отошел в сторону, смотрю, что будет. Прочитал Киров заявление, передал его секретарю, а меня поманил рукой. Подхожу к нему.

— Вот, тов. Аракчеев, всегда так работай, — говорит мне Мироныч. — Не жалей себя для людей и будешь настоящим советским человеком, большевиком. А ко мне обращайся всегда, когда будет к тому нужда: тебя для этого и выбрали рабочие в Ленсовет, чтобы ты всеми способами защищал их интересы.

Сергей Миронович знал людей не только по фамилиям. Ему, например, было известно, что мой сын учится в Военно-Морском училище имени Фрунзе. Иногда при встрече, нет-нет, да и спросит бывало:

— Ну, а как моряк твой поживает? Поди, скоро капитаном будет!

Сбылись эти слова родного Мироныча. Действительно, сын у меня теперь капитан III ранга Военно-Морского Флота.

Вообще Киров неоднократно учил нас, членов Ленсовета, заботиться о подрастающем поколении. Он часто посещал школы, прекрасно знал, что в них делается, где учеба и воспитание поставлены хорошо, а где плохо. Помню, как он выражал недовольство тем, что некоторые из учителей не знают как следует географию. Особенно возмущался он, что еще кое-где у нас хромает учеба по русскому языку.

— Наши дети обязаны знать родной язык в совершенстве, — говорил Киров.

Беззаветно, горячо любили наши рабочие своего Мироныча. Его слова проникали до самых глубин человеческого сердца, ибо говорил Мироныч всегда об одном: о людях, о борьбе за прекрасную, радостную и свободную жизнь.

А. З. АРАКЧЕЕВ
рабочий з-да имени Сталина

ВАЖНА ПРАВДА, А НЕ КРАСОТА

При первой моей встрече с Миронычем на партийной конференции мы с ним поспорили немного. Он мне говорит:

— Выступай в прениях, расскажи, как у вас на «Красной Заре» дела.

А я ему:

— Не буду выступать, я не оратор, говорить не умею, да и боюсь.

— Чего бояться-то,—уговаривает Сергей Миронович.— Ты посмотри кругом, тут же свои все — коммунисты. Что же они, не поймут тебя?

А я опять свое: не буду, боюсь.

— Да что это ты,—удивляется Киров,—упрямая такая.

— Не пойду и не уговаривай, Сергей Миронович.

— Настойчива, настойчива! — улыбнулся Киров.— Только настойчивость такая пользы никакой не приносит. Вот если ты и в работе такое упорство проявляешь, тогда это подходяще, из этого толк получиться может.

Так я и не выступила в этот раз...

Помню, летом 1934 года иду я по Удельному проспекту к себе домой. Иду, не тороплюсь, смотрю, как рабочие проспект асфальтируют. Вижу — невдалеке от трамвайной остановки девушка-работница сидит и плачет. Оказывается, она только-только начала работать, и у нее пока ничего не получается. А некоторые рабочие упрекают ее за это, а кой-кто даже и смеется над ней. Только я хотела ее утешить, к остановке трамвай подошел, и с передней площадки сходит Сергей Миронович.

— Товарищи, — говорю я, — Киров к вам на трамвае приехал. Вон идет.

— Будет Киров такую даль на трамвае ездить! Разве у него машины нет?

Но это действительно был Миронович. Стал он обходить работы, с рабочими разговаривать. Вскоре дошел он и до девчушки. Видит — та в слезах. Он, конечно, не отошел от нее, пока не узнал, в чем дело. А как узнал, очень остался недоволен.

— Что же вы, — сказал он рабочим, — не можете научить человека такому простому делу? Смеяться над неумением — вредная вещь.

— Да ты не огорчайся, — обратился он к девушке.— Это дело нехитрое: смотри, как надо делать.

С этими словами Мироныч взял у нее из рук инструмент и стал показывать, как надо работать. Девушка — та сразу расцвела, как цветок на солнце. А рабочим, которые подшучивали недавно над работницей, очень стыдно стало.

Обратно Киров шел пешком до Второго Муринского. Я сопровождала его. Киров по своей привычке расспрашивал меня, что слышно на заводе, каковы у меня бытовые условия, как я сама работаю. Потом хитро так улыбнулся и спросил:

— Ну, а на собраниях ты теперь выступаешь? Прошел страх?

— Нет, — отвечаю, — не выступаю, никак не могу научиться говорить.

— А ты учись, — советует Мироныч. — Будешь выступать на рабочих собраниях и научишься. На худой конец, запрись в комнату и выступай вслух сама перед собой, — вот и будешь оратором. Помни, что когда выступаешь — важна правда, а не красота.

Перед тем как попрощаться, я пожаловалась Миронычу: работаю, говорю, мастером-выдвиженкой, а сама малограмотная. Не знаю, осилю это дело или нет.

А Киров мне:

— Если захочешь по-настоящему — осилишь. Не боги горшки обжигают. Не только до мастера, до начальника цеха можно квалифицированному рабочему дойти. Было бы желание учиться да работать.

— Да, как же, — говорю, — я ведь теории совсем не знаю.

— На первое время должны помочь свои заводские

теоретики. Это их прямая обязанность — выращивать кадры из рабочих.

Однажды побывала я у Кирова в Смольном и вот по какому делу. Была у меня знакомая молодая девушка. Ее из детдома взяла одна семья к себе в домработницы. Сколько-то месяцев она проработала, и хозяйка решила обойтись без нее. А ей деваться некуда, хоть ночуй на улице. Пришла она ко мне, заливается — плачет. Успокоила я ее, как могла, и говорю: «Переночуй у меня — утро вечера мудренее». Взяла я в тот день себе на заводе отпуск, да с утра и поехала вместе с девушкой к Кирову. Принял нас Киров, выслушал и говорит:

— Этому горю помочь не трудно. Разве на вашем заводе не нужны работницы?

Я говорю:

— Нужны и устроиться не трудно, да с комнатой-то как, ведь жить ей негде.

Взял Киров телефонную трубку, позвонил в какое-то общежитие, назвал фамилию девушки и просит, чтобы ее там устроили.

— Ну вот, — говорит, — все в порядке.

Начала я его благодарить, а Киров и говорит:

— Тебе спасибо, что заботишься о людях. И дальше так работай.

И еще раз видела я Мироныча. Было это утром, в начале девятого часа. Я проходила по Петроградской стороне мимо дома, где жил Киров. Вдруг вижу — выезжает машина, в ней Киров, а вокруг него 8—10 ребятишек. Все смеются, галдят, и Мироныч смеется. Остановилась я. Куда же это, думаю, везет их Мироныч? А машина сделала большой круг по улице и опять подъехала к дому. Ребята все горохом с машины посыпались, остался в ней один Мироныч. Шофер дал гудок. Ребятишки закричали:

— Дядя Киров! А когда завтра поедешь на работу?

— В это же время, — кричит им в ответ Мироныч.

Довольные ребятишки стали по квартирам расходиться. Одного мать за руку повела. Я подошла к женщине и спрашиваю:

— А что, часто Мироныч катает их?

— Да каждый день, — отвечает женщина. — Ребятишки так прямо сами не свои! С семи часов вскакивают с постели и к окну — не уехал ли без них дядя Киров. А как завидят автомобиль кировский, никакими силами не удержишь — кубарем на улицу.

Е. Р. ВАСИЛЬЕВА

работница з-да „Красная Заря"

„Это под его руководством отсталое, мелко-собственническое, крайне некультурное, нищее, дедовское сельское хозяйство Ленинградской области на базе коллективизации пошло вперед — Ленинградская область успешно превращается из потребляющей области в одну из крупных производящих областей Советского Союза".

А. А. ЖДАНОВ

СЛОВА ПРОСТЫЕ И ВЕЛИКИЕ

Стоял суровый январь 1930 года. Мы, 25-тысячники, собрались в уютном зале Выборгского дома культуры. Занавес заколыхался, и перед нашими глазами загорелись алые шелка знамен. В президиуме, со своей неизменной веселой и добродушной улыбкой на лице, сидел Сергей Миронович Киров.

Несколько слов председателя, и на трибуну поднялся любимый руководитель ленинградских большевиков. В зале зазвучала кировская речь. Шуршали по блок-нотам карандаши. Только бы не пропустить, только бы не забыть ни одного из слов дорогого Мироныча! Речь его, мужественная и страстная, зажигала нас. Это была боевая программа наших работ, в ней черпали мы силу и уверенность в победе.

Сергей Миронович говорил нам, чтобы мы, ленинградские пролетарии, которых партия посылает в деревню, не зазнавались, чтобы мы вникли в черновую работу, — только тогда нас будут ценить крестьяне и мы оправдаем доверие партии, возлагающей на нас серьезные, большевистские обязанности.

Он учил нас разрешать поставленные перед нами партией задачи о работе в деревне. Он учил нас бдительности, говорил о классовой борьбе, о формах этой борьбы, применяемых классовыми врагами — кулачьем.

И когда в зале прозвучали последние заключительные слова Кирова, трудно передать, что произошло. В зале гремела овация. Аплодисменты смешивались с приветственными криками.

Перед началом спектакля Сергей Миронович долго беседовал с нами, давал ценные советы. Он провожал нас, как самых дорогих и близких людей, как большевиков, которых он вырастил и воспитал.

Его речь была для меня мощной зарядкой. Она продолжала вдохновлять меня и на колхозной работе. В дни трудностей, неудач я всегда вспоминал пламенную речь Мироныча и ощущал внутренний подъем и бодрость. Его установки были для меня программой работы.

Когда я выступал на колхозных собраниях, мне вспоминалось дорогое, улыбающееся лицо Мироныча, его взор, его речь. Росли силы, росла уверенность в победе.

С тех пор прошло почти десять лет, но вечно останутся живы в памяти слова Мироныча, такие простые и такие великие.

Н. Г. КРАЙТ
начальник ремонтного цеха з-да имени М. Гельца

НА СЪЕЗДЕ КОЛХОЗНИКОВ

Много заботы и трудов отдавал Сергей Миронович сельскому хозяйству Ленинградской области. Испокон веков считалось, что наша область захудалая и сама себя прокормить не может. Враги колхозов, враги Советской власти пытались прикрыть этими разговорчиками свое стремление затормозить успешный ход коллективизации, развалить колхозы. Но не тут-то было. Ленинградские большевики устами своего руководителя Кирова твердо сказали: сельское хозяйство Ленинградской области должно превратиться из потребляющего в производящее. Пролетарский Ленинград должен быть обеспечен собственными хлебом и овощами.

Мироныча я слышал неоднократно, но особенно запечатлелось в памяти его выступление на съезде колхозников-ударников Ленинградской области и Карелии.

Съезд открылся во Дворце Урицкого. Я был делегирован на этот съезд от рабочих завода имени Карла Маркса. Когда я вошел в залу, он был переполнен. Полторы тысячи колхозников, знатных людей новой деревни, с нетерпением ожидали начала работы съезда. Это нетерпение росло благодаря уверенности в том, что на съезде будет Мироныч.

Меня выбрали в президиум съезда. К большому счастью, мое место в президиуме оказалось по соседству с Сергеем Мироновичем. А Сергей Миронович меня знал еще раньше. Как только он заметил меня, сейчас же поздоровался и назвал по фамилии. Мне потом говорили, что Киров знал большинство питерских стариков-рабочих не только в лицо, но и по фамилиям; больше того, он помнил цеха, в которых работали старики. И уж такой человек был Киров, что при встрече никогда не упускал случая, чтобы не расспросить рабочего про все заводские дела. Так и сейчас: Сергей Миронович сразу же начал задавать мне вопросы о заводе, о ходе изобретения наших рабочих Семенова и Карасика. Я просто диву дался его памяти. Ведь в Ленинграде уйма больших заводов, а Мироныч отлично знал, чем живет каждое производство, какие у кого ответственные заказы, где какие неполадки.

В течение трех дней Мироныч безвыходно присутствовал на съезде колхозников. Он не пропускал ни одного выступления ораторов, делал какие-то пометки на листочках, а иногда, когда выступавший говорил тихо, Киров приподымался со своего места, чтобы лучше расслышать оратора.

Во время перерывов Киров оставался с колхозниками. Он все время беседовал с делегатами, расспрашивал их о работе, о быте. Мироныч ездил вместе с колхозниками в Мариинский театр и на полигон.

... Товарищ Киров взошел на трибуну. Началось то, что бывало всегда, когда слово предоставлялось Ки-

рову, — овация, приветственные возгласы, длительные, несмолкаемые аплодисменты.

Сергей Миронович заговорил. Это была одна из кировских речей, которая совершала переворот в сознании людей, делала их задачи ясными, поступки целеустремленными. Мироныч умел найти слова, которые доходили до самого сердца и никогда не забывались. Перед Кировым сидели крестьяне, которые начали по-новому строить свою жизнь. У них были еще большие трудности, отсутствие опыта, а иногда и неуверенность.

Киров начал свое выступление с рассказа о победах первой пятилетки.

— Эти победы, — сказал Мироныч, — дали нам возможность распространить дело социализма на просторы крестьянских полей. В самых глухих местах, где еще вчера темный, суеверный крестьянин молился на пень и всю жизнь надеялся на небо, — сегодня там множество прекрасных сельскохозяйственных машин. Город послал на помощь деревне десятки тысяч лучших рабочих.

Колхозники слушали Мироныча, стараясь не проронить ни одного слова. Речь Кирова точно прожектором осветила всю жизнь колхозной деревни, влила бодрость в сердца делегатов и уверенность в правильности колхозного пути.

— Чему мы обязаны всеми успехами? — спрашивал Киров. И тут же отвечал:

— Прежде всего — коммунистической партии, единственной партии, которая защищает интересы трудящихся крестьян. Во-вторых, непоколебимому союзу рабочего класса с крестьянством, в-третьих, борьбе со всеми врагами народа.

Киров учил колхозников бдительности, большевистской напористости, коллективности в труде. В своих выступлениях он не подделывался к слушателям. Если того требовала действительность, он говорил сурово, прямо, без всякого стеснения. И на съезде колхозников Миро-

ныч критиковал некоторых делегатов за их раздвоенность.

— Бывает так, — рассказывал Киров, — что своя личная корова и напоена, и накормлена хорошо, и выдоена прекрасно, а вот как дойдет дело до колхозной живности, так каким-то образом получается, что корм у нее похуже и выдаивать ее трудно почему-то.

И когда Киров спросил:

— Бывает так, товарищи?

Делегаты дружно ответили:

— Бывает!

Это кировское свойство — знание всех мелочей — очень поразило делегатов.

— Откуда он это знает? — удивлялись они. — Ведь говорит, точно в мыслях читает!

Разъяснив делегатам все задачи колхозного строительства, Мироныч сказал:

— Нам не страшны козни наших врагов, угрозы империалистов. Мы знаем твердо, что будущее принадлежит не той эмблеме, на которой нарисован лев или орел с одной или двумя головами. Будущее принадлежит нашей эмблеме труда, которая нарисована на знаменах большевиков. Будущее принадлежит серпу и молоту.

Когда Киров закончил речь, делегаты, все как один, вскочили со своих мест, и раздалось такое могучее ура, что если бы его услышали наши враги, они лишний раз убедились бы в могуществе нашей партии, в беззаветной любви народа к ее славным вождям.

М. П. СОКОЛОВСКИЙ
слесарь-орденоносец з-да имени К. Маркса

ПИСЬМО КИРОВА

Наша партия направила меня на работу в деревню. Попал я в Сямженский район, где меня назначили инструктором райкомхозсоюза. Приступив к практиче-

ской работе, я сразу же увидел, что далеко не все партийные и советские организации района руководствуются в своей деятельности прекрасной статьей товарища Сталина «Головокружение от успехов». Сплошь и рядом мне приходилось сталкиваться с административным нажимом на единоличников, когда не в меру ретивые «коллективизаторы» подменяли глубокую разъяснительную работу начальственными окриками и угрозами. Все это, конечно, не только не способствовало внедрению в массы колхозных идей, а наоборот — явно мешало развертыванию коллективизации, приводило к перегибам.

Приехав по заданию райкома партии в Коростелевский сельсовет, я принялся за дело так, как учила нас партия: старался разъяснять крестьянам огромную пользу колхозов, доказывал им, что колхозы — верный и быстрейший путь к зажиточной жизни, навсегда избавляющий бедноту от эксплоатации кулака. При такой постановке дела я был убежден, что каждый единоличник, вступивший в колхоз, явится лучшим агитатором за колхозное дело. Практически так оно и было.

Однако, когда в райисполкоме через некоторое время получили сводку и обнаружили, что у меня коллективизировано только 23% хозяйств, меня вызвали в райсовет и начали журить. Обвиняли меня во всех смертных грехах, произносили разные страшные слова: саботаж, оппортунизм и проч. и проч. Я всячески старался доказать свою правоту, убеждая, что партия наша категорически осуждает подмену воспитательной и разъяснительной работы вредным администрированием.

Однако, чиновники твердили только об одном: 23% коллективизированных хозяйств являются, по их мнению, несомненным свидетельством моего неумения проводить в деревне правильную политику партии. Меня тут же освободили от работы в сельсовете и послали снова в райкомхозсоюз. Нечего и говорить, что отношение ко мне в районных организациях было весьма неважное.

И тут я подумал о нашем Мироныче. Я не забыл, как он учил нас, 25-тысячников, подходить к крестьянам.

— Надо, — говорил перед нашим отъездом Мироныч, — убеждать крестьян на примерах хорошей работы колхозов. Когда единоличник увидит, что в колхозе живется хорошо, он обязательно вступит в колхоз.

Вспомнив обо всем этом, я написал Сергею Мироновичу письмо. Сообщил ему, что я — питерский рабочий, посланный волею партии для работы на Север, в деревню, описал всю обстановку и просил разъяснить мне некоторые вопросы коллективизации. Отправил я письмо, а потом спохватился: где Мироныч найдет время отвечать лично всем на письма. К нему же, вероятно, пишут тысячи! Но не прошло и нескольких дней, как я, к великой моей радости, получил от товарища Кирова подробный ответ. Прав, конечно, оказался я. Сергей Миронович писал, что администрирование в вопросах коллективизации может привести к разрыву нашего незыблемого союза рабочего класса с крестьянством, тепло советовал мне быть мужественным, добиваться своего, не падать духом. Дальше Мироныч писал, что во всяком серьезном деле бывают и неудачи. Но они не должны смущать большевика: нужно спокойно и упорно драться за успех. Киров убеждал меня увязывать свою работу с райкомом партии.

Это письмо меня прямо переродило. Я вновь обрел энергию. С письмом в руках влетел я в райком и в райсовет и прочел его несколько раз вслух. Понятно, что после кировского письма все пошло по-другому. Я больше ни на секунду не сомневался в своей правоте и с утроенной энергией принялся за работу. Ясные, правдивые слова Кирова указывали мне путь и ободряли меня в моменты временных неудач.

А. С. ДЕНИСОВ
парторг экспериментальной мастерской полиграфического з-да имени Макса Гельца

ВАША ЖИЗНЬ НУЖНА ПАРТИИ

В то лето моя болезнь обострилась. Я ходил от врача к врачу, из комиссии в комиссию, пока не выяснилось, что у меня туберкулез третьей стадии и что мне нужно переходить на инвалидность. Однако, я решил сразу не сдаваться. Ни на какую инвалидность я не перешел и продолжал работать на «Большевике». С каждым днем мне становилось все хуже и хуже. И теперь мне ясно, что все это кончилось бы для меня очень плохо, если бы не одно обстоятельство.

Как-то, придя домой, я нашел письмо. Меня срочно вызывали в Областной комитет партии. В письме были указаны номер комнаты и фамилия работника, к которому мне нужно было явиться. В назначенный час я был в Смольном. Вызвавший меня работник (позднее он был разоблачен как враг народа) предложил, вернее — приказал мне выехать в ближайшие три дня на работу в деревню. Я начал возражать, рассказал о своей болезни, сослался на инвалидность, показал заключение врачей.

Все эти возражения прошли мимо моего собеседника. Со скучающим видом он протянул мне направление в деревню и отчеканил:

— Вас посылает партия и, если вы хотите оставаться членом партии, поменьше разводите здесь споров. Не важно, что вы больны. Каждый коммунист обязан отдать свою жизнь за партию.

Я продолжал спорить. Тогда мне было заявлено в самой категорической форме:

— Либо поезжай через три дня в деревню, либо распрощайся с партийным билетом.

Я вышел в коридор Смольного, подавленный и злой. У меня не было сил итти домой. Я присел на подоконник. И тут меня осенила счастливая мысль — пойти к Кирову. Через несколько минут я был уже в приемной Сергея Мироновича. Я сказал, секретарю, что меня

направляют на работу в деревню и что я перед отъездом хочу поговорить с товарищем Кировым. Секретарь взял у меня направление и вошел с ним в кабинет Кирова.

И вот я у Сергея Мироновича. Он внимательно смотрит на меня и предлагает садиться. Перед ним лежит мое направление.

— Это хорошо, что вы пришли поговорить перед отъездом, — говорит мне Мироныч. — Давайте, выкладывайте, какие у вас есть вопросы и сомнения.

И тут я рассказал Сергею Мироновичу все: о своей тяжелой болезни, о разговоре с работником, вручившим мне направление, о его угрозах. Когда я сказал, что он требовал от меня пожертвовать для партии жизнью, Сергей Миронович удивленно поднял вверх брови.

— Требовал пожертвовать жизнью!? — воскликнул он недоверчиво. — Да вы, вероятно, не так его поняли!

— Я вам передал, Сергей Миронович, все в точности.

— Я выясню, что это за странный разговор. Не представляю себе, чтобы работник Областного комитета партии мог бы нести такую дичь. — Мироныч взглянул на мое направление: — А теперь расскажите, как идут дела на заводе.

Я перешел к заводским делам. Когда я изложил все, что знал, Киров встал с кресла, прошелся по кабинету, остановился около моего кресла и вдруг сказал:

— Ну, а теперь, товарищ Моисеев, расскажите о себе: где вы росли, где работали до «Большевика».

Я рассказал Миронычу, что я вырос без отца и матери. В 1909 году сбежал от деревенской голодной жизни в город и с тех пор все время работал на питерских заводах.

— Боюсь только, что теперь из-за этой проклятой болезни придется мне расстаться с привычной заводской работой.

— Что ты себя заживо хоронишь! — вдруг сердито перебил Киров. — Да ты знаешь, каким должен быть

большевик? Большевик должен уметь и смерти показать кукиш!

Киров прошел к своему креслу, сел и заговорил спокойным, каким-то проникновенным голосом:

— Слушай меня, товарищ Моисеев. Когда это нужно, когда нет другого выхода, тогда коммунист имеет право умереть за великую свою партию. Но в первую очередь коммунист обязан жить. Творить и жить до ста лет! Там (Киров указал рукой в сторону коридора) тебя по преступному недомыслию убеждали ехать в деревню, чтобы жертвовать, якобы, для партии своей жизнью. А я тебе говорю, что ты должен ехать, чтобы жить. Чтобы жить и быть здоровым. Твоя жизнь, жизнь рабочего, коммуниста, нужна партии, нужна нашей стране.

Огромное волнение охватило меня при этих простых словах Кирова. Я смотрел в его ясные глаза и чувствовал, что перерождаюсь: Мироныч мне сказал, что моя жизнь нужна стране. Никто, никогда не говорил мне таких прекрасных и бодрых слов. Я должен жить теперь, — думал я, — я должен показать смерти кукиш!

— И вот, товарищ Моисеев, я посылаю тебя в деревню, чтобы ты поправился там. Не утруждай себя там разными нагрузками. Будешь вести политическую работу в Островском районе, в совхозе «Красные Казаны». Бывай чаще на воздухе, питайся во-всю, пользуйся солнцем, ешь побольше овощей, фруктов и — увидишь — почувствуешь себя в сто раз лучше, чем в Ленинграде.

Я сидел, почти до слез растроганный заботой этого большого человека ко мне, рядовому члену партии, ничем себя не проявившему.

— Я все сделаю, Сергей Миронович, все, что вы прикажете, — едва сдерживая волнение, проговорил я.

— Я тебе ничего не приказываю, — улыбнулся Киров. — Сейчас я хочу с тобой поговорить немного

о твоей работе. Имей в виду, что ты обязательно столкнешься на месте с вражеской, кулацкой деятельностью. Кулак еще жив. Он сменил личину, но он дышит. И обнаружить сегодня врага не легко. Сегодня у кулака и брюхо подтянуто, и сапоги бутылками он не носит, и цепочки на животе нет. Сегодня он даже иногда имеет партийный билет в кармане и на всех собраниях обязательно громит контрреволюцию. А на деле наши враги, сменив личину, пытаются взорвать нас изнутри, восстановить колхозников против Советской власти, т. е. попросту работают на капиталистов. Все это ты должен помнить ежедневно, смотреть в оба и не благодушествовать. Приглядывайся к народу внимательно не по анкетам, не по партийному билету, не по словесным декларациям, а только по их делам. Не бойся выводить на чистую воду лодырей и жуликов, на какой бы ответственной работе они ни находились. Всегда доводи все до конца. Поинтересуйся сельской кооперацией. Там у нас еще не мало контрреволюционеров, воров, проходимцев. Не даром бывшие эсеры и меньшевики подозрительно любят работать в кооперативных органах.

— Что же еще тебе сказать на прощанье? — Мироныч опять поднялся с кресла и взял в руки мое направление. — Совхоз, в который поедешь, свиноводческий. Дело это необычайно важное. Рабочие должны, как можно скорее, иметь нужное им количество мяса и, в первую очередь, питательную свинину. Но для этого необходимо позаботиться об уходе за свиньями, о подборе добросовестных, любящих и знающих свое дело людей.

...Я ушел от Кирова окрыленным, новым человеком.

На другой день я был уже в районе. Напутственные слова и советы Мироныча явились для меня программой всей моей работы в деревне.

В совхозе я застал неприглядную картину. Возглавляли совхоз члены партии, которые только разводили

руками, заседали, выносили хорошие постановления, сыпали выговоры, но ничего практически не делали, чтобы улучшить работу совхоза. Помня слова Кирова о притаившихся врагах, я начал приглядываться к людям, наблюдать за системой их работы, и вскоре у меня не осталось никаких сомнений: в совхоз пробрались вражеские последыши. Я отправил собранный мною материал в прокуратуру, и судебное следствие вскоре подтвердило мои подозрения. В совхозе и районе орудовали бывшие зиновьевцы вкупе с бывшими белогвардейскими офицерами. Некоторые считались коммунистами, обманув партийные органы и власть.

Так очень скоро сбылись слова Кирова.

Сбылись слова Мироныча и обо мне. Проработав в совхозе полтора месяца, я решил проверить свой вес. Оказалось, что за шесть недель я прибавил семь килограммов. С каждым днем я чувствовал себя лучше и лучше. Из инвалида я превращался в полноценного, полезного своему государству человека.

Когда в совхоз пришла весть о зверском убийстве Сергея Мироныча, я не в силах был этому поверить. Мне казалось все это каким-то диким сном. Открылся траурный митинг. Я вошел на трибуну и вдруг почувствовал, что сейчас у меня польются слезы. Хотелось сказать такое, чтобы выплакать всю боль. Но не было сил произнести ни одного слова... Горло мое свела судорога... Я простоял на трибуне несколько секунд молча, не сказав ни слова, заплакал и сошел вниз...

Теперь я опять работаю на заводе. Я никогда не забывал, не забываю и не забуду, что жизнью своей я обязан Кирову. Об этом знают и мои дети, которым никогда не надоедает слушать мой рассказ о встрече с лучшим учеником Сталина — Сергеем Мироновичем Кировым.

Ф. М. МОИСЕЕВ
рабочий з-да „Большевик"

„Киров был источником неисчерпаемой энергии, аккумулятором, дававшим лучистую энергию, большевистскую искру, творческую инициативу, которая воодушевляла массы".

А. А. ЖДАНОВ

ВСТРЕЧА В КАЗАХСТАНЕ

Осень 1934 года Казахстан встретил печальными, можно прямо сказать, позорными результатами. Прекрасный урожай пшеницы погибал на полях — местные руководители оказались беспомощными. Машины стояли в бездействии, рабочих рук нехватало, о дисциплине некоторые рабочие и колхозники имели очень смутное представление.

Прошло уже несколько месяцев, как я, рабочий города Ленина, работал по заданию партии в Сталинском районе Казахстана. Я был назначен начальником мастерских МТС. В Сталинском районе зернопоставки проходили ничуть не лучше, чем в других районах Казахстана. Уже миновало больше половины сентября, а колхозы обмолотили всего 12% зерна и сдали около 17% зернопоставок. Политотдел МТС подменял подлинную массовую работу пустой трескотней и шумихой. Так продолжалось до 23 сентября.

Не помню почему, я пришел в этот день в мастерские позже обычного. Только что собирался я натянуть спецовку, как ко мне подошел один из мастеров. Он сообщил, что меня срочно вызывает к себе начальник политотдела. Когда я вошел в комнату политотдела, я застал там какое-то совещание. Прислонившись к стене, сидел человек, который показался мне страшно знакомым, точно я его видел вчера или позавчера.

— Вот и Уланов, — сказал начальник политотдела (тоже ленинградец). — А к нам, товарищ Уланов, приехал наш земляк — Сергей Миронович.

Киров, ни слова не говоря, указал мне глазами на

свободный стул, и я сел. Совещание, очевидно, только что началось. До этого времени редкий день в политотделе проходил без заседания, но ничего похожего на сегодняшнее не было. Киров задавал вопросы. Начальник политотдела отвечал.

— Как проходит уборка хлеба?

— Довольно хорошо, удовлетворительно: сеем, возим, веем.

— В каких, конкретно, колхозах, сеят, возят, веют?— нажимает Киров.

Начальник политотдела называет несколько колхозов, в том числе колхозы Голощекино, Гуляй-поле, Козл-ту.

Я слежу за лицом Кирова. Киров хмурится и ни на кого не смотрит.

Когда начальник политотдела умолк, я по лицу Кирова понял, что сейчас будет гроза.

И действительно. Киров вытащил из кармана шинели блок-нот и в абсолютной тишине, резко отчеканивая слова, прочел:

— В колхозе Гуляй-поле молотилки стоят без работы. В колхозе Голощекино у молотилки расплавлены подшипники. В колхозе Козл-ту трактористы на абсолютном простое.

Киров прячет блок-нот и почти тихим голосом спрашивает:

— Это, что ли, по-вашему, называется «сеем, возим, веем»!? — И вдруг с силой ударил кулаком по столу:

— Самообманом занимаетесь, товарищи руководители! Вы, вероятно, думаете, что вы Кирова обманываете? Вы страну обманываете! Вы себя обманываете! Какие вы к чортовой матери хозяева, если не знаете, что у вас в кармане делается!!!

Припертый к стене, начальник политотдела бормотал что-то несвязное о погоде:

— Три дня идут дожди... Непроезжие дороги... Невозможно попасть в колхозы...

Киров досадливо развел руками:

— Насчет «невозможно» вы оставьте! А как же я туда попал? Для меня другую что ли дорогу вымостили?

«Покончив» с начальником политотдела, Киров начал беседовать с агрономом и директором МТС.

— Чем вы объясняете задержку хлебоуборок? — спросил он директора.

— Видите ли, — мямлил директор, — колхозы у нас теперь зажиточны, колхозники обеспечены хлебом надолго... Вот они и не хотят работать...

— Вот оно что, — ехидно удивился Киров. — Колхозники, значит, виноваты. А я, грешный человек, думаю, что вина лежит на вас всех, на местных руководителях.

Повернувшись ко мне, Киров спросил:

— Вы кто?

— Начальник мастерских МТС.

— Как дела в мастерских?

— Как будто ничего.

— Пройдемте в мастерские, посмотрим, что вы называете «ничего».

Вдвоем с Кировым мы вышли из здания и направились в мастерские. Пройти нужно было метров 100—150.

— Что тормозит работу? — интересовался дорогой Киров.

Я пожаловался: очень мало инструментов, почти совсем отсутствуют настоящие квалифицированные рабочие. Вместо того чтобы заниматься организацией работы, очень часто приходится самому становиться за станок.

Слушая меня, Киров замедлил шаг и вдруг остановился:

— Как твоя фамилия? — спросил он неожиданно.

— Уланов...

— Слушай, товарищ Уланов, — рука Сергея Мироновича очутилась на моем плече, — в 1917 году рабочие

с палкой и камнем в руках отобрали власть от вооруженной до зубов буржуазии. Отстаивая революцию, пролетариат годами жил на осьмушке хлеба. Пролетарскую революцию рабочий класс и бедняки-крестьяне отстояли. И теперь мы обязаны работать не менее героично. Мы обязаны во что бы то ни стало построить здание, в котором всем будем житься светло и беззаботно. Согласен ты со мной, товарищ Уланов?

— Вы правы, Сергей Миронович...

— А теперь пойдем в парк.

Когда Киров кончил осматривать парк, он взглянул на меня и весело сказал:

— Эх, Уланов! Да в девятнадцатом году мы в таких парках паровозы строили бы, а ты тракторы затрудняешься ремонтировать! Проводика-ка меня лучше в мастерские.

— Образование у меня маленькое, — горевал я по дороге. — Опыта еще недостаточно. А райком взял да и послал меня на такую ответственную работу.

Киров посмотрел мне в упор в глаза и настойчиво спросил:

— Ну и что же, ошибся в тебе райком? Ошибся или нет, скажи сам?

— Я работаю честно, думаю, что райком сделал все-таки правильно, что послал меня на эту работу.

— Ну, вот видишь, — широко улыбнулся Киров.

В мастерских Киров разговаривал с десятком рабочих. Он задавал различные и порой самые неожиданные вопросы: одного он спрашивал, как он проводит обеденный перерыв, другого — грамотный ли он, третьего — о красном уголке, четвертого — о заработке, пятого — о семье.

Обрадованные казахи степенно и пространно отвечали Кирову, почтительно следя за каждым его шагом.

Обойдя мастерские, Киров уже отчетливо знал все, что делается на моем участке работы.

— Работать можно много лучше, товарищ Уланов, — говорил мне Мироныч. — Надо только по-большевистски, как нас учит Сталин, прислушиваться к голосу рабочих, к их требованиям. Местные руководители, видать, уже сжились со многими недостатками, а ты человек новый, свежий, молодой. Ты воюй! Вот я, например, узнал от сборщика моторной группы, что у вас в столовой нехватает ложек. Мало того, что у вас до сих пор едят деревянными ложками, так за ними, оказывается, нужно еще охотиться во время обеда...

Чувствуя себя виноватым, я молчал. Не знаю, как истолковал мое молчание Сергей Миронович, но только он остановился, прищурил слегка глаз и продолжал меня убеждать:

— Ты вдумайся в мои слова. Ложки — это мелочь. Но когда человек хочет есть, а есть нечем — он имеет право быть недовольным. Ну что тебе стóит, когда ты бываешь по делам в городе, зайти мимоходом в магазин и купить ложки!

Мне было очень стыдно, что я до сих пор так равнодушно относился к работе столовой, и я тихо пробормотал:

— Простите меня, Сергей Миронович...

Киров рассмеялся:

— Простите! Да что я тебя наказываю что ли? Я же тебе просто совет даю!

Энергия Кирова сотворила чудеса. Имя его было у всех на устах. Из колхозов двинулись хлебные обозы. Обозов было столько, что зернопункты не успевали принимать хлеб. Множество машин и телег, нагруженных зерном, с нетерпением ждали своей очереди. Но и здесь Сергей Миронович быстро перестроил старые методы работы. Киров бросил клич комсомольцам; в помощь комсомольцам двинулись все свободные рабочие. Приходили даже старики и пожилые женщины. Бывали моменты, когда Киров, сбросив с себя шинель и оставшись в гимнастерке, сам помогал разгружать машины.

Так, в течение шести дней, Сергей Миронович днем объезжал колхозы и поля, а большую часть ночи проводил на зернопункте.

...Шесть тысяч километров отделяют Ленинград от Казахстана, где находилась наша МТС. Рано утром 2 декабря 1934 года услышали мы по радио ужасную весть. В Казахстане бушевал свирепый буран, мороз леденил дыхание, снегом замело все дороги. Но со всех концов широкой степи, поселков и аулов к районному Совету тянулись толпы людей с опечаленными лицами. Весь день рабочие и колхозники поднимались один за другим на трибуну, оплакивая гибель лучшего ученика великого Сталина, проклиная трижды презренных убийц, наймитов капиталистических разведок.

До сих пор я вижу перед собой восьмидесятилетнего казаха, слышу его речь. Он взошел на трибуну и от волнения несколько секунд молчал. А потом сказал по-казахски только две фразы:

— Когда мне приходилось резать для пищи ягненка, я от жалости отворачивался и закрывал глаза. Пусть мне покажут убийцу Кирова, и я с наслаждением всажу пулю в его гнусное, грязное сердце, если оно только у него есть!

Так сказал старый казах, видевший один раз нашего Мироныча.

И. Т. УЛАНОВ
рабочий з-да имени Егорова

ДВЕ ПОЕЗДКИ

Я работал поваром в Смольном. В июне 1933 года я получил распоряжение заготовить в отъезд продукты.

— Будешь кормить на пароходе человек восемьдесят.

— А сколько времени, — спрашиваю, — кормить придется?

— Да дней 7—8. Поедешь по Беломорканалу.

Кого придется кормить, я не спрашивал, а сразу же принялся за подсчеты, что из продуктов надо взять в Ленинграде, а что можно достать на месте. Поехал я осматривать кухню и кладовые на пароходе (пароход назывался «Анохин»), а там нет никаких усовершенствований для хранения продуктов, даже ледник отсутствует. Приказал я заготовить под ледник обыкновенный бак, сделал еще кое-какие распоряжения по кухне. Стал ждать дня отъезда.

В начале июня я получил приказание погрузить продукты на пароход; подобрал я в помощь себе нескольких поваров и уже никуда больше с парохода не отлучался.

Ночевал я на пароходе. Утром вышел на палубу, смотрю — подъезжают машины. Вгляделся я в пассажиров и глазам своим не поверил! Это были Иосиф Виссарионович Сталин, Сергей Миронович Киров и Климент Ефремович Ворошилов. Так вот кого я должен кормить! Ну, — говорю я себе, — «потребитель» у тебя, товарищ Кузьмичев, серьезный. Это тебе экзамен по первому разряду!

Испытание наступило сразу. Не успел я притти в себя, как пароход уже отчалил, а через некоторое время пассажиры попросили обедать. Меню на первый обед я составил еще накануне, не зная, кого я буду кормить. Теперь же я быстро приспособил обед по-домашнему: положил в суп мясо, поджарил быстро пирожки, подал

все это и стал ждать, что будет. Но ничего не случилось. Обед кончился, и никто никаких неудовольствий не выражал.

Вечером того же дня мы уже шли по Ладожскому озеру. Я стоял у борта и все думал, как бы мне не оскандалиться: вкус Сергея Мироновича я знал, а что любят и чего не едят товарищи Сталин и Ворошилов — об этом я не имел никакого представления. «Надо, — думаю, — как-нибудь поделикатнее спросить об этом у Сергея Мироновича». И только я так подумал, смотрю — подходит ко мне товарищ Киров. Стал рядом со мной у борта, помолчал немного, а потом говорит:

— Обрати серьезное внимание на пищу, товарищ Кузьмичев. Чтобы все продукты были абсолютно доброкачественные. Надо, чтобы твой новый «потребитель» остался довольным во всех отношениях.

Понял я, конечно, про какого потребителя говорит мне Сергей Миронович. Мигом соображаю, что надо воспользоваться случаем.

— Сергей Миронович, — говорю я, — вот ведь беда: не знаю я вкуса Иосифа Виссарионовича. А без этих знаний в нашем деле работать невозможно.

— Ну, — отвечает Киров, — тут особо мудрствовать не надо. Товарищ Сталин в пище не требовательный. Старайся, чтобы все было вкусно, а главное, не глуши одинаковыми блюдами.

Вскоре потребовался чай. Я на всякий случай захватил из Ленинграда небольшой самовар. Мое появление в салоне с необычным для парохода самоваром в руках вызвало большое оживление. Все принялись шутить. Иосиф Виссарионович рассмеялся и, набив трубку, сказал улыбаясь:

— Это сверх всяких ожиданий!

После чая — было уже совсем поздно — Сталин, Киров и Ворошилов вышли на палубу, уселись там и начали о чем-то беседовать. Ночь была светлая, тихая,

и они просидели на палубе часов до трех утра. Да и мне, надо сказать, не спалось: очень я был взволнован такой встречей. Разошлись они часа в три ночи, а в половине пятого утра Сергей Миронович, как ни в чем не бывало, вышел пройтись по палубе. Увидел меня, спрашивает: — Спал, Кузьмичев?

— Спал, — обманул я Кирова. «Скажешь, думаю, что не спал, так он пошлет отсыпаться, а в это время кто-нибудь попросит чая или кофе — лучше уж я сам приготовлю».

Вскоре, часов в семь, встали и поднялись наверх товарищи Сталин и Ворошилов. Все трое о чем-то весело разговаривали. Я выбрал удобный момент, подошел и спросил, не желает ли кто-нибудь чая или кофе.

— Я думаю, мы часок погуляем, подышим благодатным воздухом, а потом уже давайте, — ответил мне за всех Иосиф Виссарионович.

Я отправился приготовлять завтрак.

Днем я столкнулся с Кировым. Он поинтересовался, как я кормлю всю команду парохода.

— По-моему, вполне хорошо, — сказал я. — Продукты для всех из одних запасов.

— Корми так, чтобы ребята были довольны. Все должны быть здоровы. Квасу, на всякий случай, в жару не давай, — распорядился Киров.

Сергей Миронович умел уловить настроение человека по одному взгляду. Просто удивительно — прозорливец какой-то! Я это давно уже замечал, а в эту поездку опять убедился. Однажды, за 20—30 минут до обеда, ко мне подошел один из московских ответственных работников и почему-то приказал заменить одно блюдо другим. А у меня уже все готово было и оформлено. В несколько минут хорошего блюда не изготовишь. Я, конечно, взволновался, и весь день мне было не по себе. Это мое состояние не укрылось от Сергея Мироновича. Он подошел ко мне:

— Тебе никто не мешает, Кузьмичев?

— Никто не мешает, — отвечаю.

Но Кирова не так-то легко было провести. Он мне не поверил, начал допытываться стороной, от других, почему у меня такое состояние. Кто-то ему, вероятно, обо всем и рассказал. Так или иначе, а знаю только, что товарищ Сталин сам сказал этому москвичу при мне:

— Не мешайте ему работать. Вы его только будете сбивать.

Прошло уже четыре дня, как мы выехали из Ленинграда. Запасы свежих продуктов стали истощаться, а разные консервы и копчености приелись. А у меня был очень хороший картофель. Тогда я решил подать в виде закуски перед обедом традиционное русское блюдо: печеный картофель с солью и селедку. Задумано — сделано. И вот наступает час обеда. Все мои «потребители» очень веселы, шутят между собою, да и надо мной посмеиваются, что закуски на столе никакой нет.

Тогда я подал знак официантке, и она внесла сковороду. Тут я почему-то заволновался ужасно: а вдруг, думаю, не понравится такое блюдо. Подумают, что я ничего лучше и придумать не мог.

Вдруг Иосиф Виссарионович посмотрел на сковороду и так это строго спрашивает меня:

— А это что такое?

Тут я, признаться, немного смутился:

— Это, — говорю, — традиционное русское блюдо: печеный картофель.

А товарищ Сталин поднял не спеша вверх указательный палец и воскликнул:

— Это опять сверх всяких ожиданий!

Сергей Миронович громко рассмеялся. Смеялся и товарищ Ворошилов.

Все ели новое блюдо с таким удовольствием, что

пришлось его повторить несколько раз. Этот картофель очень облегчил мне работу.

Во время пути Иосиф Виссарионович, Климент Ефремович и Сергей Миронович много времени проводили на палубе. Иосиф Виссарионович все время разгуливал под руку с Сергеем Мироновичем, а товарищ Ворошилов, как заметит на озере какую-нибудь цель, сейчас же стреляет в нее. Бил почти без промаха.

Когда пришли в Повенец, можно было уже вполне судить о всем Беломорском канале. Иосиф Виссарионович был, должно быть, очень доволен. Он подошел к Сергею Мироновичу, крепко пожал ему руку и при всех обнял и поцеловал его.

У всех у нас было какое-то праздничное настроение. Иосиф Виссарионович всех поздравил с новым ценным вкладом в социалистическое хозяйство.

Отпраздновали открытие Беломорского канала и отправились дальше. Через несколько дней нужно было возвращаться. Товарищу Сталину был подготовлен поезд, но Иосифу Виссарионовичу так понравилось на пароходе, что он не захотел возвращаться никаким другим способом.

В Шлиссельбург мы приехали около пяти часов утра. Ко мне подошел Сергей Миронович и приветливо сказал:

— Ну, товарищ Кузьмичев, все было очень хорошо, все остались довольны.

Так закончилось мое самое счастливое путешествие. Это было в июне 1933 года. Вот с этих-то пор я и уверовал в свое поварское уменье.

Вскоре счастье привалило мне вновь. Мне доверили заботиться о Сергее Мироновиче во время его поездки по Казахстану.

2 или 3 сентября, в половине одиннадцатого утра, на вокзал приехал товарищ Киров. Из машины вынесли массу книг — тюка три. Я занес их в вагон. Как только поезд тронулся, Сергей Миронович принялся за разборку

книг. Вечером, часов в семь, я подал Кирову обед. Сергей Миронович в пище был очень скромен. Супов вообще никогда не ел. Очень любил болотную рыбу — лещей, окуней, язей — и гречневую кашу. К белорыбице был не только равнодушен, а просто не любил ее. И вот, когда я подал ему на третье мороженое, Киров очень удивился, что я в поезде, выполняя сразу обязанности и повара, и истопника, и официанта, успел скрутить мороженое.

— Ну, с таким комфортом, — сказал мне Киров, — можно ехать хоть на край света.

Всю дорогу он читал книги. Я хотел было расставить их, но Сергей Миронович не разрешил, сказал, что разберет сам, чтобы знать, где что положено.

В Актюбинске вагон Кирова отцепили. Приехали районные партийные руководители. Сергей Миронович долго с ними беседовал. Когда я подавал им чай, я слышал, как товарищ Киров очень круто выговаривал им за безобразную уборку урожая.

Местные руководители ссылались на отсутствие транспорта, на малое количество верблюдов, но Сергей Миронович прямо их предупредил, чтобы они отговорками не занимались.

Вскоре товарищ Киров надел шинель и, сказав, что вернется часам к 12, уехал. Однако, приехал он не в 12, а в 2 часа ночи. А утром, часов в 7, ему снова подали машину, и он опять уехал до позднего вечера.

На другой день Сергей Миронович двинулся в Алма-Ата. Здесь о приезде Кирова узнали, очевидно, заранее. К вокзалу подошла тысячная толпа рабочих, и, когда показался Сергей Миронович, рабочие закричали «ура», махали в воздухе шапками, старались пробиться к нему ближе.

Местные руководители решили по случаю приезда товарища Кирова устроить торжественный банкет с ужином, музыкой и речами. Узнав об этом, Сергей Мироно-

вич страшно рассердился. Я еще ни разу не видел его таким сердитым.

— Надо делом заниматься, уважаемые товарищи, — сказал он, хмурясь, секретарю Алма-Атинского горкома партии. — Я приехал по делам, а не парадами заниматься. Да и вам не до музыки, если уж на то пошло.

В Алма-Ата Киров пробыл дней 5—6. Он почти не спал, работая день и ночь, разъезжая по колхозам и совхозам. Он не только работал сам, но и заставил двинуться в колхозы почти всех местных ответственных партийных работников.

Из Алма-Ата мы поехали в Семипалатинск. И здесь Киров в течение круглых суток разъезжал по району. Просто поражаться надо, сколько он работал! Иногда он приезжал часов в 12 ночи, а часа в 3 утра вновь уезжал в какой-нибудь из дальних колхозов. Очень был вынослив товарищ Киров. Другой не выдержал бы и 2 дней такой работы — свалился бы. А Сергей Миронович всегда был бодр. Я очень беспокоился, чтобы товарищ Киров не простудился: ночи были очень холодные. Мне удалось, наконец, уговорить его взять у меня шарф и повязывать им шею во время ночных поездок.

Сергей Миронович был такой страстный охотник, что я второго такого не встретил за всю свою жизнь. Он даже в Казахстане, проезжая по степи в автомобиле, не мог видеть равнодушно никакую дичь.

Очень любил Мироныч пить в дороге чай. Я знал эту его привычку и захватил с собой маленький самоварчик. Этот самоварчик очень понравился Сергею Мироновичу. Он прозвал его «единоличником». Как, бывало, захочет выпить чаю, сейчас мне говорит:

— А не побеседовать ли нам с единоличником, товарищ Кузьмичев?

В эту поездку я провел с Кировым почти месяц. После Семипалатинска нужно было ехать в Караганду.

По железнодорожной дороге этот путь равнялся 3500 километрам. Узнав об этом, Сергей Миронович решил ехать прямиком на автомобиле. Так короче чуть ли не на 3 тысячи километров. Правда, дорога была очень скверная, даже опасная, и Кирова все отговаривали от такой неудобной поездки, но он настоял на своем и уехал. Я отправился в путь в его вагоне окружным путем. До Караганды я немного не доехал, так как Сергей Миронович прислал телеграмму с распоряжением ждать его на одной из станций.

Мне потом рассказывали, что Киров поднял всех на ноги в Караганде, спускался в шахту, знакомился со всеми мелочами и очень много помог своими советами.

В вагоне на обратном пути Мироныч восхищался одним старичком, профессором ботаники. Этот замечательный ученый устроил в Караганде на песчаном месте зеленые насаждения. И весь город стал озеленяться из его питомника.

— Человеку только бы захотеть по-настоящему, чудеса будут! — говорил товарищ Киров.

Похлопав меня по плечу, он спросил:

— Ну как, ты не соскучился?

— Соскучился, Сергей Миронович.

— И я соскучился, — сказал товарищ Киров.

Мы поехали на Свердловск, Казань, Москву. В Москве Сергей Миронович провел целый день, и уже поздно вечером наш вагон прицепили к ленинградскому поезду. Когда мы прощались на ленинградском вокзале, Сергей Миронович крепко пожал мне руку и очень весело сказал:

— Ну, товарищ Кузьмичев, в следующий раз поедем с тобой вокруг света.

И. П. КУЗЬМИЧЕВ

ВЕЛИКОЕ СЕРДЦЕ

14 лет назад умер мой муж. На руках у меня осталось 3 детей. Младшему тогда еще и года не было. Мне на детей назначили пенсию, но в аппараты социального обеспечения пробрались некоторые люди, которые умышленно возбуждали в рабочих недовольство, изматывали их волокитой и бюрократизмом. Короче говоря, пенсию у меня отобрали.

Сколько я ни мыкалась, сколько ни подавала заявлений, прошений, справок — нигде не могла я найти концов. А я работала уборщицей, жалованье у меня было небольшое, прокормить на эти деньги 3 детей не было никаких сил.

И вот один знакомый посоветовал мне обратиться к товарищу Кирову.

— Иди, — говорит, — прямо к нему на квартиру. Этот человек все поймет сразу.

Кто такой Киров, я тогда даже не знала. Но выхода у меня никакого не было, и я решилась. Мне написали заявление и дали адрес. Подходя к большому серому дому на Петроградской стороне, я сильно волновалась.

— Ну, думаю, а вдруг не примет! Ведь даже в учреждениях меня не всегда выслушивали, а здесь иду на квартиру да еще к такому человеку.

Но мысль о будущей судьбе моих детей придавала мне решимость, и я нажала кнопку звонка.

Как сейчас помню — вышел мне навстречу веселый, улыбающийся мужчина. В его обращении, в его открытой улыбке, в его лучистых глазах было что-то бесконечно родное, дружеское. Это был Киров.

Я начала рассказывать. Рассказывала, конечно, сбивчиво, путанно, волнуясь и стесняясь. Мироныч слушал меня внимательно, не перебивал вопросами. Когда я замолчала, Киров заговорил. Он спросил меня, куда я обра-

щалась, с какими организациями имела дело, кто те люди, которые были со мной так черствы и жестки. Он даже поинтересовался, как сейчас воспитываются мои дети, кто за ними присматривает, пока я на работе.

— Да, тяжело вам днем работать, а ночью нянчить детей...

Этих душевных слов, живого, человеческого участия великого человека мне не забыть до последних дней своей жизни.

Мироныч взял мое заявление, сделал в уголке скромную пометку и сказал, куда нужно пойти.

— Все будет в порядке, — пожал мне руку Киров, — никто не имеет права в нашей стране отнять у рабочего то, что ему полагается.

Я словно помолодела. Отзывчивое участие Сергея Мироновича влило в меня бодрость, я снова почувствовала радость жизни, веру в людей.

— Мама, тебе помог хороший дядя?

Таким вопросом встретил меня 4-летний Боря. Ребенок по выражению моего лица понял, что у меня весело и радостно на душе.

— Помог, Боренька, помог, сынок...

От радостного волнения я почти не могла говорить.

Мироныч утешил меня и помог мне в тяжелую минуту моей жизни, положил конец моим беспокойствам и неуверенности. Пенсию я, конечно, сразу же получила без всякой волокиты.

Теперь я часто говорю моим детям:

«Не щадите жизни и сил своих для того великого дела, за которое боролся и погиб наш Киров. Будьте так же отзывчивы к людям, так же чутки и добры к ним, как был чуток и добр родной Мироныч.

Работница ИВАНОВА
з-д „Большевик"

ОХОТА — ЛЮБИМЫЙ ОТДЫХ МИРОНЫЧА

В начале 1927 года мне сказали, что я буду возить на машине секретаря Ленинградского Обкома и Горкома партии товарища Кирова.

Тщательно вымыв машину, я на другой день подкатил к подъезду Смольного. Сергей Миронович сразу же покорил меня необычайной, естественной простотой и мягкостью. Я подумал, что это только первое впечатление, но нет: эти черты кировского характера проявлялись неизменно в течение всех восьми лет, которые я его знал.

Сколько теплоты и заботливости проявлял Сергей Миронович к окружающим. Как бы он ни был занят, у него всегда находилась минута для меня. Бывало, он скажет:

— Как живешь, Сидор Михайлович? Вот придет выходной денек — на охоту съездим.

Охота была любимым отдыхом Сергея Мироновича. Помню хмурое осеннее утро. Мы по колено в болоте. Сергей Миронович с рюкзаком за плечами двигается по следам собаки. Я едва поспеваю за ним. Щелкнул курок, и птица падает в болото.

— Есть, — радостно говорит Мироныч, повернувшись ко мне.

Киров бил почти без промаха, хотя стрелял с левой руки, так как правым глазом он видел плохо.

В памяти моей очень хорошо запечатлелась первая охота. Приехали мы на опушку леса. Остановились. Только что кончил моросить дождик.

— Костерчик бы развести, — говорит Сергей Миронович.

— Сейчас запылает, — уверенно говорю я. И горячо принимаюсь за работу. Но я никогда до этого не был на охоте и поэтому не думал даже, что развести костер не так-то уж просто. Жгу спичку за спичкой, а отсы-

ревший хворост не загорается. Пошипит-пошипит, да и потухнет. Зябнут от ветра руки, от дыма слезятся глаза. Так проходит несколько минут. Оглядываюсь, смущенный, на Сергея Мироновича: он добродушно смеется.

— Давайте уж, Сидор Михайлович, — говорит Киров, — поучу вас этому делу.

Он разыскал на сосняке совсем мелкие и сухие сучочки, подложил их под кучу сырого хвороста и поджег. И хворост разгорелся сразу же, с одной спички.

Тут же он объяснил мне, что на каждой старой, густой сосне можно найти мелкие сучки, на которые дождь не попадает. Их защищают густые ветви дерева. Стоит положить этот мелкий сушняк под костер, и все в порядке.

Когда Сергей Миронович ездил охотиться в Старую Ладогу, он обычно останавливался у егеря Александрова. А у того был сынишка лет 4. Товарищ Киров очень к нему привязался, всегда рассказывал ему разные смешные истории, играл с ним, угощал его конфетами. Вот как-то раз вечером мальчонка говорит Кирову:

— Я хочу с тобой на охоту пойти.

— А в кого ты стрелять будешь? — спрашивает с серьезным видом Сергей Миронович.

Мальчонка немного задумался, а потом очень твердо заявил:

— В ворону.

— Ладно, — говорит Мироныч. — Сейчас давай ляжем спать, а утром я тебя разбужу, и мы пойдем с тобой стрелять ворон.

Утром, чуть свет, Киров ушел на охоту. Мальчонка спал крепким сном и даже не слышал, как мы ушли.

Приехали мы вечером к егерю — мальчик хмурится и молчит. Тогда Мироныч решил сам начать разговор.

— Ну, где же ты сегодня, пацан, был? (Киров называл ребятишек пацанами).

— На охоте, — задорно отвечает малыш и опять молчит.

— Да что ты, — удивляется Сергей Миронович. — Молодец! А где же твое ружье?

— За забором оставил.

— Так, так... Ну, и убил кого-нибудь?

— Убил ворону, — не моргнув глазом, врет мальчонка.

— Ай да охотник! — смеется Мироныч и подмигивает нам: дескать, сейчас я выведу его на свежую воду.

— Давай, показывай свою добычу, показывай ворону.

Но четырехлетний карапуз смышлен и хитер не по годам:

— Ее показать нельзя, я ее глубоко зарыл, — ничуть не смущаясь, говорит малыш и важно уходит в соседнюю комнату.

Кирова этот разговор необычайно развеселил. Он долго смеялся и восклицал:

— Вот так пацан! До чего хитер! А важности-то сколько! Молодец! Здорово, честное слово, здорово!

Ходок Сергей Миронович был исключительный. Чуть только рассветает, он уже в лес и ходит иногда до полной темноты. И никогда я не слышал, чтобы Киров пожаловался на усталость, всегда он был на охоте бодр и весел. Терпение и настойчивость у Сергея Мироновича были прямо на удивление. Пойдет, бывало, на тягу, засядет в шалаш и сидит несколько часов на одном месте. Зато уж без добычи почти никогда не возвращался.

Охота для Мироныча была лучшим отдыхом. Мало кто знает, что товарищ Киров почти все годы проводил свой отпуск, охотясь под Ленинградом. А в майские и октябрьские праздники было уж заведено твердо: как только парад кончится, Мироныч приезжает домой, быстро переодевается, берет ружье и за город — охотиться.

Во время охоты, останавливаясь в какой-нибудь деревне, Киров всегда беседовал с крестьянами. Народ его не стеснялся, с ним разговаривали, как с близким товарищем: рассказывали о своих нуждах, о непорядках в колхозе, спрашивали совета.

Очень часто крестьяне вообще не знали, что они разговаривают с Кировым. И вот помню такой факт: сидим мы с Сергеем Мироновичем у костра, пьем чай. Подходят к нам несколько крестьян из колхоза. Завязалась беседа. Киров, как всегда, пригласил колхозников сесть, выпить с нами чайку. Вначале разговор был об охоте, а потом Сергей Миронович незаметно перевел его на колхозные дела. Часа два продолжался разговор. Я слушал и дивился: перед нами, казалось, сидел не Киров, а старый, опытный крестьянин, который всю жизнь занимался сельским хозяйством. Киров рассказывал, как правильно наладить работу в колхозе, чтобы повысить урожайность, зажиточность колхозников.

Крестьянин, который сидел рядом со мной, сказал мне вполголоса:

— Сразу видно, что человек много поработал в колхозе. Все тонкости знает.

Однажды под Псковом у Кирова была на редкость удачная охота. Он сам выследил и убил двух лисиц, настрелял много жирной дичи. Возвращался Сергей Миронович очень веселый.

— Завтра, — говорит, — поеду в Москву, свезу товарищу Сталину свежей дичи.

Дома Сергей Миронович не оставался ни на один выходной день. Если он не уезжал на охоту, то отправлялся осматривать стройки в городе, в пригороде или районе. И уже по дороге, бывало, ничего от его хозяйского глаза не укроется. Хорошее заметит, да уж и плохое не упустит. Даже об ухабах на дороге делал себе заметки в записной книжечке. Приедет в Ленинград и сейчас же звонит кому следует: почему дорога

в беспорядке. А через некоторое время опять позвонит: исправили ли дорогу. Смотришь, через неделю-другую дорога уже в порядке.

Сергей Миронович всегда садился рядом со мной в шоферскую кабинку, чтобы лучше видеть улицы, дома, трамваи, автобусы. Все абсолютно интересовало этого исключительного человека.

Ленинградскую область Киров знал так, как другой свой двор не знает. Летом 1934 года он специально отправился в автомобиле из Ленинграда в Москву, чтобы по дороге как следует посмотреть отдаленные районы области. Из Москвы в Ленинград он снова поехал на машине.

Как-то Сергей Миронович решил осмотреть заводы с Невы. Взяли мы обычную лодку с подвесным мотором, сел я за мотор, и мы поехали вверх по Неве. Проехали с часок, вдруг поднялся ветер, да не просто ветер, а самый настоящий ураган. Лодка легонькая, швыряет ее во все стороны, вот-вот перевернет. И хотя я знал, что Сергей Миронович хороший пловец, все-таки охватил меня страх за его жизнь. Повернул я кое-как лодку к берегу, хочу причалить — ничего не выходит, бьет вода о причал и обратно лодку относит. А в это время ударил гром, точно каменная гора обвалилась, молния глаза слепит. В одну минуту промокли мы оба до ниточки. Изловчился как-то Сергей Миронович, ухватился за стояк, схватил лодочную цепь и выскочил на причал. Попридержал он лодку за цепь, помог и мне выбраться на берег. С этих пор как, бывало, скажет мне Сергей Миронович: «Давай, Сидор Михайлович, поедем завтра на моторочке», — так у меня и настроение портится: на воде — не на суше, всякое может быть.

Не было дня, чтобы Киров куда-нибудь не ездил. По-моему, так он на многих маленьких ленинградских заводах бывал, а уж о гигантах и говорить нечего. Все серьезные заводские дела решались с его участием.

Когда «Путиловец» выпустил свои первые тракторы «Фордзон», Сергей Миронович был в очень радостном настроении.

— Ну, — говорит, — Сидор Михайлович, сейчас поедем смотреть большевистский трактор.

Выехали мы в поле (где теперь Мясокомбинат), там уже стоял «Фордзон». Киров приказал начинать испытания. Прицепили к трактору 2 плуга — тащит хорошо.

— А ну-ка, прицепите три плуга, — просит Сергей Миронович.

Прицепили три — еле-еле тянет.

— Слабоват, — говорит Киров. — Ну, да это — первые шаги. Теперь уж дело пойдет.

...В 1934 году партия командировала Кирова в Казахстан. Там срывались хлебозаготовки. Сергей Миронович провел там около месяца в разъездах по колхозам и совхозам, беседуя с лучшими ударниками-колхозниками. В результате в хлебозаготовках Казахстана наступил резкий перелом. Урожай был спасен.

Когда Киров вернулся в Ленинград, я подал ему в обычное время машину.

— Давненько вас не было, Сергей Миронович, — сказал я, пожимая протянутую им руку.

— Порядком, — улыбнулся Мироныч, — что поделаешь, хлеб-то ведь вам нужен. Вы себе сидите и забот не знаете, а я должен кормить вас, — пошутил он.

Как-то, проезжая к Лигову мимо совхоза имени Урицкого, Сергей Миронович заметил, что огромная площадь с капустой недостаточно полита. Я остановил машину, и мы пошли по грядам. К Миронычу подошел молодой рабочий с жалобой на непорядки в совхозе: для поливки капусты привозили полбочки воды — пока везли воду, она вся расплескалась из-за плохой дороги.

Сергей Миронович, конечно, не ограничился простым осмотром. Он прошел к директору, указал ему на беспорядок, тут же дал ряд практических советов и рекомен-

довал, между прочим, проложить дорогу через мостик, чтобы удобнее было возить воду.

— У вас же под носом озеро, — убеждал Киров, — проведите трубы, поставьте насос и качайте, сколько влезет!

Так и сделали. Когда я через некоторое время проезжал мимо совхоза, там была уже новая ветрянка.

Последний раз я ездил с Сергеем Мироновичем 30 ноября 1934 года. В выходной день он объехал весь город, осматривая новостройки. Он проверил строительство моста пущинской «пересечки». Этот мост строился по его инициативе, чтобы проходящие поезда не мешали движению по улице Стачек. От «Красного Путиловца» Мироныч проехал на стройку рабочего городка каменноостровского массива, чтобы проверить, выполнены ли его указания об исправлении дороги. Затем он посетил стройки в Лесном и на Выборгской стороне. После внимательного осмотра строек, Сергей Миронович попросил отвезти его домой, на Петроградскую сторону.

Это был последний объезд огромного, социалистического хозяйства своим заботливым хозяином-большевиком.

С. М. ЮДИН
шофер

ЛЮБИМЫЙ ДРУГ, ТОВАРИЩ, РУКОВОДИТЕЛЬ

Завод «Электросила» имени С. М. Кирова известен сегодня на весь мир как один из крупнейших машиностроительных заводов Советского Союза. Этой славой он обязан в первую очередь огромнейшему вниманию, которое в течение многих лет уделял «Электросиле» вождь ленинградских большевиков Сергей Миронович Киров.

В 1929—1930 годах, когда я был секретарем партийного комитета завода, перед «Электросилой», как и перед многими другими заводами Советского Союза,

встал вопрос об освобождении от иностранной зависимости. Как раз в этот период на заводе нашем строился турбокорпус (сейчас он называется цехом крупного машиностроения). Постройке этого корпуса Сергей Миронович придавал большое значение. Он интересовался выполнением плана нашего строительства, требовал от руководства систематических сводок хода его. Если Киров обнаруживал расхождение между сводками и намеченным планом, он немедленно звонил директору завода или в партком, требуя приезда в Смольный с подробными объяснениями о причинах задержки пуска турбокорпуса.

Одним из наиболее ярких примеров кировской заботы о нашем заводе было его руководство сооружением так называемой разгонной ямы. Чтобы выпустить турбину, необходимо провести ее через тщательное испытание на заводе. Для такого опробования турбины делается специальная разгонная яма. Яма, которая требовалась нам, была по своему размеру чрезвычайно велика. Ни разу еще в России подобного масштаба разгонных ям не сооружалось. Приступив к ее постройке без соответствующего опыта, мы сразу же встретились с серьезными затруднениями.

И вот на заводе появился Сергей Миронович. Он приехал специально, чтобы познакомиться с постройкой разгонной ямы. Узнав о наших трудностях, товарищ Киров заинтересовался составом научных работников, привлеченных для этого сооружения. Он узнал, что в консультацию входят исключительно заводские инженеры, и сейчас же предложил пополнить ее двумя-тремя видными академиками.

— Попробуйте такое мероприятие, — посоветовал Сергей Миронович, — думаю, дело тронется быстрее.

В ответ на наши жалобы по поводу недостатков некоторых редких материалов Киров немедленно отдал распоряжение ряду заводов, и материалы появились.

Советы и помощь товарища Кирова дали вскоре прекрасные результаты. Разгонная яма была готова, и наш турбокорпус стал не только изготовлять чудесные турбины, но и отправлять их после опробования по всему Советскому Союзу.

С особой осторожностью относился Сергей Миронович к рациональному использованию иностранных специалистов на заводе. У нас на «Электросиле» работали 4 американца, и товарищ Киров хотел знать о них все: созданы ли им хорошие бытовые условия, довольны ли они техническим уровнем завода, а главное — какую они нам оказывают помощь. Мы обязаны были каждую декаду подробнейшим образом сообщать Кирову, что сделали иностранцы.

— Мы ведь им валютой платим, — напомнил Сергей Миронович, — не забывайте этого.

Этот строжайший контроль Кирова над работой американцев заставил дирекцию завода ежедневно конкретно проверять работу иностранных инженеров. Очень скоро выяснилось, что 3 из них работали вполне добросовестно, а один пытался получить валюту за явную халтуру. Пришлось нам расстаться с этим лжеспециалистом.

Не меньший интерес, но уже совсем в ином плане, проявлял Сергей Миронович и к советским специалистам. В то время у нас на заводе работало 700 инженеров и техников. Можно с уверенностью сказать, что наиболее ценных из них Сергей Миронович знал лично. При этом он интересовался их бытом, деловыми качествами и, в первую очередь, их политическим лицом. Сергей Миронович помог нам отобрать и послать за границу наиболее способных специалистов. Выбор товарищей для поездки был явно удачен и принес нашей стране огромную пользу. Многие из этих специалистов являются сейчас крупными конструкторами, создавшими

в электропромышленности такие машины, которые помогли нам окончательно избавиться от иностранной зависимости.

Занимаясь важнейшими вопросами общегосударственной значимости, Сергей Миронович умел и находил время заботиться о самых рядовых людях. Припоминаю такой факт. У одного нашего рабочего еще в 1920 или 1921 году появился на лице небольшой лишай. Ни он сам, ни его товарищи не обратили на это никакого внимания. Постепенно лишай все разрастался и разрастался и через несколько лет покрыл собою все лицо. Рабочий обращался ко многим медицинским организациям, но никто ему никакой действенной помощи оказать не мог. Врачи говорили, что это какой-то тип хронической экземы. Понятно, что у рабочего и у его семьи всегда было подавленное, гнетущее состояние.

В одно из своих посещений «Электросилы» Сергей Миронович увидел этого рабочего. Подойдя к нему и поговорив вначале о некоторых производственных вопросах, Киров как бы между прочим поинтересовался:

— А что это у вас с лицом?

Рабочий охотно рассказал Кирову историю своей болезни.

Когда Сергей Миронович остался со мной наедине, он сразу же спросил:

— А ты занимался этим человеком? Направлял его на лечение?

— Занимался, — говорю, — несколько раз направлял его в лечебницу.

— Не так надо заниматься такими делами, — решительно сказал Киров. — Нужно добиться результатов. Позвони от моего имени к заведующему Здравотделом, пусть он сейчас же созовет консилиум видных специалистов и даст свое заключение о помощи этому человеку.

Я так и сделал. Через несколько дней консилиум собрался и наметил для больного лечебный режим.

Меньше, чем через месяц, ко мне позвонил Сергей Миронович.

— Карпухин, как обстоит дело с больным рабочим? Сделано ли то, о чем я просил?

Я доложил о результатах.

Прошел год, и «неизлечимо» больной рабочий ходил с абсолютно чистым лицом. Благодаря Кирову он был излечен. Трудно передать, в каких прочувствованных словах благодарил этот рабочий товарища Кирова. Не только семья, но и весь цех, в котором он работал, испытывали огромное чувство радости и гордости за кировскую заботу, за изумительную его человечность, в лучшем смысле этого слова.

Говоря о внимании Кирова к людям, к их нуждам, я не могу не вспомнить про катастрофу в Московском районе, когда на трамвай наскочил поезд. При этой катастрофе погибло более двадцати человек. Нечего и говорить, что сразу же после этого несчастья Сергей Миронович приехал в райком для детального ознакомления с делом. Но и потом, в течение нескольких месяцев, Киров при каждой встрече со мной (я тогда работал заворготделом Московского райкома) обязательно спрашивал о семьях погибших: чем мы им помогаем, не нуждается ли кто-нибудь из них в работе, каково их материальное обеспечение. И вот характерная черта Сергея Мироновича: он знал меня уже несколько лет, был уверен, что я никогда не скажу ему неправду, и все же он иногда проверял у секретаря райкома, правильно ли я рассказал ему о положении семей погибших.

Вспоминаю я и другой случай, который весьма ярко отражает кировскую заботу о населении. В 1933 году из-за скверной навигации Ленинград очутился перед угрозой остаться без дров. Я тогда работал парторгом Севзапароходства. Вместе с начальником пароходства Киров вызвал для объяснений и меня. Рассказав нам о тягчайших последствиях, которые повлечет за собой

срыв заготовок топлива на зиму, Киров сейчас же распорядился дать нам в помощь людей из НКВД и других организаций. Уходя, мы получили от Сергея Мироновича самые точные инструкции, как нам приступить к выполнению плана заготовок. Зарядка, которую дал нам Киров, сознание, что Сергей Миронович доверяет нам и надеется на нас, помогло нам в короткое время мобилизовать на выполнение кировского задания 35-тысячный коллектив Севзапароходства.

Мы работали с большевистским упорством, работали так, чтобы не пришлось краснеть перед Кировым. В назначенное время заготовки были выполнены. Сергей Миронович был необычайно доволен, что трудящиеся города Ленина будут в течение зимы обеспечены дровами. Радость его была столь велика, что он сразу же соединился по телефону с товарищем Сталиным и рассказал ему о нашей победе. Товарищ Сталин высоко оценил нашу работу. Он специально позвонил по телефону в Наркомат о том, что наш коллектив крепко поработал и что он заслуживает быть как-то отмеченным.

Высочайшей награды—одобрения товарища Сталина—мы добились благодаря повседневному большевистскому руководству нашей работой незабвенного Сергея Мироновича Кирова.

Я. М. КАРПУХИН
бывш. наборщик

„Вдохновляемые светлым примером жизни Мироныча, его лучезарным образом, который будет жить века, под водительством мудрого великого вождя товарища Сталина, мы пойдем вперед к окончательной победе того дела, за которое боролся и погиб Мироныч!

Пусть память о Кирове живет столетия!

Пусть учится молодежь и грядущие поколения на жизни и работе Сергея Мироновича Кирова!

Дело, за которое боролся Киров — в твердых руках нашего героического многомиллионного народа и великого Сталина!"

А. А. ЖДАНОВ

ПИСЬМО ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ ОТ СТАРЫХ РАБОЧИХ ЛЕНИНГРАДА

Дорогой Иосиф Виссарионович!

В эти тяжелые минуты, когда не стало среди нас любимого Сергея Мироновича, когда у гроба товарища Кирова кровью обливается сердце каждого ленинградского пролетария, в эти минуты хочется прежде всего поговорить с тобой, товарищ Сталин!

Пуля врага вырвала из наших рядов пламенного революционера, неустрашимого борца большевистской партии, славного руководителя ленинградских рабочих, вернейшего твоего воспитанника и соратника.

Нет слов, которыми можно было бы рассказать тебе, что мы пережили и передумали за одну только ночь после вчерашнего злодеяния.

Киров был для нас отцом родным. Что бы ни случалось у нас на производстве или в быту, — мы прежде всего шли к нему.

— Наш Мироныч, наш Киров! — так называли мы его. Он был нашим верным политическим руководителем, вел нас прямой ленинской дорогой, воспитал в нас ненависть и непримиримость к оппортунизму.

С его помощью и под его непосредственным руководством Ленинградская партийная организация разгромила все антиленинские оппозиции — и контрреволюционный троцкизм, и зиновьевский блок, и правых кулацких капитулянтов-предателей.

Киров горел на работе и огнем своим зажигал других. Достаточно было ему притти на рабочее собрание— одно появление нашего Мироныча подымало дух, и мы готовы были итти за ним в огонь и в воду.

Именно Кирову мы обязаны тем, что ленинградская промышленность выполнила первую пятилетку в три года, освоила сотни новых сложнейших производств, сделалась могучим оплотом обороны нашей родины, показала пример организованности и высокой культуры производства. Ему мы обязаны и своими крупнейшими успехами в выполнении плана второй пятилетки, новыми громадными достижениями в освоении техники, в разработке богатейших недр нашей области, в превращении ее из единоличной в колхозную, из потребляющей в производящую. Киров сам работал по-сталински, так работать учил и нас.

Вот кого вырвал у нас проклятый враг! Вот кого мы оплакиваем сегодня!

Любой из нас, не задумываясь, прикрыл бы собственной грудью нашего Кирова от пули врага, без колебания отдал бы за него свою жизнь.

Мы знаем, что убийство Кирова вызовет радость в стане врагов. Они надеются, что это подлое убийство расстроит наши железные ряды.

Но капиталистическо-белогвардейская сволочь и на этот раз просчиталась. Злодейская пуля могла остановить сердце Кирова, но врагам никогда не удастся остановить пламенное сердце революции, бьющееся в миллионах.

Пусть враги помнят, что не только боль, но и великий гнев потрясает наши сердца. Смерть Кирова дорого обойдется врагам!

У его гроба мы даем тебе, Иосиф Виссарионович, пролетарскую клятву с еще большей энергией бороться за то великое дело, за которое он отдал свою кристально чистую жизнь.

Мы хорошо понимаем, как тебе тяжело в эти дни. Мы знаем, каким испытанным другом и верным помощником был для тебя наш Мироныч.

Поэтому-то мы и решили послать тебе это письмо и во всеуслышание на весь мир заявляем:

— Кирова не стало, но жива, крепка и как никогда сильна своей сплоченностью воспитанная им славная большевистская организация Ленинграда!

Пусть на весь мир прозвучит наша клятва в том, что мы будем так же, как наш Мироныч, беззаветно бороться за дело рабочего класса, за мировую пролетарскую революцию.

Выше поднимем великое знамя Ленина—Сталина! Оно несет нам победу!

2/XII — 1934 г.

ПРОХОДЯ МИМО ГРОБА КИРОВА...

ПИСЬМО СТАРЕЙШИХ РАБОЧИХ ЗАВОДА ИМЕНИ СТАЛИНА

Дорогой товарищ Сталин!

В дни великой скорби, когда весь Ленинград оплакивал лучшего своего сына, своего бесконечно родного Мироныча, когда так тяжело на душе у каждого рабочего, ты был среди нас, среди ленинградских пролетариев. У гроба своего любимого ученика, верного соратника, лучшего помощника ты был вместе с нами. Нет слов сказать тебе, товарищ Сталин, как ободряло, закаляло, наполняло желанием новой борьбы твое присутствие среди нас.

Связь вождей партии с рабочим классом, самое близкое их общение между собой не нарушить никаким злодеям-террористам. Проходя мимо гроба Кирова, мы мысленно давали клятву тебе, товарищ Сталин, в своей

преданности до конца делу партии. Боль и скорбь Сталина у гроба нашего Мироныча вызывали в каждом из нас еще большую решимость расправиться с остатками классовых врагов.

Дорогой наш вождь и учитель, друг и товарищ многомиллионных масс великого Советского Союза, к тебе сегодня обращаются все мысли старейших рабочих города Ленина. Они хотят пополнить ряды большевистской партии. Огромная тяга в комсомол появилась среди нашей молодежи.

Мы, старые производственники, постараемся еще лучше работать у станков, а если нужно — на открытом поле битвы не пожалеем своих голов за дело большевистской партии. Знай, что по первому зову партии в ее рядах окажутся все старейшие и лучшие производственники. Знай, что, проходя мимо гроба Кирова, мы не только плакали, но и исполнялись великой готовностью бороться, как Киров. И об этой готовности мы тебе заявляем.

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

ОТ 200 ТЫСЯЧ РАБОЧИХ И РАБОТНИЦ КИРОВСКОГО РАЙОНА ГОР. ЛЕНИНГРАДА

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Двести тысяч рабочих и работниц Нарвской заставы с чувством великой пролетарской гордости встретили известие о переименовании нашего района в Кировский район.

С чувством великой гордости потому, что имя этого чудесного революционера, пламенного вождя и трибуна рабочего класса, лучшего сына нашей партии и нашей социалистической родины будет носить Нарвский район,

который дорог нам, как кусок нашей собственной жизни, как история нашей революционной борьбы за Советскую власть, за диктатуру пролетариата.

Нарвский район — один из передовых районов пролетарского Ленинграда — богат славными революционными традициями. За Нарвской заставой в цехах гиганта «Путиловца» в суровые годы борьбы с самодержавием и капитализмом создавались первые большевистские ячейки, выковывались первые отряды великой ленинской партии. Двухсоттысячный отряд нарвских рабочих всегда шел в передовых шеренгах города Ленина. И в этом году передовые заводы района показывают образцы работы, уже выполнив свою годовую программу.

Мы знаем, что великая честь, которую оказали нам партия и правительство, нас ко многому обязывает.

Быть такими же преданными делу социализма, делу партии Ленина—Сталина, каким был товарищ Киров. Быть по-кировски мужественными в социалистическом строительстве, бесстрашными в классовой борьбе, беспощадными к своим классовым врагам, ко всякого рода контрреволюционному охвостью зиновьевцев, троцкистов и всех разгромленных партией оппозиций.

Имя великого революционера-большевика Сергея Мироновича Кирова, данное нашему району партией и советским правительством, требует от нас работать по-кировски, работать так, как ты неустанно учишь нас, дорогой товарищ Сталин. Кировский район должен быть образцовым районом.

Рукой злодея-убийцы, подосланного агентами классовых врагов, подлыми подонками зиновьевской контрреволюционной группы, товарищ Киров вырван из наших рядов.

Дорогой Иосиф Виссарионович, мы знаем, что в лице нашего Кирова ты потерял не только своего верного ученика и боевого соратника, ты потерял своего близкого и родного друга.

Большевики Кировского района вместе с тобой скорбят и разделяют эту тяжелую и невозвратимую потерю, которую понесла наша партия, которую понес ты, наш любимый вождь, учитель и друг.

Мы, большевики Кировского района, ученики и воспитанники нашего Мироныча, приложим все наши силы, всю нашу революционную волю и будем счастливы своей борьбой, своей работой, своей беззаветной преданностью ленинско-сталинскому Центральному Комитету, своей безграничной любовью к тебе, товарищ Сталин, хоть в какой-либо степени для партии, для тебя возместить эту тяжелую потерю, эту огромную невозвратимую утрату. Порукой тому — работа и борьба наша под славным руководством товарища Кирова в течение 9 исторических лет.

Мы будем, дорогой товарищ Сталин, как зеницу ока, беречь и хранить светлую память о нашем дорогом и любимом товарище Кирове.

Мы клянемся всей своей работой оправдать великую честь, оказанную нам партией и правительством, присвоившими нашему району имя незабвенного Кирова.

Мы обещаем тебе, товарищ Сталин, быть в первых рядах нашей славной ленинградской организации в борьбе за построение бесклассового социалистического общества.

Мы помним твои указания, товарищ Сталин, о том, что нет такой пакости и клеветы, которую бы наши враги не возвели на Советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. «На этой почве могут ожить и зашевелиться, — пророчески говорил ты, — разбитые группы старых контрреволюционных партий, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут зажить и зашевелиться осколки контрреволюционных элементов из троцкистов и правых уклонистов».

Мы обещаем тебе, товарищ Сталин, зорче глядеть, повысить свою революционную бдительность, настороженность, еще крепче бороться за уничтожение под корень, до конца, последних остатков классовых врагов. Отомстим за смерть нашего дорогого Сергея Мироновича!

Мы обещаем тебе, товарищ Сталин, что под руководством товарища Жданова, одного из лучших сынов нашей ленинской партии, приложим все силы, чтобы и впредь еще более крепла наша славная ленинградская организация, незыблемый и несокрушимый оплот сталинского Центрального Комитета.

Мы клянемся тебе, товарищ Сталин, до конца наших дней быть верными непобедимому знамени Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина! Всегда и всюду в наших сердцах будет гореть образ пламенного борца за рабочее дело — товарища Кирова, твоего ученика, соратника и друга. Его великие дела будут всегда воодушевлять нас в нашей борьбе и работе.

Да здравствует мудрый вождь и учитель мирового пролетариата — наш Сталин!

ПИСЬМО КРАСНОПУТИЛОВЦЕВ-БОЛЬШЕВИКОВ ТОВАРИЩУ ЖДАНОВУ

Дорогой товарищ Жданов!

Краснопутиловские большевики с гордостью приняли решение пленума Обкома и Горкома ВКП(б) о присвоении нашему заводу имени близкого нам и родного Сергея Мироновича. С именем товарища Кирова связана блестящая полоса развития нашего завода. Старый, дряхлый Путиловский завод сегодня находится в первых шеренгах наших индустриальных гигантов. От старого «Путиловца» у нас только сохранились славные боевые революционные традиции. Приятно и гордо носить нам имя Мироныча еще и потому, что это он растил, воспитывал нашу организацию в борьбе с трудностями,

в борьбе с классовым врагом, против зиновьевцев, троцкистов, этого передового отряда международной буржуазной контрреволюции. Под руководством товарища Кирова большевики завода твердо и уверенно вели рабочих по пути генеральной линии партии, являясь твердым оплотом Ленинского ЦК и великого Сталина. Кировское имя, имя пламенного трибуна нашей партии, бесстрашного революционера, обязывает нас еще крепче сплотить свои ряды вокруг ЦК ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным.

Дорогой товарищ Жданов, ты избран нашим руководителем, и мы заверяем тебя, что в этой ответственнейшей работе, на которую поставила тебя наша партия, мы, кировские большевики, под твоим непосредственным руководством, будем высоко нести великое непобедимое знамя Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

Ответств. редактор *Р. Левман.* Техн. редактор *И. Козлов.*
Корректор *Е. Ланкина.*
Обложка художн. *Успенского.*

Сдано в набор 30/X 1939 г. Подписано к печати 15/XI 1939 г.
Печатных листов 10¼. Бумажных листов 2½. Формат бумаги 70×105.
Печ. зн. в бум. л 117 504. Тираж 10 000 экз. Леноблгорлит № 5302.
Лениздат № 149. Заказ № 3668.

Типография „Коминтерн", Ленинград, Красная ул., 1.

Цена 2 р. 25 к.

40189
9